

АНДРЕ НОРТОН

ВОЛШЕБНЫЙ
ПОЯС

ПРОКЛЯТИЕ
ЗАРСТОРА

Колдовской Мир

ТАЙНЫ

КОЛДОВСКОГО МИРА

Звезды новой фэнтези

Андрэ Нортон

**Колдовской мир: Волшебный
пояс. Проклятие Зарстора.
Тайны Колдовского мира**

«Азбука-Аттикус»

1974-2004

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Нортон А.

Колдовской мир: Волшебный пояс. Проклятие Зарстора.
Тайны Колдовского мира / А. Нортон — «Азбука-Аттикус»,
1974-2004 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-20144-6

Перу американской писательницы Андрэ Нортон, «великой леди фантастики» XX столетия, принадлежит более 130 книг. Критики, увы, не спешили поддержать ее, а сама она была слишком скромным человеком, чтобы пробивать себе дорогу к пьедесталу. Тем не менее талант ее сиял так ярко, что не остался незамеченным. В нашей стране имя писательницы стало известно после выхода романа «Саргассы в космосе», блистательно переведенного Аркадием и Борисом Стругацкими. А в 1963 году в США вышла книга под названием «Колдовской мир» – так был создан один из известнейших фэнтези-миров в истории жанра. Вселенная Нортон удивительна – магия здесь всесильна (и даже признана официально), а законы непреложны, и нарушившего их рано или поздно настигает справедливое возмездие. В Колдовской мир можно попасть через магические Ворота – и это дает любому человеку замечательный шанс начать новую жизнь на новой земле. В настоящий том цикла «Колдовской мир» вошли два романа и рассказы, объединенные местом действия; почти все произведения – в новом переводе. Юный Кетан, герой «Волшебного пояса», получает необычный подарок и с его помощью обретает сверхъестественные способности и истинную свободу. Однако двойственная природа противоречива, и перевоплощение может стать необратимым... Героиня романа «Проклятие Зарстора» стремится раскрыть секрет старинной родовой легенды, чтобы победить злые чары. Но кто-то или что-то неотступно следует за ней по пятам... Сборник «Тайны Колдовского мира» представляет эту волшебную вселенную во всем ее красочном многообразии. Слепая ткачиха видит больше обычного с помощью своих «зрячих пальцев», и однажды ей в руки попадает лоскут шелка, сотканного не человеком... Рожденная в топях дитя-бабочка во сне скитается

по чужим мирам и песней призывает сестру, возникающую в вихре песка...
Высоко в горах есть Жабий круг, где исполняются желания, в лесу же можно
встретить гостеприимного оборотня, которому прислуживает кот... Как много
историй, и в каждой – новая тайна!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-20144-6

© Нортон А., 1974-2004

© Азбука-Аттикус, 1974-2004

Содержание

Волшебный пояс[1]	7
О святилище Гунноры и о скрытой в нем в год Красного Вепря тайне	9
О наследии Кетана и жизни в Кар До Проне	15
О торговце Ибикусе и привезенном им поясе из пардуса	20
О подарке дамы Элдрис и о том, что случилось в первое полнолуние после того	25
О предостережении Урсиллы и тучах над Арвоном	30
О том, что замыслил Магус и как у меня открылись глаза	35
О дикой охоте и моем от нее бегстве	40
О лесной деве и Звездной башне	45
О том, как я видел сон и после попал в беду	50
О снежном коте и обитателе призрачных руин	55
О жителях башни и о том, как я выбрал опасный путь	60
О том, как я сделал открытие и как задумал его применить	65
О том, как я стал пленником Урсиллы, а мать предсказала мне будущее	70
О том, как трое из Звездной башни приняли участие в моей судьбе	75
О том, как я отверг путь зверя, и о тайне Урсиллы	80
О том, как Урсилла ворожила на дымных рунах и отправила меня исполнять ее волю	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Андрэ Нортон

Колдовской мир. Тайны Колдовского мира

Andre Norton

THE JARGOON PARD

Copyright © 1974 by Andre Norton

ZARSTHOR'S BANE

Copyright © 1978 by Andre Norton

LORE OF THE WITCH WORLD Copyright

© 1980 by Andre Norton

WERE-WRATH

Copyright © 1984 by Andre Norton

ULLY THE PIPER

Copyright © 1970 by Andre Norton

ONE-SPELL WIZARD

Copyright © 1973 by Andre Norton

EARTHBORNE

Copyright © 2004 by Andre Norton

All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора и Ethan Ellenberg Literary Agency (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Г. В. Соловьева, перевод, 2021

© К. М. Королев, перевод, 1992

© В. Э. Волковский (наследник), перевод, 2005

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

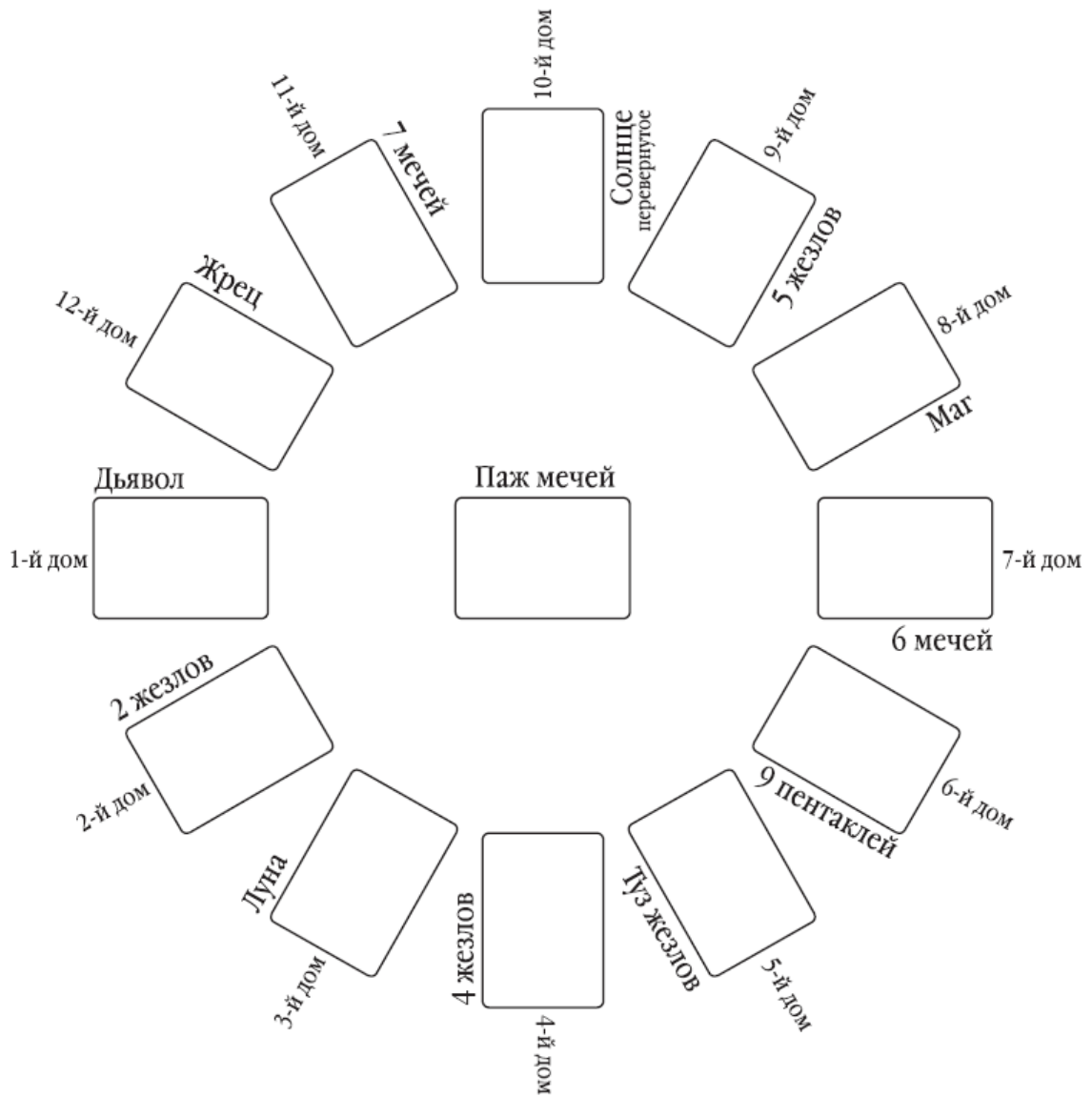
Издательство АЗБУКА®

Волшебный пояс¹
Роман

ГОРОСКОП ТАРО ДЛЯ КЕТАНА

¹ Перевод Г. Соловьевой.

О святилище Гунноры и о скрытой в нем в год Красного Вепря тайне

История Арвона записана во множестве хроник, потому что древность этой земли не вообразить людям, хотя бы те унаследовали от Древней расы долгий век жизни. Одни предания почти забылись, оставив в памяти сказителей лишь клочки да обрывки. Другие сложены недавно и подробны. Но в стране, где знают и используют Силу, чудеса следуют за ней, как тонкорунные овцы в Долинах следуют за дудочкой пастуха.

Арвон сохранил немного воспоминаний о Семерых Владыках и о тех, кто правил до них и чей суд еще жив в этой стране. Даже владеющие Силой не знают и не узнают всего.

Кто такая Гуннора? Может быть, она была Мудрой и стояла так высоко, что после ее кончины пошли слухи, будто была она не женщиной из плоти и крови, а бестелесным духом? Если и так – тропу к этой истине давно затянуло туманом. Но влияние Гунноры осталось, и все женщины знают это и черпают из этого силу. Потому что символ Гунноры – спелые колосья, переплетенные со зрелыми виноградными лозами. Амулет с этим знаком носит каждая женщина, она касается его в миг зачатия и крепко сжимает, когда приходит время рожать.

К святилищу Гунноры приходят те, кому в гадании выпали неясные руны; у нее просят средства от бесплодия и для облегчения родов.

В святилище Гунноры и начинается хроника Кетана: если говорить простым языком моей страны, а не высокой речью сказителей, – моя история. Однако случившееся в том святилище в день моего рождения долго оставалось тайной. И лишь чудо открыло ее свету и глазам людей.

Четыре клана: Красные мантии, Золотые мантии, Голубые и Серебряные мантии – держатся старого обычая в наследовании. Власть главы рода переходит не к его сыну, а к сыну его родной сестры, потому что кровное родство в кланах ведется по женской линии. Владение Кар До Прон должен был унаследовать сын Ироизы.

Ее брат, владетель Эрах, женился рано и уже имел сына Магуса и дочь Тэйни (тогда еще в колыбели), а Ироиза не спешила принять в свои покои мужчину. Она была яростно горда, Дар же ее был невелик. В ранней юности она училась у Мудрых Гарт-Хауэла, и одну из их числа, Урсиллу, привела с собой в Кар До Прон, когда ее призвали вернуться.

Ироиза твердо верила, что со временем родит сына, который займет место вождя. И вылепить этого сына, его тело и душу, собиралась она со всем тщанием, чтобы, когда воины поднимут его на щите и прокричат его имя в четырех углах Большого зала, он стал править не по своей, а по ее воле. В этом замысле ее поддерживала Урсилла, и к услугам Ироизы были все познания Мудрой.

Никто не мог бы назвать отца ребенка, которого она понесла в начале весны года Красного Вепря. Ироиза вольна была избрать себе мужчину для краткосрочного союза. Исподволь шептались, что мужчину этого привела ей Урсилла, но лучше было не копать слишком глубоко, чтобы не открылось не вполне человеческое – или более чем человеческое – происхождение наследника. Ведь Ироиза не сомневалась, что носит сына. И Урсилла поддерживала ее в этой убежденности.

В месяц Снежной Птицы госпожа Ироиза со своими прислужницами и Урсиллой отправилась в святилище Гунноры, потому что Мудрая Урсилла, гадая на роды, получила невнятный ответ. Ее беспокойство передалось Ироизе, и та решила, что никакая помощь в осуществлении пожирающих ее желаний не будет лишней. И вот по гладкому пути, потому что снег еще укрывал землю (хотя в полдень в воздухе уже чувствовалось весеннее тепло), они отправились в святилище.

У Гунноры не было ни жриц, ни служительниц. Взыскующие ее помощи не видели ее, хотя порой ощущали ее присутствие. Итак, по приезде их никто не встретил. Только в конюшнях, поодаль от святилища, стояли две лошади да во дворе метался, как запертый в клетку дикий кот, мужчина, не смевавший войти во внутренние помещения, принадлежащие одной Гунноре.

Незнакомец взглянул на вошедшую Ироизу, неуклюжую из-за раздувшегося чрева. И тотчас отвернулся, как если бы опасался поступить невежливо. Поэтому он не заметил долгого оценивающего взгляда Урсиллы и не видел, как нахмурилась Мудрая, проходя мимо, словно ее краешком задела некая тревожная мысль.

Впрочем, подопечная скоро отвлекла ее от раздумий, потому что госпожа Ироиза, как видно, ошиблась в сроках и время ее подошло. Ее уложили в одной из маленьких келий, где с ней осталась только Урсилла, остальные же дожидались за дверью.

В воздухе висел сладостный аромат, словно кругом обильно цвели летние луга, и Ироизе мнилось, будто она гуляет в цветнике большого сада. Боль была, но была далекой, как бы отдельной от ее тела и ничего не значила. Зато в женщине зарождалась великая радость, какой прежде не ведала ее холодная, коварная душа.

Она не знала, что в соседней келье святилища лежала другая женщина и при ней была Мудрая из соседней деревни. Та роженица тоже видела радостные сны, ожидая, когда дитя окажется в ее объятиях и прижмется к полному любви сердцу.

Ни одна из женщин не знала, что собирается буря, а вот метавшийся по двору мужчина вышел к воротам и, глядя на черную гору туч, беспокойно вздрогнул. Он думал, что хорошо изучил все капризы погоды, но такой набрякшей тишины под темным облачным сводом не видел много лет. По своей природе мужчина был открыт Силам, недоступным арвонским мужам. И сейчас, быть может, одна из тех Сил собиралась явиться угрозой всему, что было под ней.

Руки его легли на пояс, пробежались пальцами по всей длине ремня, словно искали чего-то и не находили. Но он не опускал головы, глядя на тучи с угрюмым вызовом, готовый встретить то, что – он готов был поверить – подгоняло их. Одет он был просто: в коричневый дублет без рукавов поверх рубахи цвета лесной зелени. Плащ он бросил во дворе. Зеленые штанины были заправлены в тусклые коричневые сапоги для верховой езды.

Но и в такой одежде трудно было счесть его земледельцем или даже хозяином маленького незначительного поместья. Густые темные волосы уходили ото лба острым углом, и глаза на его обветренном дотемна лице были странные – карие с желтизной, как глаза большой кошки. И взглянувший в них поторопился бы отвести взгляд от этого властного лица, угадывая, что этот человек послушен только собственной воле.

Сейчас его губы беззвучно шевелились. Рука, оторвавшись от пояса, начертила в воздухе какой-то знак. В тот же миг пронзительно заржали лошади. Неизвестный быстро обернулся туда, хотя угол здания скрывал от него конюшню. Когда конь заржал снова, человек метнулся от ворот, подхватил лежавший на земле плащ и бросился к оставленным в конюшне лошадям.

Там он нашел приехавших из Кар До Прона мужчин – они спешили укрыть своих животных от бури. Но два коня, оставленных здесь раньше, ржали и били копытами по воздуху, словно обученные яростному бою кони Долин, и слуги со стражниками, хоть и бранились и тянули руки к колчанам у седел, ближе подойти не решались.

Скакуны, защищавшие сейчас от вторжения свои владения, выглядели необычно. Шкура их была в серых и черных пестринах, перемешанных и сливающихся так, что среди игры лесных бликов скрыли бы коней от любого взгляда. И ноги у них были длиннее обычного, и тела стройнее.

Эти кони, когда вбежал незнакомец, обернули к нему головы и заржали, жалуясь и приветствуя. Мужчина, не сказав ни слова, протолкался мимо людей замка к своим коням. Те сразу присмирели и теперь только раздували ноздри да фыркали. Хозяин погладил их по выгнутым шеям, по бокам, и они без звука позволили отвести себя в глубину конюшни.

– Они вас не тронут, только держитесь на своем конце, – коротко, тоном приказа бросил мужчина.

Начальник конвоя помрачнел. В другом месте он не спустил бы простолюдину такого тона. Но здесь было святилище Гунноры. Ни один мужчина не посмел бы проверить, что будет, если обнажить клинок, – орудиям смерти не было места в храме жизни. И все же он кинул на незнакомца взгляд, не суливший тому добра при будущей встрече.

Среди людей Кар До Прона был один, не сводивший взгляда с незнакомца, который стоял между своими конями, придерживая их за шеи, а те склоняли к нему узкие морды, а один даже прихватил зубами за волосы. Пергвин в былые годы служил госпоже Элдрис, матери владетеля Эраха и его сестры Ироизы. В глубине его памяти что-то шевельнулось, но этим воспоминанием он ни с кем здесь не стал бы делиться. Если он не ошибся в своих подозрениях... Какая невероятная случайность свела их в этот день и в этот час? Как бы ему хотелось обратиться к незнакомцу, назвать его неким именем и посмотреть, отзовется ли он. Если бы не клятва, которую он произнес после того, как изгнанник вышел за ворота Кар До Прона, чтобы больше не возвращаться...

– Пергвин! – Оклик командира призвал его помочь с собственными лошадьми, ибо налетел шквал, способный раздавить любое ничтожное человеческое существо.

Хлынувший ливень скрыл от них двери стоявшего в нескольких шагах святилища. Налетевший вихрь хлестал ледяными струями, пока люди не сумели закрыть и заложить засовом двери. Да и сами стены конюшни угрожающе содрогались.

Незнакомец оставил своих коней, подошел к двери и опустил ладонь на засов. Но командир стражи, Кадок, поспешил оттеснить чужака от выхода.

– Не тронь, и так хорошо. – Ему пришлось повысить голос почти до крика – вой ветра за стенами оглушал людей. – Ты хочешь испытать ярость этих туч?

И снова пальцы неизвестного легли на пояс, пробежали по нему взад-вперед, ища чего-то. При нем был короткий меч, но это оружие – а скорее орудие лесного жителя, пригодное на все случаи жизни и лишь в последнюю очередь для битвы, – плотно сидело в ножнах.

Кадок, хоть и был сердит, смутился под устремленным на него взглядом незнакомца. Но отступить не отступил, и тогда тот после короткой борьбы взглядов отошел, вернулся к своим лошадям, стал их гладить. Пергвин, украдкой взглянув на него, заметил, что глаза мужчины закрыты и губы выговаривают слова, которых он не мог или не смел произнести вслух. У следившего за ним Пергвина возникло чувство неловкости, почти стыда, словно он подглядывал за человеком, занятым чем-то очень личным. Стражник поспешно отвернулся, присоединившись к своим несчастным товарищам, которые втягивали головы в плечи при каждом порыве ветра, избивавшего их показавшееся вдруг совсем хлипким убежище.

Их кони, в отличие от успокоившихся теперь коней незнакомца, выказывали признаки паники. Людям пришлось потрудиться, чтобы лаской успокоить животных. Занимаясь лошадьми, они отчасти забыли собственные страхи.

Ироиза в святилище не замечала ярившейся за стенами бури. А вот Урсилла, ухаживая за госпожой, слышала вопли ветра, ощущала удары стихии, доходившие к ней сквозь плоть древней постройки. В ней нарастали страх и удивление, из головы не шла мысль о знамени. Ей

бы прибегнуть к Силе, чтобы истолковать значение обрушившейся на них ярости. Но Мудрая, сосредоточившая все свое искусство на исполнении их общего с Ироизой желания, не решалась отвлечься.

Лежавшая в соседней келье женщина наполовину пробудилась от навеянной Гуннорой дремоты. Она нахмурилась, приподняла руку, словно заслоняясь от угрозы. Опекавшая ее Мудрая взяла роженицу за руки, пожелала возвращения мира и покоя. Сила деревенской колдуньи была невелика. По сравнению с тем, что могла бы призвать Урсилла, ее старания были подобны ученическим попыткам юной девы. Но покой и пожелание добра, вытекающая из ее рук, утишили страхи, зародившиеся на краю сознания роженицы. Коснувшаяся ее смутная тень бежала.

В самый разгар бури прозвучали крики новорожденных – одновременно, словно в одной келье отозвалось эхо из другой. Урсилла осмотрела младенца, которого приняла на руки. Ее лицо исказилось, губы скривила злая гримаса.

Ироиза открыла глаза, огляделась, приходя в себя. Борьба окончена, то, что она замыслила, ради чего трудилась, достигнуто!

– Покажи мне сына! – воскликнула она.

Урсилла отозвалась не сразу, и тогда Ироиза приподнялась на ложе.

– Что с ребенком? – требовательно спросила она.

– Ничего, – медленно ответила Урсилла, – кроме того, что ты родила дочь.

– Д-д... – Казалось, дрожащие губы Ироизы не в силах повторить этого слова. Пальцы ее так стиснули складки покрывала, словно готовы были порвать на полосы прочную материю.

– Не может быть! Ты заклинала Силы в ту ночь, когда... когда... – Она задохнулась. Гнев маской лег на лицо. – Гадания! Ты заверяла меня...

– Да. – Урсула заворачивала младенца в пеленку. – Сила не лжет, а значит, должно быть средство...

Ее лицо застыло, глаза в упор взглянули на Ироизу. Но в этом взгляде не было мысли. Казалось, дух Урсиллы покинул тело, отыскивая ответ где-то вдали.

Ироиза оставила на нее острый взгляд и молчала. Она не уделила ни единого взгляда захныкавшему на руках Урсиллы ребенку. Вся она целиком отдалась жадному созерцанию Мудрой. Она чувствовала присутствие Силы. Начатков ее знаний хватило, чтобы понять: Урсилла сплетает собственное заклятие. Но, хотя уста Ироизы воздержались от новых упреков, она мяла и рвала покрывало судорожными движениями, даже не пытаясь сдержаться.

Разум возвратился в глаза Урсиллы. Она повернула голову, подбородком указала на стену по левую руку:

– Там то, что тебе нужно. Мальчик, рожденный в тот же миг, когда ты принесла...

Ироиза ахнула. Выход – единственный выход!

– Как?.. – начала она.

Урсилла жестом приказала ей молчать. По-прежнему держа младенца на стиге левой руки, Мудрая обернулась лицом к стене. Ее правая рука поднималась и опускалась, кончик пальца чертил на поверхности этой преграды знаки и символы. Одни на миг вспыхивали красным, словно в них мерцали искры очага. Другие пропадали так быстро, что Ироиза не могла уследить за ними.

Выводя знаки, Урсилла пела. Голос поднимался и падал, выговаривая слова, называя имена. Но ни разу он не поднялся громче шепота. И все же Ироиза слышала его за рокотом бури. Раз или два названные имена заставили ее вздрогнуть и съежиться, но возразить она не пыталась. Она жадно наблюдала, ее терзал яростный голод по тому, чего она хотела больше всего.

Урсилла закончила.

– Дело сделано, – сказала она Ироизе. – Я навела чары забытья. Те, за стеной, теперь спят. А когда проснутся, увидят ребенка, которого сочтут своим.

– Да! Действуй, быстрее, быстрее! – торопила Ироиза.

Урсилла скрылась, а ее госпожа откинулась на ложе. Одно дело сделано – она родила наследника Кар До Прона. В грядущие годы – глаза ее сияли – он... она будет там хозяйкой. А полновластно распоряжаясь землями, держа наследника в своих руках и располагая помощью Урсиллы, чего только она не добьется в свой срок! Она громко смеялась, когда вернулась Урсилла, снова держа на сгибе руки младенца в пеленке.

Подойдя, она протянула Ироизе дитя:

– Твой достойный сын, госпожа. – Она произнесла старинное обращение к роженице. – Взгляни на него, дай ему имя, чтобы в жизни перед ним пролегла прямая дорога.

Ироиза неумело приняла ребенка. Она заглянула ему в лицо, увидела крепко зажмуренные глаза с темными ресницами, маленький кулачок во рту. Мальчик был темноволосым. Что ж, это подходит. Ее волосы почти того же оттенка. Она сдвинула пеленку, чтобы осмотреть тельце. Да, все как надо, ни одной метки, которая бы позволила когда-нибудь усомниться в его правах.

– Он Кетан, – поспешно, словно кто-то мог оспорить ее право на имя и владение, проговорила она. – Он истинно мой сын, наследник Кар До Прона, и я клянусь в том перед Силой.

Урсилла склонила голову.

– Я позову твоих женщин, – сказала она. – Нам надо отправляться, едва закончится буря.

Ироиза с беспокойством кивнула на стену:

– Ты сказала, они не узнают.

– Это так... пока. Но чем дольше мы задержимся, тем больше случайностей грозят опрокинуть наши планы, хотя я и не пожалела могучих заклятий на их исполнение. Она... – Урсилла запнулась. – Та мать... в ней есть какая-то странность. Крупица Дара...

– Тогда она узнает!

Ироиза так прижала к себе ребенка, что тот проснулся и пискнул, замахал кулачками, словно пробивал себе путь к свободе.

– Дар у нее, может, и есть, – возразила Урсилла, – но не чета моему. Ты же знаешь, мы умеем оценить себе подобных.

Ироиза кивнула:

– Но лучше нам уехать. Пришли ко мне женщин – пусть увидят ребенка и с первого часа знают, что он Кетан и принадлежит мне одной.

В соседней келье встрепенулась мать. Тень тревоги снова легла на ее лицо. Она шевельнула головой на подушке, открыла глаза. Младенец лежал на длину пальца от нее. И над ним склонялась Мудрая.

– Ах, моя госпожа, хороша доченька. Вот уж хороша! Твоя достойная дочь, госпожа. Взгляни на нее, дай ей имя, чтобы в жизни перед ней пролегла прямая дорога.

Мать радостно привлекла к себе ребенка:

– Она Айлинн, воистину моя дочь и дочь моего господина. О, скорей позови его, потому что теперь, когда Гуннора покинула меня, мне неспокойно. Скорей иди за ним.

Она прижимала к себе ребенка и ласково ворковала. Айлинн открыла глаза и пискнула, словно сомневаясь, так ли хорош мир. Женщина радостно засмеялась:

– А, доченька, добро пожаловать. Трижды и четырежды мы рады тебе. И право, жизнь твоя будет лучше моего детства. Тебя защитят мои руки, будет хранить Сила моего господина, и наши сердца – в твоих ладонях!

Буря за стенами утихала. Незнакомец с трудом выбрался из конюшни и у дверей святылища встретил Мудрую. Спеша к жене, он слышал голоса за стеной, но ему не было до них дела. Он и не заметил, как на рассвете следующего дня люди из Кар До Прона уезжали, увозя на

носилках свою госпожу с ее сыном. Трое оставшихся немного спустя тоже уехали. Они обратили лица к северу, к глуши лесов, которые называли своим домом.

О наследии Кетана и жизни в Кар До Проне

Кар До Прон – не самое большое из владений, которые присягнули на верность главе Красных мантий, и не самое богатое. Но то, что лежит в его границах, радует взор. Вишневые и яблоневые сады не только плодоносят в должный срок, но и дают сидр – напиток, пользующийся в Арвоне немалой славой. Есть там и злаковые поля, к осени всегда приносящие обильный урожай. Есть и овечьи отары, и хорошие стада. В центре этой улыбающейся, плодоносной страны стоит замок, а около него – небольшая деревня. Она открыта солнцу, карнизы остроконечных крыш украшены затейливой резьбой. Стены домов из светло-серого камня, крыши из шифера, а резные руны расцвечены зеленью и золотом. Но сам замок, хотя и выстроен из того же камня, не блистает красками. На его башнях лежит тень, словно над ними зависло невидимое облако. В его стенах даже в летний зной обитает холодок, которого никто, кроме меня, как будто не замечал. Я же часто чувствовал, как что-то не близкое человеческому роду движется по его древним коридорам и таится в углах полутемных комнат.

Едва я начал что-то понимать, моя благородная мать внятно объяснила мне, что в будущем мне предстоит здесь править. Но ее обещания не внушали мне гордости. Я гадал, вправе ли человек называть себя повелителем этого населенного призраками места. Быть может, природная молчаливость служила мне защитой – я никогда не рассказывал ни матери, ни Урсилле (перед которой страшно робел) о своих странных и тревожных фантазиях касательно Кар До Прона.

До шести лет я оставался в Женской башне, где, кроме меня, из детей жила только дочь Эраха госпожа Тэйни, годом старше меня. Мне с малолетства твердили, что мы связаны судьбой, что, когда придем в возраст, нас ждет помолвка, которая крепко свяжет нас обоих с судьбами рода, – впрочем, в те годы меня это мало занимало, как, наверное, и ее.

Тэйни была высока для своих лет, много знала и не чуждалась хитростей. Я скоро понял, что за любую нашу открывшуюся проказу вина падет на меня одного. Не могу сказать, чтобы она мне нравилась или не нравилась. Я ее принимал, как принимал одежду на теле и еду на тарелке.

Ее брат Магус – дело иное. Он был лет на шесть старше меня и жил в башне Отроков, заходя к нам только повидать свою бабушку, благородную Элдрис. Мать его умерла от лихорадки вскоре после рождения Тэйни. Я говорю «его бабушку», хотя, судя по всему, и я был ее внуком. Однако госпожа Элдрис не скрывала своих предпочтений и либо не замечала меня, либо, стоило мне попасться ей на глаза, находила, к чему придраться, так что я обходил ее комнаты стороной.

Наша семья была странной, хотя тогда это не приходило мне в голову. Я готов был поверить, что так живут все семьи. Госпожа Элдрис редко покидала свою часть башни, и Тэйни полагалось бы оставаться с ней, хотя она ходила, куда хотела, – нянька ее была стара, туповата и основательно ленива, а потому присматривала за подопечной не так строго, как требовал обычай.

При Магусе я всегда был начеку. Он, когда мы оставались наедине (а я, как мог, старался, чтобы такое случалось пореже), не скрывал дурных чувств ко мне. Он был яростно горд, его одолевало такое же честолюбие, какое я знал за своей матерью. Его с детства снедала мысль, что не он унаследует владения после отца, и мысль эта крепла с годами, так что под конец он возненавидел меня – если не за меня самого, то за место, которое я занимал в доме.

Моя мать Ироиза и Мудрая Урсилла жили в покоях на верхнем уровне башни. Мать много занималась домашними делами. Не знаю, пришлось ли ей когда-то помериться силой воли с госпожой Элдрис и пересилить ее. Однако теперь в отлучки владетеля Эраха госпожа Ироиза вершила суд в Большом зале и отдавала приказы. Меня она в таких случаях сажала

рядом на маленькой табуреточке за креслом владельца с наброшенной на его спинку Красной мантией клана и заставляла слушать, как она судит. После она объясняла мне свои решения, основанные на обычном праве или на ее собственных суждениях.

Я, еще маленьким, чутьем угадывал, что ей хотелось бы навсегда оставить за собой это кресло. Казалось, в ее женском теле обретались все свойства, которые мир приписывал мужчине, и она билась в узких рамках обычаев, ограничивавших ее жизнь. Лишь в одном она была свободна – в обращении с Силой.

Из всех обитателей замка моя мать признавала выше себя одну только Урсиллу. Я знал, что познания и Дар Мудрой были для госпожи Ироизы предметом вечной зависти. Мать и сама обладала толикой Дара, но ей не хватило способности к долгому учению и дисциплины духа, чтобы сравняться с наставницей, и матери достало ума признать свою слабость. Однако во всех других делах она никому не желала уступать.

Ироиза не сумела обуздать собственные желания и чувства, а без этого нельзя было продвинуться в познании Иных путей, которым ее обучали в юности. Даже не будь она сосудом для будущего наследника Кар До Прона, все равно не сумела бы выучиться на колдунью. А такое желание, неисполнимое по собственной слабости, омрачает и искажает душу неудачника. Не обладая властью одного вида, она рвалась к превосходству в другой. И на нее устремила всю силу своего честолюбия.

Я говорил, что робел перед Урсиллой и рад был бы не встречаться с ней. Однако Мудрая занималась мной не менее, чем принуждавшая к учению мать. Правда, та область Силы, которая подвластна колдуньям, не схожа с Силой колдунов и чародеев, но Урсилла учила меня тому, что считала нужным, тщательно, как я потом понял, устраняя из своих уроков все, что помогло бы мне избежать судьбы, которую они мне предназначили.

Это Урсилла научила меня читать руны по тщательно отобраннным древним пергаментам, посвященным большей частью истории четырех кланов Арвона и Кар До Прона. Не будь во мне любопытства к таким делам, эта учеба показалась бы мне скучной и трудно было бы принудить меня ко вниманию. Но во мне проснулась страсть к хроникам, которые Мудрая считала полезными для моего образования, и учился я с жадностью.

Я узнал, что Арвон не всегда пребывал в сонном покое золотых дней, представлявшихся ныне бесконечными. В его прошлом (счет лет затруднялся тем, что составители хроник не удосужились отмечать годы) шла борьба, едва не разрушившая весь жизненный порядок.

До Великой Смуты наши нынешние владения не ограничивались с юга и востока горами, а простирались дальше – на востоке до легендарного моря, а на юге – до земель, ныне давно забытых. Однако люди Арвона всегда обладали большей или меньшей мерой Дара, а наши господа и правители часто были и повелителями Силы. Они взялись за опыты с самой Силой жизни, создавая для себя слуг, а порой – безрассудно добиваясь гибели своих врагов и Иных – ужасных существ. Честолюбие их зачастую не уступало честолюбию моей матери, и каждый стремился утвердить на всей земле одну свою волю.

Они пробудили многое, чего никак нельзя было вызывать к жизни, – открыли Ворота в странные и пугающие Иные миры. А потом развязали войну, опустошившую немалую часть страны. Силы, которые они выпустили на волю, были подобны чуме и порой уничтожали даже Владык. Когда их осталось мало, воители потянулись домой – в сердце собственной страны. Одни, в отчаянном страхе перед вышедшими из-под их власти созданиями, спешили вернуться. Другие медлили, пока было можно, – так глубоко вросли они корнями в новые владения, что уход представлялся им мучительным изгнанием. Из этих последних не все вернулись в Арвон.

Быть может, на юге Долин, заселенных теперь людьми Иной расы, до сих пор еще прозябали они или их потомки. Но так ли это, никто у нас не знал. Потому что после последнего отступления пути из Арвона запечатали чарами, накрепко заперев его границы.

И все же не все отступившие были довольны спасением от последствий своей глупости. Они вновь и вновь бросали вызов своим собратям до того дня, когда Семеро Владык разъярились и грянула последняя ужасная битва между избравшими путь войны и другими, желавшими только покоя или, может быть, забвения.

Тогда многие из Великих, использовавших Силы по своей прихоти, были изгнаны за Ворота в Иные миры и времена или угасли, до конца истощив свой Дар. После того и их сторонники отправились в изгнание на предназначенный срок.

Когда я наткнулся на эту историю в хрониках, я спросил Урсиллу, возвращался ли кто-либо из тех скитальцев. Не знаю, почему это было так важно для меня, разве что мое воображение поразила мысль, что и меня могли так же отослать из Арвона и обречь на безнадежные скитания в чужом мире.

– Кое-кто вернулся, – кратко ответила она. – Но только из меньших. Великие не возвращаются. Это теперь не важно, Кетан. И тебя не касается, мальчик. Радуйся тому, что родился здесь и сейчас.

Она всегда говорила со мной резко, словно ежеминутно ждала от меня той или иной провинности. Часто, оторвавшись от чтения, я ловил на себе ее взгляд, такой острый, что в голове сразу всплывали все грешки, в каких я был повинен, и я принимался ерзать на табурете, ожидая, что она, сломив мою волю своей, добьется признания. Но такого никогда не случилось.

Жизнь моя переменялась с достижением возраста, когда мальчик, по обычаю, должен был переселиться в башню Отроков и начать обучение воинским искусствам (хотя войн уже много лет не бывало, помимо редких набегов диких горцев). В ночь накануне того дня Урсилла и Ироиза увели меня во внутренние покои, где Урсилла устроила свое святилище, если слово «святилище» тут подходит.

Стены здесь не были занавешены коврами. На гладком голом камне потускневшими от времени красками были начертаны знаки и руны, прочесть которые я не умел. Середину занимала каменная плита, на какой мог бы улечься взрослый мужчина. В изголовье и в ногах этого ложа стояли свечи – четыре свечи толщиной с мою детскую руку – в высоких серебряных подсвечниках, помятых и стертых, словно они существовали с незапамятных времен.

Над этим ложем висел шар, излучавший серебристый лунный свет. Я не увидел поддерживавшей его в воздухе цепи. Казалось, он висел на невидимой нити, а вокруг камня на полу была начерчена пятиконечная звезда. Ее линии блестели, словно их только что подновили кистью.

В каждом луче звезды стоял высокий подсвечник, поддерживавший восковые цилиндры на уровне плеч Урсиллы, высоко над моей головой. Свечи в ногах и изголовье каменной постели были красными, а эти, в углах, желтыми.

По углам комнаты стояли курильницы из такого же серебра, что и подсвечники, и каждая источала пахучий дым, который струйками уходил к потолку, где собирался в плотное облако.

Урсилла сбросила свое обычное тускло-серое одеяние и головной убор из заглаженного складками полотна, всегда скрывавший ее волосы и обрамлявший худое острое лицо. Теперь руки ее были обнажены до плеч, в темных волосах, ниспадающих на синее платье, блестели серебряные нити, а ткань платья словно притягивала свет серебряной луны над нами и смущала глаз переливами.

На груди ее лежало тяжелое ожерелье, тоже серебряное, с лунными камнями, в млечной глубине которых виднелись голубые отблески зимнего льда. А подвеска изображала полную луну.

Моя мать тоже отказалась от обычной одежды. Только она, в отличие от Урсиллы, сменила богатый наряд на более скромный. Отделка ее платья отливала рыжими отблесками огня, а распущенные волосы ниспадали темным плащом. Ее грудь украшала не луна, а простой овал из меди без узора и драгоценных вставок.

Мать ввела меня в комнату. Теперь она встала у самой звезды, меня поставила перед собой и крепко держала за плечи, словно боялась, что я сбегу. Но я был так ошеломлен увиденным, что даже не думал о том, какая роль мне здесь уготована.

Урсилла шагнула к каменной плите и указала пальцем на каждую свечу по очереди, вызвав огоньки на занявшихся фитилях. Наконец осталась незажженной только та свеча, что стояла прямо передо мной и матерью.

Тогда мать подтолкнула меня вперед, внутрь начертанной на полу звезды. Она быстрым движением подхватила меня и уложила навзничь на каменный стол. Меня тотчас охватила сонливость, я не мог шевельнуться. И страха во мне не было.

Последнюю из звездных свечей увенчали пламенем. Затем Урсилла такими же движениями зажгла свечи у меня в изголовье и в ногах. Собравшееся под потолком мягкое серое облако затлело огнем. Меня потянуло закрыть глаза. Слабо, издалека, доносилось пение. Но слова для меня, соскальзывавшего в сон, не имели смысла.

Проснулся я ранним утром в собственной постели. В памяти не сохранилось ни следа видений из того странного сна. А вот память о том, что произошло вначале, держалась цепко. И снова как ни мал я был, но чувствовал, что о смысле случившегося допытываться бесполезно. Это была тайна из тех, о каких лучше молчать.

Начальник гарнизона Кадок и мой дядя Эрах выехали из крепости и увели большую часть воинов. Они отправились с дарами Жатвы – вином и зерном – во владения главы клана Красных мантий. И старшим остался тот, кто пришел за мной в это утро, – некий Пергвин, которого я не раз видел прежде, поскольку он всегда сопровождал госпожу Элдрис при ее выездах за стены замка.

С виду он был средних лет и никогда не отличался разговорчивостью. Товарищи уважали его за искусство мечника и наездника. Но он, как видно, не стремился занять более высокое положение среди приближенных Эраха и был доволен своим местом в жизни. Я встретил его настороженно, потому что за волнением и торжеством от долгожданного перевода в башню Отроков таилась мрачная угроза – там я буду в руках кузена Магуса. А Пергвин, принадлежавший к свите госпожи Элдрис, конечно, встанет на сторону моего мучителя.

– Господин Кетан, – почтительно обратился он ко мне, приветствовав жестом, каким приветствовали старших по званию. Затем он перевел взгляд на мою мать, стоявшую прямо, с ничего не выражавшим лицом – неизменно гладким, без морщин, словно она была еще юной девой, и лишь блеск глаз выдавал душу, старую не только годами. – Госпожа, владетель Эрах поручил мне на время заботу о твоём сыне. С ним все будет хорошо.

Она кивнула:

– Я знаю, Пергвин. Сын... – Теперь она обращалась прямо ко мне. – Прими достойно то, что тебя ждет, оставь позади детство и сделай все, чтобы скорее стать мужчиной.

Мои восторги приутихли, а опасения возросли. Ведь в ту минуту я совсем не чувствовал себя мужчиной, а все больше и больше – ребенком, которому не на кого опереться. Этот Пергвин уведет меня из безопасной гавани, в которой я укрывался всю жизнь, отправит прямиком в Иной мир, где вся власть у Магуса, а у меня нет защиты. Я не надеялся дать отпор его издевкам – уже испробовав коварство, с каким он вовлекал меня в беду во время коротких визитов, когда я не имел возможности избавиться от его общества. Но просить помощи – ни у той суровой женщины, что звалась моей матерью, ни у этого чужого человека – я ни за что бы не стал. Как бы я ни был юн, я в душе твердо решил, что никто, и тем более Магус, не угадает, как мне страшно. Опуститься до такого позора я бы себе не позволил.

– Тебе будет одиноко, Кетан. – Я был благодарен Пергвину, что тот не взял меня за руку, как если бы вел к новой судьбе против воли. И говорил он со мной, как с равным по возрасту, без неловких попыток примениться к ребенку. – Господин Магус уехал с отрядом, везущим дары, так что башня Отроков пока что принадлежит нам с тобой.

Я надеялся, что сумел скрыть облегчение при его словах. Хорошая судьба подарила мне по крайней мере время кое-что узнать о новой жизни, не остерегаясь постоянно своего кузена. На язык мне просились вопросы, но я молчал, опасаясь показаться ребенком.

Мы пересекли широкий крепостной двор и были уже у входа в башню, которой предстояло стать мне новым домом, когда услышали громкий лай. Невесть откуда выскочил большой пегий пес. Мне он показался огромным – губы его растянулись в угрожающем оскале, обнажив страшные клыки. Он уже готов был броситься на меня, но вдруг припал к земле, а рычание его перешло в скулеж. Я плохо разбирался в собаках, видел их только издали, но не сомневался, что такое поведение им не свойственно. Скуля, роняя слюну, пес надолго застыл передо мной. А потом с громким визгом попятился, рыча и щелкая зубами, словно столкнулся со слишком сильным врагом, и, поджав хвост, сбежал.

Я смотрел, онемев от изумления. Что могло так напугать собаку? Может быть, это Пергвин нагнал на нее такой ужас, защищая меня?

Но, повернувшись к спутнику, я увидел на его лице отражение собственного изумления. Он бросил на меня такой странный взгляд, как если бы я у него на глазах обернулся чудовищем. И чуть покачал головой, будто разгонял туман в мыслях.

– Вот так странное дело, – протянул он, кажется не обращая ко мне, а размышляя вслух. – Что это стряслось со Шнурком? – Он чуть свел брови, скрывая недоумение за недовольством. – Да, удивительное дело. Ну да ладно, нам бы поспешить, господин. Дело к полудню, а до вечера надо еще подобрать тебе коня...

Обед, принесенный мне Пергвином, оказался много проще того, что подавали у матери: кусок холодного мяса, сыр и хлеб. Но еда была вкусной, и я съел все до крошки. Споласкивая руки в тазу, я уже готов был к уроку верховой езды.

Жизнь моей матери проходила в стенах замка, а если я раз или два выбирался в поля или сад, то всегда в сопровождении ее женщин. Но, научившись сидеть в седле, я смогу повидать большой мир, и, может быть, в будущем году дядя возьмет меня с собой, как теперь Магуса. И я охотно поспешил с Пергвином в конюшню.

Он провел меня вдоль денников. Кони разглядывали меня из-за обрезанных вполтину дверей, удерживавших каждого на своем месте. Они встряхивали головами, фыркали, пронзительно ржали. И опять я удивился, ведь, глядя на всадников во дворе замка, никогда не замечал такого смятения и шума.

Конюхи оглядывались на меня, и кое-кто из них поспешил успокоить лошадей, которые вставали на дыбы и били копытами в деревянные стены, увеличивая суматоху. Тут на плечо мне легла тяжелая рука Пергвина, и он развернул меня обратно к выходу.

– Выйди-ка, господин, – велел он. – Подожди меня снаружи.

Я сказал себе, что не побегу, а выйду чинно, несмотря на окружавший меня туман страха, на частое биение сердца и срывающееся дыхание. И все же я вышел шагом, надеюсь, ничем не выдав испуга тем, кто меня видел.

О торговце Ибикусе и привезенном им поясе из пардуса

Выбранный Пергвином конь меня удивил, хотя я, еще не освоившись с новой жизнью, и не подумал с ним спорить. Когда он вывел из конюшни тихходную кобылку, спотыкавшуюся под грузом лет, я и тем был доволен. Тогда в моих глазах любая лошадь была чудом.

Кобылка, правда, храпела и раз-другой ударила копытом в землю, но стояла смиренно, пока Пергвин учил меня садиться в седло. А вот когда я сел, она вскинула голову и громко фыркнула, так что мой наставник поспешил поймать повод и тихо заговорил с ней, глядя ладонью изгиб толстой шеи, словно понимал причину ее страха.

Лошадь вспотела, мне в ноздри бил едкий запах. Пергвин вывел кобылу за ворота, в загон поодаль, в котором объезжали лошадей. Так началось мое учение, и я жадно ловил каждое слово наставника, потому что на коне чувствовал себя в какой-то мере свободным и надеялся на большее, хотя пока что Пергвин не оставлял меня и одной рукой придерживал поводья понурой кобылы.

Когда Пергвин снова направился к замковым воротам, я огорчился – не хотелось сменить простор на кишачие призраками внутренние переходы. Сразу за воротами он остановил кобылу и, сняв меня с седла, махнул на дверь башни Отроков, велел ждать там, пока он отведет лошадь в конюшню.

Только тогда я заметил зрителей. Во дворе собралась целая толпа конюхов и воинов. Они уступали мне дорогу, не глядя в лицо. Едва добравшись до дверей башни, я уже дрожал, потому что был хотя и мал, но неглуп и заметил, как что-то вдруг отделило меня от людей и животных, – ощутил между нами невидимую преграду. Мысли мои вернулись к странной ночи в святилище Урсиллы. Что она сделала со мной?

Впервые к моему трепету перед Урсиллой и матерью примешалось возмущение. Если это они своим искусством отрезали меня от жизни замка, мне это на пользу не пошло. Я не хотел такого одиночества, пусть даже оно и защитило бы меня от нападков Магуса.

Когда Пергвин подошел к конюшне, зеваки мигом рассеялись, скрылись с глаз, видно не желая показывать своего любопытства. Никогда еще я не чувствовал себя таким одиноким. Но голову я держал высоко и открыто смотрел вокруг, словно не видел в их подглядывании ничего особенного. Я давно научился скрывать свои мысли от матери и Урсиллы и теперь решил, что такая же защитная скорлупа понадобится мне здесь.

Так я вошел в мир мужчин Кар До Прона. Если бы не Пергвин, который всегда был рядом, незаметно подсказывал и приходил на помощь, не знаю, что бы со мной случилось. Ведь скоро выяснилось, что животные не выносят моего общества. Охотничьи собаки при моем приближении сперва заливались лаем, как на поднятую дичь, а потом, присмирив, дрожали и удирали в страхе.

Лошади позволяли мне сесть на них только опоенные тайным составом, который заваривал Пергвин. И даже тогда бедняги обливались потом и дрожали, пока чувствовали меня на спине.

В обращении с оружием я не так разочаровал своих наставников. Я был куда более легкого сложения, чем мой кузен Магус, но в поединках на мечах возмещал недостаток силы острым глазом и умением. За год я научился метко бить в цель. Пергвин раздобыл мне легкий арбалет по руке.

Я обрадовался и мечу, добытому им из глубин оружейной, – клинок был уже и легче обычного и выкован словно нарочно для меня. Я спросил, не принадлежало ли это оружие Магусу, когда тот был мальчиком, потому что не хотел пользоваться его имуществом, пусть даже уже ненужным, чтобы между нами не вышло ссоры. Но Пергвин ответил: нет, это оружие сделали давно и для другого отрока.

Говоря это, он незаметно хмурился. А потом взглянул на меня так, что почудилось – он видит не меня, а кого-то другого. Я редко задавал вопросы, но тут не удержался:

– Кто он был, Пергвин? Ты его знал?

Я уже думал, что не дождусь ответа. По правде сказать, мне показалось, что я переступил черту – как если бы дерзнул расспрашивать Урсиллу о каких-то запретных знаниях.

Пергвин оглянулся по сторонам. Должно быть, проверял, не услышит ли нас кто. Но замок в тот час был почти пуст, мой дядя увел людей на охоту в северные леса. Я давно понял, что такие вылазки не для меня, потому что ни конь, ни собака негодились в дело, пока я был рядом. Магус и это числил среди моих пороков – и тут мне нечего было возразить.

– Он принадлежал к вашему роду, – неохотно ответил мне Пергвин. – По крайней мере, наполовину.

И замолчал так надолго, что я не сдержался, поторопился:

– Как это – наполовину, Пергвин?

– Это было давно. Госпожа Элдрис была тогда совсем молода. На нее наложили приворотные чары, и она поддалась.

Этим он меня просто сразил. Госпожа Элдрис, как и весь наш род, принадлежала к долгожителям, и проходящие годы мало касались ее. Но для меня она всегда была суровой и грозной, без капли легкомыслия. Представить, что она поддается сказочному заклятию любви, было не проще, чем вообразить, что в одно прекрасное весеннее утро западная башня выворотила свои камни из земли, чтобы сплясать веселый танец.

Думаю, Пергвин принял мое изумление за недоверие к его словам, потому что заговорил суше и резче:

– Все мы когда-то были молоды, Кетан. Однажды настанет день, когда так же будут поражаться и твоим воспоминаниям. Да, юная Элдрис откликнулась на зов. Но мужчина, наложивший на нее чары, не принадлежал к нашим кланам.

Это было во времена Последнего Противостояния, когда кланы с союзниками собрались, чтобы определить средства обороны и борьбы против Темного Владыки Рагаарда Малого. Отозвавшимся на призыв пришлось оставить свои владения почти без защиты, и потому детей и женщин укрыли в крепостях – тех, куда согласились их впустить. Ты ведь знаешь, что в те годы иные дамы носили доспехи и сами предводительствовали отрядами из своих земель. Один из Всадников-оборотней – не последний среди них, – посетив крепость Красных мантий, увидел и возжелал госпожу Элдрис. Он и наложил чары, что привели ее к нему на ложе. Но чары были нестойкими, а настоящей душевной склонности при их встрече не зародилось. Так что со временем она возвратилась к своему народу вместе с их маленьким сыном.

Рассказывают, что уехала она, когда отец ее ребенка со своим кланом был в отъезде, ведь Всадники-оборотни всегда участвовали в самых жарких битвах, для них и были рождены. А к тому времени, как его известили, поздно уже было предъявлять на нее права.

Брат госпожи владетель Калдрис (он погиб несколько лет спустя в сражении у Тоса) охотно вернул права на клан ей и сыну. Однако мальчик рос, и кровь отца в нем набирала силу. Наконец он отправился в Серые Башни, чтобы там найти товарищей по Чаше и собратьев по щиту среди себе подобных. Позже, когда Семеро Владык добились мира, Всадников-оборотней отправили в изгнание, потому что кровь их была горяча и они не находили себе места в мире без войн. Не так много лет прошло, как они возвратились в Арвон из дальних странствий. Не думаю, чтобы госпожа Элдрис сожалела о прошлом. Она позже избрала в мужья отца владетеля Эраха и родила его и твою благородную матушку. Быть может, бывшее истерлось со временем. Но правда, что ее старший сын мальчиком жил здесь и это оружие было сделано для него. Впрочем, теперь об этих делах лучше не вспоминать, господин мой.

– Всадники-оборотни, – повторил я, желая, но не смея продолжать расспросы о неведомом мне сводном дяде из прошлого. Но ясно было, что Пергвин ничего больше не скажет.

Арвон населяли народы разной крови и разной природы. Иных трудно даже сравнить с нами. В их числе попадались столь опасные, что кланы обходили стороной их самих и их земли. Другие в чем-то были с нами схожи, а в чем-то непостижимо чужды, третьи же расходились с нами и наружностью, и обычаями.

Впрочем, телесные отличия разделяли нас не так сильно, как духовное несходство. Лесной народ я не раз видел на наших праздниках сева и жатвы. Мы были рады им, хотя эти существа были ближе нас к миру растений. А другие, внешне больше похожие на людей кланов, заставляли меня ежиться, как от порыва ледяного зимнего ветра.

Всадники-оборотни, как и лесной народ, обладали смешанной природой – отчасти люди, иногда животные. Я наткнулся на редкие упоминания о них в хрониках, которые давала мне Урсилла, но тогда оборотни меня мало интересовали. Теперь, выслушав рассказ Пергвина, я пожалел, что не уделял внимания тем старинным намекам. История родича-оборотня, носившего прежде мое оружие, пробудила во мне желание узнать больше. Быть может, и он когда-то ощущал ту невидимую стену между собой и другими, что принуждала меня к одиночеству?

Да, я был одинок и все больше и больше уходил мыслями внутрь себя. Если бы не Пергвин, мне пришлось бы еще хуже. Но он под предлогом обучения воинскому искусству стал мне товарищем. Год за годом он брал меня в небольшие путешествия за стены замка, показывая поля и земли, до которых можно было добраться за полдня езды. Причем я знал, что тем самым он нарушает установленный моей матерью закон, а уж провести ночь вне замка она никогда бы мне не позволила.

Меня по-прежнему вызывали в Большой зал, когда там заседал суд, – теперь я сидел за спиной у дяди, как раньше за спиной у матери. Владетель Эрах был ко мне по-своему справедлив, но большой доброты не выказывал. Я знал, что его тревожит моя неспособность к охоте из-за ненависти ко мне собак и лошадей. Он даже совещался по этому поводу с Урсиллой. Что она ему ответила, мне не довелось узнать. Но после той беседы он, к моему великому огорчению, охладил ко мне еще больше.

Магус, повзрослев, больше не донимал меня открыто, зато не упускал случая напомнить, как я выпадаю из правильного распорядка жизни замка. Я злился, когда ловил на себе его взгляд, но под этой злостью скрывался страх – не перед Магусом, а перед чем-то неопределенным, что он может со временем призвать мне на погибель.

Год, когда я из отрочества перешел в юность, выдался необыкновенно урожайным. Но год тот был годом Волка-оборотня и ни в чем не сулил добра, зато внушал страх. В ту осень я должен был обручиться с Тэйни. Однако Урсилла решила – и Ироиза, поступившись своими планами, поддержала Мудрую, – что союз, заключенный под этим знаком, не принесет добра. Порешили отложить венчание до нового года – года Рогатого Кота, потому что сей мощный знак сулил больше добра.

С Тэйни я виделся мало – она с ранних лет переселилась в Гарт-Хауэл, где Мудрые обучались заклинаниям, полезным в целительстве, защите дома и земель. По слухам, она оказалась не бездарной в таких делах, что, как я понимал, не слишком устраивало мою благородную мать. Но развитие такого Дара было согласно обычаю, и Ироизе нечего было возразить.

Магус тоже часто бывал в разъездах, служил послом своего отца на собраниях кланов – потому что четыре Великих Клана пребывали в беспокойстве.

Да и на весь Арвон исподволь напозвала Тень. Сами имена наступающих лет говорили, что равновесие Сил поколеблено. Ведь позади остались годы Ламии, Химеры, Гарпии и Орка. Их знаки указывали, что золотой покой моего детства миновал, хотя причины этого оставались загадками для всех размышлявших об этих материях. Люди отправляли гонцов к Голосам – вопрошать о будущем. Те признавали, что собираются тучи. Но не видно было открытой угрозы, чтобы указать на нее со словами: «Вот что нас тревожит».

Пергвин однажды за вечерней трапезой подытожил:

– Тут как с морскими приливами: Сила придет и отхлынет. Когда она с излишком наполняет землю, возникают тревоги и неурядицы. – Он угрюмо заглянул в кувшин сидра нового урожая. – А начинается всегда вот так: земля плодоносит в великом изобилии, словно подсказывает, что надо наполнить все амбары, готовясь к осаде. А у нас в душах копится настороженность, как если бы кто-то нашептывал в ухо, побуждая к действиям против нашей воли. Так наступает Тень – как морской прилив, хотя и реже.

– Морской прилив? – Я с жадностью подхватил его слова. – Пергвин, ты видел море?

Он не смотрел мне в глаза. А ответил вопросом на вопрос:

– Сколько, ты думаешь, за мной лет, господин мой?

Когда он стал моим наставником, я считал Пергвина стариком. Но, набирая свой собственный счет лет, начал понимать, что он едва достиг середины жизни. Трудно было угадать возраст арвонцев, пока те не достигали конца долгого-долгого жизненного срока. Люди, бывало, умирали от болезней, от проклятий или в сражении. А вот естественная смерть, как и упадок сил, долго не затрагивали нас.

– Не знаю, – честно ответил я.

– Я был среди тех, кто прошел Дорогой Памяти через пустые земли Долин, – медленно проговорил он. – Я помню времена Великой Смуты и то, что пришло за ней. Да, я видел море: там, где я родился, звучал его неумолчный прибой.

Тогда меня коснулся тот же трепет, какой я испытывал перед Урсиллой. Будто некий герой хроник сошел ко мне с пергаментных свитков. Пергвин помнит Изгнание с юга – что за чудо!

– Слишком много я помню, – резко бросил он и допил свой сидр. Таким далеким он мне показался, что я не посмел больше расспрашивать.

Наша трапеза вскоре прервалась. За воротами замка прозвучал рог – мы узнали сигнал, возвещавший о прибытии странствующего торговца, – конечно, кто-то подоспел к нашему Празднику жатвы. Мы радушно встречали таких купцов – они, изъездив все земли, привозили вести из краев, куда наши люди забирались редко.

Наш гость, сразу видно, был не простым торговцем. Он привел не одну вьючную лошадь. Нет, с ним была охрана и множество вьючной скотины – не только знакомых нам коней, но и странных длинноногих животных с горбатой спиной – вьюки им крепили по сторонам этого бугра.

По приказу владельца Эраха им под лагерь отвели конский выгон. Караванщики быстро устроили там коновязь, отделили лошадей от горбачей и разбили палатки. Их начальник охотно принял гостеприимство замка и присоединился к поздней трапезе вместе с дамами и их прислужницами, которые накрыли пиршественный стол, торопясь услышать новости.

Он был невысок, этот торговец, назвавшийся Ибикусом (имя его звучало непохоже на привычные нам имена). Однако недостаток роста он возмещал осанкой. Держался он свободно, блистал манерами знатных Домов и излучал властность, не уступая моему дяде.

Чем дольше я за ним наблюдал, тем меньше верил, что он нашего рода. Несмотря на молодость (по наружности его можно было счесть немногим старше Магуса, еще не вернувшегося из очередной поездки), в нем угадывалась не только зрелость лет, но и хорошо скрытая мудрость. Мне пришлось в голову, не прячется ли под плащом торговца кто-то из Мудрых.

Если это было так, сей Мудрый был к нам благосклонен, потому что трапеза проходила легко и радостно. Тень, которая постоянно виделась мне над замком, на время рассеялась. Мы слушали его пространственные речи, а ему было что порассказать о землях, где он недавно побывал, откуда привез нам приветы родичей и вести о делах в их владениях.

Сперва я смотрел только на него. Затем мой взгляд как бы случайно упал на Урсиллу, отметил выражение ее лица. Ее появление за столом было уступкой, она редко выходила в Большой зал, предпочитая свои покои. А теперь...

Да, она смотрела и слушала с опаской, словно уловила в незнакомце потаенную угрозу. Раз или два я заметил сложное движение ее пальцев за тарелкой. Как если бы она тайком прибегла к чарам, чтобы разоблачить некую опасность. Но если так оно и было, вдруг поняв я, ее попытка не удалась. А неудача всполошила ее еще сильнее.

Когда стол очистили, торговец послал своего человека за крепким сундуком. Когда сундук поставили перед ним, он шлепнул ладонью по крышке со словами:

– Товаров у меня довольно, уважаемые господа. Но самые сливки из всего, что я привез, здесь. Если позволите, я покажу вам.

Дамы поспешили выразить согласие, перебивая своими высокими голосами более низкие голоса мужчин, которые тоже не думали возражать. И сундук открыли.

Первым Ибикус извлек из него кусок черной материи, сложенной во много раз. Расправив и расстелив его на столе, он принялся доставать мешочки и коробочки, то шелковые, то деревянные, то из резной кости или хрустала. Он вытряхивал их содержимое, и скоро на ткани заблестело такое богатство, какое я мог вообразить лишь в сказочной сокровищнице огнедышащего змея.

Здесь были золото, и лунное серебро, и даже красная медь, из какой ковали оправы драгоценностям в древние времена. Что до самоцветов – едва ли кто из нас, оглядывая этот стол, взялся бы назвать хоть половину из них.

Настала тишина, словно все разом затаили дыхание. Но очень скоро ее сменили возгласы изумления. Те, кто сидел дальше, покинули свои места и придвинулись, спеша насытить взор блеском и сиянием. Никто не протягивал руки, чтобы потрогать сокровища. Слишком сильным было это зрелище. Должно быть, каждый ощутил, что такое богатство не для него, что им можно только любоваться без надежды приобрести.

Я был среди тех, кто протолкался вперед, зачарованный выложенными напоказ сокровищами. Мои глаза сами сделали свой выбор, и я припал взглядом к вещице, что лежала ближе всего ко мне.

Это был пояс из золотистого меха, столь гладкого и блестящего, что сиял мне даже среди груды драгоценностей. В пряжке был единственный большой самоцвет желтовато-коричневого оттенка, каких я раньше не видывал. Он был вырезан в форме кошачьей головы. Всмотревшись, я заметил, что резчик изобразил не маленькую домашнюю кошку, а скорее страшного охотника гор, снежного кота – самого свирепого бойца, какого мы знали.

– Хочешь взглянуть, господин Кетан?

Мне тогда не показалось странным, что Ибикус очутился рядом и назвал меня по имени. Остальные по-прежнему увлеченно разглядывали товар, а кое-кто уже осмеливался коснуться того или этого, и все хором обсуждали приглянувшиеся им изделия.

Но торговец сам взял пояс и поднес мне:

– Достойная работа, мой господин. Пряжка яргоновая, это камень не из редких. Зато резьба искусная, художник знал свое дело.

Что-то толкнуло меня спросить:

– А мех?

– Мех... это пардус. Его в наши дни редко встретишь. Они такие же страшные охотники, как их снежные родичи, хотя не так велики ростом.

У меня чесались руки взять у него пояс. Но воля удерживала, потому что я догадывался, что тогда не найду в себе сил вернуть его. А средств на покупку у меня не было.

Ибикус улыбнулся и кивнул, как если бы задал вопрос и получил ответ. Затем он отвернулся, чтобы ответить на какой-то вопрос владельца Эраха.

А я отступил из круга света над столом, покинул Большой зал. Меня напугало яростное, неуправляемое желание заполучить пояс. И вот я стоял в темноте, гадая, бывает ли такое безумие, чтобы толкнуть человека на воровство.

О подарке дамы Элдрис и о том, что случилось в первое полнолуние после того

Растревоженный странными чувствами, одолевавшими меня из-за пояса, я вернулся к себе. Растянулся на своей узкой постели, но сон был от меня далек. Луна, тогда еще молодая, не имела силы проникнуть в окно над изголовьем, и я лежал в темноте, как привык за много лет в этой скудно обставленной комнатке.

Пояс! Мне стоило закрыть глаза, как он вставал в памяти, такой же блестящий, как в зале. Меня преследовала странная фантазия, что эта вещь обладает собственной жизнью. Мне безумно хотелось погладить его мех, ощупать резную голову на пряжке, заглянуть в кристалл, из которого она была вырезана, ища в ней предсказание будущего, доступного Мудрым.

Наконец я не улежал на месте – слишком сильна была во мне тяга к этой полоске меха. Поднявшись, я подошел к окну, облокотился на подоконник, такой высокий, что приходился мне до плеч. Так я стоял, глядя в ночь.

Башня Отроков возвышалась на северном краю замка, на север выходило и окно. Я смутно различал поля и сады, протянувшиеся за стенами, – селение лежало с южной стороны. За полями начинался лес – стена чащи, отделявшая нас от высоких холмов, где скрывалось много такого, чего внутреннее чувство подсказывало нам избегать.

Те Силы, что в прошлом навлекли бедствия на Арвон, отступили, как теперь считалось, в леса и холмы. Их удерживали невидимые стены, возведенные общим усилием воли Мудрых и Семерых Владык. Никто уже не знал, остался ли там кто из существ, которых мы считали врагами, или они открыли новые Ворота между мирами – в этом деле они были умельцами – и покинули Арвон.

Их слуги, малые того же рода, по-прежнему представляли опасность. Но те по своей природе были привязаны к определенному клочку земли и редко отклонялись от привычных «дорог». Встреч с ними обычно удавалось избежать. Иногда они даже укрепляли рубежи нашей родной страны, отгоняя жителей южных Долин, если те дерзали забраться слишком далеко на север, в нашу сторону.

Долины! Я помнил рассказ Пергвина – как он с другими вступил на Дорогу Памяти, Дорогу Скорби, по которой шли изгнанники, отступавшие в Арвон от надвигавшейся Тьмы. Арвон тогда населяла другая раса – малые люди, не владеющие Силами, варвары, которые лишь несколько поколений как вышли из полного хаоса. К тому же их век был короток, для нас проходил лишь день-другой, а они выросли и умирали от старости, которая еще при рождении задевала их своим смертоносным касанием. У нас с ними не было ничего общего.

Ночь была темной, хотя над головой ярко горели звезды. Блестели, как разложенные Ибикусом самоцветы. Северный ветер запустил пальцы в мое окно, заохолодил голую кожу. Но я не хотел возвращаться в постель и сворачиваться под одеялом.

Нет, я поймал себя на том, что вскинул голову и жадно ловлю ноздрями ветер, словно он принес мне послание. Внутри меня зарождалось смутное волнение, какого я не чувствовал прежде. Темнота ночи притягивала меня и манила. Мелькнула странная мысль – каково было бы бежать нагим по траве, плескаться в ручье, забыв о... о чем?

Волнение улеглось так же быстро, как взметнулось. Теперь я дрожал. Темное предчувствие зла сменило восторг. Попятившись от окна, я улегся на кровать. Раньше сон бежал от меня, а тут накрыл разом. Я потер глаза, которые жгло как от долгого недосыпа. Растянулся и уснул.

Мне что-то снилось – и сон выбросил меня в явь. Сердце стучало, словно я мчался со всех ног, тело было скользким от пота, а ведь мне вовсе не было жарко. Первый предрассветный луч сочился в узкую щель окна. Я сел. Что мне снилось?

Я ничего не запомнил, не вынес из сна ни намека на то, что было таким... таким... Страх ли двигал мной или другое пылкое чувство? Даже этот вопрос остался без ответа. Но и вернуться в сон не удалось.

Я бесшумно умылся в приготовленном тазике. Вода была холодна, но не слишком. Одеваясь, я все ловил в непокорной памяти намеки на содержание сновидения. Потому что и забытое оно тяготило душу. Тот сон говорил что-то очень важное... я должен...

Однако за привычными утренними сборами нетерпение померкло, и выходил за дверь я, уже успокоившись. Чувствовал себя довольно глупо, словно спешил на свидание с человеком, который и не думал со мной встречаться.

Выходя во внутренний двор, я увидел, что меня кто-то опередил. Торговец Ибикус стоял лицом к двери, из которой я вышел. Он чуть заметно улыбался. Увидев меня, кивнул. Тогда я уверился, что наша встреча не случайна, хотя о цели ее догадаться не мог.

– Доброе утро, хотя и раннее, благородный Кетан, – негромко, но ясно произнес он.

Я несколько растерялся, не в силах догадаться, зачем он хотел меня видеть. Держался он так, словно дождался старого друга, хотя обращался ко мне строго по этикету. Я же готов был поклясться, что он вовсе не купец и заслуживает высшего почтения, не менее, чем глава моего клана или других того же положения.

– Доброе утро, повелитель! – Я обрел наконец дар речи.

– Повелитель! – Он склонил голову к плечу, разглядывая меня блестящими глазами. Словно я был товаром, выставленным на оценку. – Я купец, а не владелец замка.

Во мне крепла упрямая уверенность, что он, если и не владеет землями в Арвоне, никакой не купец. И я прямо встретил его взгляд, ожидая объяснений.

Ибикус обхватил пальцами подбородок. На указательном пальце я увидел крупный перстень. Камень в нем не походил на сокровища из сундука, был тусклым, без блеска или игры. Точь-в-точь осколок обычного булыжника. Серый овальный камень был оправлен, как мне показалось, в серебро. Но если так, металлу позволили почернеть, и это меня тоже удивило. Право, этот перстень выглядел слишком бедным для владельца таких богатств.

– Господин Кетан! – Он по-прежнему улыбался. – Вижу, у тебя есть глаза во лбу. – Я покраснел. Неужели он так легко прочел мои мысли? Такой дар приписывали лишь высшим из мастеров искусства. Ибикус вдруг протянул мне руку – не для пожатия, а подняв к моим глазам перстень. – Что ты видишь?

Я провел языком по губам. Не догадывался, чего он хочет от меня, но вполне уверился, что под нашей встречей есть глубокая подоплека. Я послушно осмотрел кольцо.

Камень словно бы мерцал. Тусклая поверхность шла рябью, словно в гладкий пруд бросили камень.

А потом...

Должно быть, я вскрикнул от удивления. Потому что на миг или два мне привиделась кошачья голова – снежный кот с угрожающе оскаленными клыками! Столько жизни было в этой картине, что не верилось, будто она создана искусством резчика, как резьба на пряжке пояса.

– Что ты видишь?

Он повторил вопрос так властно, что я ответил правду:

– Я... я видел голову снежного кота!

Тогда Ибикус поднес руку к своим глазам, пристально рассмотрел потускневший серый камень и резко кивнул:

– Недурно, славный Кетан, недурно.

– Для тебя, может, и недурно, – осмелев, огрызнулся я, – но как понять?..

Торговец не дал мне закончить вопрос:

– В свой срок, мой молодой господин, все станет ясно. Как мне теперь ясно, зачем я приехал в Кар До Прон. Ты думаешь, я напускаю тумана? – Он усмехнулся. – Разве тебя, маленького, учили читать не по простейшим сочетаниям рун? Сумел бы ты прочесть вложенные тебе в руки хроники без такой подготовки?

Я покачал головой. Мне бы хотелось рассердиться на него за такое обращение, за тайны и намеки. Однако было в нем что-то, принуждавшее мой язык к смиренному молчанию.

– Я оставлю тебя обдумать эту мысль, славный Кетан: руководствуйся тем, чего сам желаешь, а не чужими требованиями. Даже мне понятны не все руны. Их смысл открывается в свой срок, и бывает, что время не спешит. Ты получишь Дар – дорожи им.

С этими словами он резко, не дав мне заговорить, отвернулся, а я остался с открытым ртом, хватая воздух, как вытщенная из родного пруда рыба. И броситься за ним с просьбой объяснить сказанное я не мог – что-то удержало меня на месте и в молчании.

Ибикус направился прямо к Женской башне. Как видно, его там ждали, дверь распахнулась по первому стуку. Я же остался стоять, перебарывая слова его речи.

Больше мне не довелось встретиться с Ибикусом наедине. К ночи он собрал свой караван к отъезду. Конечно, кое-какие товары он сумел продать. Моя мать и госпожа Элдрис надолго задержали его, выбирая то, что могли себе позволить. Но я предполагал, что он оставил в замке небольшую часть своих сокровищ. И горько сожалел о поясе.

Впрочем, твердил я себе, на такую покупку нечего было и надеяться. И обратиться за помощью мне в Кар До Проне было не к кому. Я, хоть и считался признанным наследником владетеля Эраха, не имел кошелька, из которого мог бы черпать.

Через три дня после этого настала годовщина моего рождения. Пока я жил с Ироизой и Урсиллой, этот день не считался поводом для праздника. Его чаще отмечали торжественными обрядами: Урсилла сплетала какие-то чары, мать ей помогала, обращая на меня свой Дар – только для того, по их словам, чтобы укрепить и защитить меня в моей малости.

Если они проводили такие церемонии и после моего переезда в башню Отроков, то обходились без моего присутствия. И день этот теперь ничем не отличался от других дней, разве что, по хроникам, я становился на год старше и от меня ожидали большей мудрости и силы.

Поэтому я удивился известию, что госпожа Элдрис желает меня видеть по случаю этой даты. Вечером накануне вернулась Тэйни в сопровождении Магуса и приличествующей свиты. Надев лучшую, самую новую праздничную накидку (с вышитым на груди гербом наследственных владений), я гадал, не намерены ли в этот день торжественно объявить о нашей свадьбе.

Когда я шел через двор к другой башне, уже вечерело. Внутри было темновато, и принявшая меня служанка держала в руке ярко горящий ароматный светильник. Я вслед за ней поднялся на первый пролет по древним, вытертым ступеням до покоев, где правила моя бабушка, хотя память едва не увела меня выше, к комнатам, бывшим прежде моим жильем.

В палату приемов вовсе не проникал дневной свет, стены были занавешены гобеленами с поблекшими от времени красками. Там и сям огонек светильника выхватывал человеческое лицо или сказочного зверя, придавая вышивке подобие жизни. Светильников, подвешенных на цепочках, было множество.

Все они горели, вместе с ароматным дымом излучая тепло, и потому комната сразу показалась мне душной. Хотелось сдвинуть гобелен, распахнуть скрытое за ним окно, впустить свежий воздух.

Госпожа Элдрис сидела в высоком кресле между двумя светильниками-колонками. В ее густых и темных, спадающих до пояса прядях не было серебра, зато их переплетали мягкие золотые нити с зелеными и бледно-желтыми драгоценными камнями. На ней тоже была парадная накидка, укрывающая тело от горла до бедер. С середины ее лба на меня, как внимательный третий глаз, взирал зеленый камень.

Она, как и Пергвин, почти не поддавалась годам и выглядела в начале средних лет. В ней, не то что в моей матери, не было наружного высокомерия и потребности властвовать, но властность была разлита в самом ее существе, сквозила в каждом движении.

Я, строго соблюдая этикет, опустился на колени и коснулся губами протянутой руки – холодной, несмотря на душную жару вокруг. Вежливо склоняя голову, я остро ощутил, что она оглядывает меня с головы до пят без удовольствия, с каким всегда глядела на Магуса, а с той надменной и немного враждебной отчужденностью, что выпадала на мою долю.

– Привет тебе, Кетан, – заговорила она, голосом подчеркивая, что это просто слова, лишённые тепла и гостеприимства.

– Доброй судьбы, светлого солнца и долголетия тебе, моя госпожа, – как приличествовало, ответил я.

– Встань, мальчик. Посмотрим, каким сделали тебя годы!

Теперь в ее голосе прозвучал намек на раздражение. Почему-то встреча со мной была ей неприятна, и она не собиралась облегчить ее ни мне, ни себе.

Я поднялся, как было велено. И увидел, что у дальней стены притулились две служанки, но ни моей матери, ни Урсиллы здесь не было. Зато по знаку госпожи Элдрис вперед выступила другая женщина. Тэйни, конечно.

Она выглядела второй Элдрис – такой, какой могла быть наша госпожа несчетные годы тому назад, когда Всадник-оборотень наложил на нее любовное заклятие. Ростом она не уступала мне, строгие складки платья под накидкой, скрывая, все же намекали на изгибы тела, созревшего для брака. Волосы, темные, как у бабушки, она уложила кольцом на затылке, закрепив гребнями и шпильками с самоцветными головками.

Ее правильные черты дополнились капризным изгибом маленького рта, и между темных бровей уже пролегла тонкая складка. Она не улыбалась и всем видом показывала, что рада бы оказаться где угодно, только не здесь.

Я знал, чего требует от меня обычай, но желания исполнять его во мне не было. Однако выбирать не приходилось, и я шагнул вперед, за руки привлек Тэйни к себе и поцеловал в щеку. Ощувив, как она напряглась всем телом, я понял, что она не отвечает мне ничем, кроме взаимной неприязни.

– Очень мило.

Моя нареченная не произнесла ни слова, даже не назвала меня по имени вместо приветствия. Слова принадлежали госпоже Элдрис.

– Ну, девочка, – обратилась она прямо к Тэйни. – Могло быть хуже. Он недурен собой...

Она и не думала меня хвалить. Я так остро чувствовал их ко мне презрение, как если бы они прокричали о нем во весь голос. Но я твердо решил не показывать виду, что его замечаю. Помолвка, какой бы торжественной она ни была, – не женитьба. Я уцепился за эту мысль, потому что уже понимал, что мужем Тэйни я не буду. Найдется способ избавиться от этих уз.

Госпожа Элдрис не ждала ответа ни от меня, ни от внучки. Вместо этого она опустила руки к шнуркам шелкового мешочка, лежавшего у нее на коленях. Развязала и распустила их.

Мех пардуса!

И снова, увидев его, я испытал яростную, голодную тягу к этому поясу – тягу, немного забывшуюся за прошедшие дни.

– Вот, девочка, достойный вашего будущего дар. Он воплощает крепко замкнутый круг, каким должен стать ваш брак. Вручи его – вместе с обещанием – твоему будущему господину!

Тэйни не сразу потянулась за меховой полоской, свисающей с протянутой руки бабушки. Боялась невозвратно связать себя жестом, которого требовала от нее госпожа Элдрис? Но и на открытый отказ она не решилась.

Наконец взяв пояс, Тэйни повернулась ко мне и голосом, капризным, как изгиб ее губ, вымолвила такие слова:

– Господин мой, прими от меня этот знак нашего будущего союза.

Я едва слышал ее слова. Для меня существовал только пояс. Все же я сдержался, не позволил себе выхватить его из рук девушки. И у меня хватило присутствия духа поблагодарить ее и госпожу Элдрис.

Тэйни в ответ даже не кивнула, и мои слова замерли в довольно неловком молчании. Я видел, как зло усмехнулась госпожа Элдрис.

– Смотри же, Кетан, храни его хорошенько, – сказала она. – Право, это настоящее сокровище. А теперь можешь идти. Союз заключен, а я утомилась...

Такое резкое прощание рассердило меня. Впрочем, подобные слова и поступки теперь оставляли на моей гордости лишь мелкие царапины. По правде сказать, я рад был выбраться из жаркой, пропитанной благовониями комнаты, унося в руках свое сокровище. Вернувшись к себе, я долго гладил мех пальцами, упиваясь шелковистым теплом. Я не убрал его в сундук вместе с праздничным нарядом, потому что меня неудержимо тянуло надеть его на голое тело, под дублет. Мне не показалось странным такое желание. Носить пояс таким образом представлялось самым правильным.

Укладываясь на ночь, я не снял его, оставил на себе. И в этот вечер снова не смог уснуть. Мне было мало любоваться ночью из окна. Нет, с восходом полной луны я понял: мне надо туда, на свободу, за пределы этой груды изъеденного временем камня.

Я сделал то, чего никогда не делал прежде: натянул штаны и сапоги, но на рубаху и дублет не стал тратить времени. И выскользнул из башни через ворота, возле которых в те мирные времена не ставили часовых. Вырвавшись на волю, я пустился бегом. Радостное буйство овладело всем телом, подгоняя меня вперед и вперед.

Я пересек поля до полосы кустарника на опушке леса. Оттуда я прошел берегом ручья, вдоль поющей, играющей лунными бликами воды до лесной прогалины, где серебро луны горело над головой и отражалось в пруду. Там я сорвал с себя одежду и кинулся в мелкую воду, зачерпывал ее ладонями, плескал на себя. Пояс на теле выделялся темной полосой, а пряжка под луной загорелась – такого огня я не видал прежде ни в одном драгоценном камне. Он пылал ярче и ярче. Меня окутало огненное облако. И тогда для меня в мире не осталось ничего, кроме дикой, рычащей морды пардуса пред моим помутившимся взором.

О предостережении Урсиллы и тучах над Арвоном

Когда я очнулся, было утро и надо мной в ветвях щебетали птицы. Лунное пламя в пруду потухло, хотя чуть срезанный серебряный диск еще виднелся на западе. Я моргнул и еще раз моргнул, дивясь всему вокруг, потому что в памяти еще оставалась дикая, ликующая жизнь ночи. В эту ночь я как никогда остро видел, слышал и чуял полный яркой жизни мир. В нем была свобода, к которой давно тянулось все мое существо. Вернуться в замок было – как заставить себя вновь войти в клетку, но что мне еще оставалось?

Внутреннее чувство подсказывало, что, если о моем ночном приключении узнают, повторить его не дадут. Вернуться к себе надо было незаметно. Я поспешно сел, нашел лежавшие неподалеку штаны и сапоги и натянул на влажное от росы тело. Пояс стал просто поясом. Даже самоцветная пряжка потускнела, словно наполовину выгорела от зажженного луной пламени. И все же я любовно огладил ладонью меховую петлю, опоясавшую мою талию.

Было еще очень рано. Я надеялся пробраться в свою комнату до пробуждения замка. И та же непонятная мне самому осторожность подсказала держаться укрытия. Я подбирался к стенам, как лазутчик ко вражескому лагерю. Добравшись до ворот, скользнул к дверям. Для этого пришлось миновать вход в другую башню, где жили дамы. Кто-то шагнул мне навстречу из-под тени арки.

Урсилла!

Уклониться от встречи было невозможно. Она повернулась ко мне лицом и поманила под дверную арку, поодаль от чужих глаз.

Она так долго молчала, что я стал переминаясь с ноги на ногу. Тогда она указала на пояс, не скрытый сейчас дублетом:

– Где ты это взял?

Ее режущий шепот так и вытягивал из меня правдивый ответ.

Руки мои невольно потянулись к поясу, ладони накрыли самоцветную пряжку. Я смутно чувствовал угрозу. И еще я злился на себя, что так покорен этой женщине, пусть даже она и Мудрая.

– Подарок, – не слишком любезно отозвался я. – Госпожа Элдрис с Тэйни вручили его мне в залог союза.

Лицо Урсиллы заострилось, губы оттянулись, открыв оскал. Так беззвучно рычит онемевшая от ярости собака.

– Дай сюда! – Ее пальцы скрючились когтями, словно готовы были сорвать с меня пояс. – Дай сюда!

Но сама сила ее ярости освободила меня от зачарованной покорности.

– Нет!

Одно слово ей наперекор, и я повернулся, пустился в бегство, уже не заботясь, увидят меня или нет. Только в своей комнате я остановился, задыхаясь, смиряя ужас, гнавший меня от Урсиллы. Я упал на край своего узкого ложа и сделал попытку разобраться в сумятице чувств, что превратили меня в испуганного ребенка.

Утреннее чувство свободы пропало. Его место заняла бессильная злость, смешанная со страхом. Я был в клетке – и Урсилла угрожала запереть меня в ней навсегда. Уж она позаботится, чтобы нынешняя ночь не повторилась. В этом я был уверен, словно прочитал пламенные руны на стене. Пояс!

Я расстегнул пряжку, поднял к глазам резную кошачью голову и присмотрелся. Да, она теперь горела не так ярко. Но я не отдам пояс Урсилле – ни за что! Эта вещь принадлежала мне, как ничто и никогда до того дня. Я понял, что она моя, едва увидел пояс среди сокровищ Ибикуса. Пусть госпожа Элдрис использовала его в своих целях, чтобы связать меня, – это

ничего не значит. Главное, я могу застегнуть этот пояс на себе. Я так и поступил. И проверил, надежно ли закреплена пряжка.

Какими бы могучими заклинаниями ни владела Урсилла, этого она от меня не добьется. Не знаю, откуда взялась во мне такая уверенность, но она была.

Однако не так просто было сбежать от Мудрой. В середине дня за мной пришли. Я как раз вел учебный поединок с Пергвином и заслужил от этого мастера меча несколько одобрительных слов. Я ликовал, потому что Пергвин бывал скор на укоры и скуп на похвалу. Может быть, недавнее ощущение жизни – я верил, что его подарил мне пояс, – помогало мне теперь добиться уважения равных. Итак, мое доброе настроение не сбил даже неурочный вызов в покои матери.

Проходя через двор, я думал, что это наверняка интриги Урсиллы, что в комнатах, более всего подвластных влиянию ее Силы, мне воистину надо быть начеку. Но я уже не был мальчиком, которым можно невозбранно распоряжаться: я теперь чувствовал себя взрослым мужчиной, хозяином своей жизни и судьбы.

Я не увидел ни госпожи Элдрис, ни Тэйни, проходя через их покои в комнаты, где правила мать, за плечом которой всегда стояла Урсилла. Сладкие ароматы наверху исчезли. Не было в комнате, куда провела меня служанка, и занавесей на стенах. В открытое окно вливался дневной свет и запах сохнувшего на лугах сена.

Однако и эти покои отличались богатством. Кресло матери высотой спинки не уступало трону госпожи Элдрис, было пышным и мягким, и на спинку его, как и у супруги владельца, была наброшена Красная мантия нашего клана. А грубый камень стен вместо гобеленов украшали рамки с картинами на пергаменте: причудливые, невиданные птицы и звери с тщательно выписанными чешуями, перьями, когтями, рогами и тому подобным – щедрые мазки краски блестели почти так же ярко, как самоцветы.

На низком столике, за которым сидела мать, был развернут такой же пергамент, и она тщательно заполняла черный силуэт алыми мазками, а затем, отложив кисть, другой добавила блестки позолоты. Она не подняла головы, когда я вошел, и не сказала ни слова приветия.

Я давно привык к подобному обращению, знал, что она не оторвет взгляд от работы, пока не закончит начатую часть рисунка. Удивило меня, что она сидела одна, – я ожидал увидеть Урсиллу, но Мудрой не было видно.

Госпожа Ироиза положила обе кисти на узкий подносик, отодвинула его от себя. И холодно, оценивающе оглядела меня.

– Ты глуп! – наконец заговорила она. И такой прием не был для меня внове и не вызвал обиды – мне просто захотелось скорей перейти к делу, услышать объяснение, в чем я оказался дураком на сей раз. – Позволяешь им подозвать тебя к ноге, как собаку из своры моего мужа, – холодно продолжала мать. – И за что мне достался такой малоумный сын, что даже не замечает, как им распоряжаются в чужую пользу? – Она пожала плечами. – Что ж, сделанное еще можно исправить.

Я все ждал. Она любила подходить к делу обвиняемыми. В детстве этот прием на меня действовал: чем дольше она отказывалась прямо назвать мою вину, тем беспокойнее мне становилось. Но за столько лет я научился сдерживать себя, пока она доберется до сути.

– Госпожа Элдрис... – начала Ироиза и осеклась. Я с малых лет понимал, что между ней и матерью нет любви и очень мало приязни, хотя при встречах дамы соблюдали этикет и выступали заодно, как требовал обычай. Все знали, что моя мать сменит госпожу Элдрис на месте хозяйки замка, но я ни разу за столько лет не уловил ни намека на недовольство таким положением дел. Казалось, госпожа Элдрис даже рада передать дочери заботы и обязанности. – Ты попался в силоч, – твердо заявила теперь госпожа Ироиза, – и если тотчас же не вырвешься на волю... – Она опять запнулась. И наконец решила говорить напрямик: – Твой пояс проклят.

Я не сомневался: она верит тому, что сказала. Но так же был уверен, что эту мысль вложила ей в голову Урсилла.

– Каким образом? – Я впервые нарушил молчание.

– Он принадлежал Расе оборотней. Урсилла узнала эту вещь с первого взгляда. И нам на беду, госпожа Элдрис тоже. Ибо она увидела в этом шанс получить то, чего давно желала.

– Чего же? – снова спросил я.

Прежде мать управляла мной без труда. Сейчас же я впервые при ней думал своим умом и оставался самым собой. Может быть, потому, что не прошло и дня, как я испытал вкус небывалой свободы.

– Ввести Магуса в права наследника. – И снова мать прямо высказала то, что издавна крылось под молчаливым противостоянием двух женщин. – Она всучила тебе этот проклятый пояс, а чтобы ты не мог отказаться, объявила его символом помолвки. И пояс уже делает свое дело. Где ты бегал этой ночью и в каком обличье, Кетан?

Она подалась вперед, глаза ее пылали – может быть, не так ярко, но тем же огнем, который луна зажгла в яргоновой пряжке.

– Я спал у лесного ручья. Нигде не бегал. И я не оборотень, госпожа моя.

Ясно было, что в дело вмешалась Урсилла. Впрочем, передо мной сейчас встало другое лицо – умное и располагающее лицо торговца. Что он сказал мне при встрече? «Руководствуйся тем, чего сам желаешь, а не тем, чего требуют от тебя другие. Ты получишь Дар, дорожи им».

Я ответил матери вопросом:

– Откуда госпоже Элдрис знать, что ее подарок обладает такой Силой?

Недовольство в лице матери сменилось вспышкой чистого гнева.

– От купца, откуда еще? Урсилла учуяла в нем Силу. Он из тех, кто сеет беды и раздоры. Бывали такие и прежде, ходили между нами, подчиняя своей воле. Урсилла видела, что звезды не расположены к Кар До Прону, а может быть, и ко всей нашей стране.

– Ты говоришь, что госпожа Элдрис благосклонна к Магусу, – я сам это знаю. Но обычай есть обычай. Ей никуда не деться от того, что я рожден твоим сыном и, стало быть, наследник.

Я осторожно нащупывал путь, снова напомнив себе разведчика на чужой земле, только теперь мне приходилось выбирать слова, а не укромные пятна тени среди полей.

– Глупец! – Мать вскочила, нетерпеливо оттолкнув столик, с которого скатилась и разбилась склянка с краской. – Оборотень всегда уязвим. Он, если не прошел обучения, не управляет переменной облика. Кто в Кар До Проне примет тебя как владельца, зная о твоём пороке? Однажды такое уже было. У замка был законный наследник, рожденный прежде Эраха от другого отца. Но он был наполовину оборотень по крови, и, когда эта кровь дала о себе знать, все, обитающие в этих стенах, отвергли его. А ты даже не полукровка. Пока на тебе этот проклятый пояс, он, а не ты, будет управлять твоим обликом. Вот ты человек – а вот уже зверь. Какая девица выйдет за тебя – не говоря уж о Тэйни? Тебя будут травить как зверя. И... чем дольше ты цепляешься за эту ужасную вещь, тем крепче она тебя держит. Отдай ее мне!

Она властно протянула руку.

Она верила своим словам. Но им не верил я. Я видел здесь умысел Урсиллы. Я не забыл ее взгляда и скрытного движения пальцев, когда она пыталась чарами отгородиться от торговца. Я и раньше не любил Мудрую, а за последние дни после встречи с Ибикусом мой трепет перед ней сменился чем-то похожим на отвращение.

– Ты послушна Урсилле, – медленно проговорил я.

Мать уронила руки. Кончик языка показался у нее между губами, задвигался, словно слизывая что-то неприятное. Она прищурилась и взглянула на меня вовсе без выражения:

– Делай, что я сказала!

До той минуты я не знал, что в силах противостоять ее воле. А теперь узнал, и восторг, который я испытал при пробуждении, снова коснулся меня легким облачком. Какое мне дело до их интриг? Не дождавшись ответа, госпожа Ироиза вдруг улыбнулась, сдержав прорвавшийся гнев:

– Хорошо. – Резкая перемена тона застала меня врасплох. – Держись за свою игрушку, дитя. Ты еще поумнеешь, и молись, чтобы не слишком поздно, когда по собственной глупости лишишься всего. А теперь сгинь с моих глаз, пока не вспомнишь о своем долге и не вернешься ко мне в должном расположении духа.

Она хладнокровно вернулась на место, снова подтянула к себе столик и взяла кисть. Я для нее больше не существовал. И все же она смирилась с моей маленькой, но немислимой до того дня победой.

Мне было о чем поразмыслить, покинув башню. А вдруг Урсилла не лжет? Вдруг торговец с некой тайной целью вложил в руки госпожи Элдрис оружие против меня? Что я мог противопоставить словам матери? Впечатление, которое произвел на меня торговец, необыкновенную легкость и уверенность, подаренную поясом, и воспоминание о мимолетной ночной свободе под луной. Мелочи, едва ли не тени, но они мешали мне до конца поверить матери – или Урсилле.

Я знал, что госпожа Элдрис не питает ко мне добрых чувств, и Тэйни, бесспорно, была с ней заодно. Да и кто во всем Кар До Проне мне друг? – задумался я. Для матери и Урсиллы я орудие. Я понимал это с тех пор, как впервые начал что-то понимать. Владелец Эрах не любит меня, а только терпит. В ненависти Магуса я не сомневался. Кто остается – Пергвин? Может быть, не более того.

А к нему я не мог обратиться с вопросами об этом поясе. Заранее знал, что он скажет: отдай, чтобы не разжигать неприязнь к себе еще больше. Пересекая двор в обратную сторону, я чувствовал себя очень одиноким. Вернувшись в башню, я расшнуровал дублет, распахнул рубашку, взялся за пряжку с головой пардуса.

Она не поддавалась!

Я все яростнее дергал застежку. Она упрямо держалась, словно и не открывалась никогда. Теперь в нарастающей панике я готов был поверить, что пояс обладает Силой и, может быть, в самом деле овладел мной. Я привалился к окну, впивая прохладный воздух. Сердце стучало, руки, которыми я в поисках опоры ухватился за подоконник, дрожали. Я – не – должен – открывать ворота страху. Спокойно, разумно отыщи, в чем зацепка, освободи...

Я вытер вспотевшие пальцы о штанину и запретил им судорожно терзать пряжку. Нажать вот тут... так...

Пардус разжал зубы, пояс растянулся и сполз бы на пол, не подхвати я его.

Досадуя на себя, я поднес застежку к свету из окна. Вы посмотрите, как она меня разыграла! Заставила поверить в свои сказки! Чуть заело пряжку – и я уже счел себя проклятым! «Глупец», – назвала меня мать. Разглядывая пояс, я думал, что она не права. Я был бы большим глупцом, уступив ее желаниям.

Вернулось ощущение чуда, которое с первого взгляда внушил мне пояс. Сокровище! В нем нет ничего дурного. Нет, храня его, я приближаюсь к желанной свободе. Урсилле не сковать меня заново, не отобрав его. А этого я ей не позволю!

Я решительно застегнул на себе пояс, снова укрыл его мех и камень под рубахой и дублетом. Я уже шнуровал дублет, когда вошел Пергвин с известием, что владетель немедленно хочет видеть меня в Большом зале.

Там собрались сильные люди. За мной не было ни положения, ни права голоса, но как признанный наследник владетеля я должен был присутствовать на совете. Здесь были командир гарнизона Кадок и Эргил – тихий старик, весь ушедший в свои хроники и, по слухам, многое знавший о Силе оборотней. Эргил вернулся после месячной отлучки. Впрочем, он был

таким незаметным, что едва ли кто заметил его отсутствие. Да и голос он подавал нечасто. Зато если возникала нужда справиться о событиях прошлого, обращались всегда к нему.

Магус был очень заметен. Разница в возрасте с ходом лет, казалось, разделила нас больше прежнего. Раньше он мучил и унижал меня, теперь вовсе не замечал. И мне так было легче. Сейчас он уверенно занимал место рядом с отцом, держа в руке кубок. Этот кубок он снова и снова поворачивал в пальцах, словно любясь стертой временем гравировкой.

Я скользнул на место рядом с Эргилом (моего появления никто не заметил). Меня неизменно подавлял дух строгой древности, витавший в этом зале.

– Так, значит, правда... – тяжело проговорил Эрах, словно известие, которое он собирался нам передать, было не из радостных, – что предстоит сбор войск. Мы, вместе с Голубыми и Золотыми мантиями поддерживаем Верховного Правителя Айдана.

– А Серебряные? – не вытерпел Кадок, когда мой дядя умолк.

– Никто не знает. В замках западных и внутренних краев заметили большое движение.

– Серебряные всегда предпочитали союз с Голосами гор, – заметил Эргил. – Это они почти полгода удерживали Ястребиный Коготь, перед тем как нам покинуть Долины по Дороге Памяти. В их жилах половина древнейшей под луной крови.

– Но кто мутит воду? – вдруг спросил Магус. – Я побывал посланцем в двух десятках замков. Я добрался даже до Белого потока. Всюду волнения. Люди не выезжают в дорогу без оружия. Но никто не слышал о вылазках диких горцев, и боевой рог не прозвучал.

Мне вспомнились слова Пергвина о приливах и отливах бед в Арвоне и о том, что близится конец наших мирных времен. Однако враг, которого не знаешь по имени, тревожит больше, чем открытый враг.

– Неизвестно, – ответил Магусу отец. – Но наш наследственный Дар – чуют грядущую бурю. Рассказывают, что Голоса читают звездные карты и умеют пророчить будущее. Если и так, их предостережений никто не слышал. Очень может быть, что откроются одни из Ворот и против нас снова встанет ужас, изгнанный в давние времена, а теперь усилившийся и вооружившийся.

– Так и есть, – тихо проговорил Эргил. Все обернулись на его негромкий голос. – Весь наш мир охватила война. Долины отбивали нашествие безжалостных пришельцев и после долгой борьбы оттеснили их. Наши родичи за морем тоже были втянуты в войну, которая едва не стерла их с лица земли. В тот раз победа осталась за ними, но борьба так изнурила их, что многие поколения не смогут призвать себе на помощь Силы. Все, что служило нашей защитой, мало-помалу слабеет, будь то новые народы не нашей крови или нам подобные. Как знать, не чувствуют ли те, за Воротами, нашей слабости, не стало ли им известно, что пробил час нового приступа.

– Приятно слышать! – съязвил мой дядя. – Но бывает, что во мраке скрывается горькая истина. Что до нас, в наших силах лишь готовиться к обороне. Тогда, если разразится бедствие, мы встретим его в готовности, насколько это возможно без полного знания. Итак, для каждого будет дело...

Он принялся распределять обязанности и труды. Тогда, перед лицом неясной угрозы, я наполовину забыл собственные опасения.

О том, что замыслил Магус и как у меня открылись глаза

Дядя послал меня на сбор урожая с дальних полей на севере. Я трудился вместе с земледельцами, не только проверяя груз на отправлявшихся в житницы замка телегах, но и помогая наваливать снопы на эти самые телеги. Тяжесть, лежавшая на нас в те дни, заставила забыть о рангах, и мы дружно трудились, чтобы, как повелел владетель Эрах, подготовиться к любой осаде.

Должно быть, тем же были заняты и другие владетели, потому что в эти недели к нам не прибывали вестники. Не было и веселых пересудов о ежегодном Празднике жатвы. Лучше, казалось каждому, оставаться под собственной крышей и не выезжать за границы своего поля.

Вечерами, когда я после дневной страды без сил валялся на кровать, у меня было одно желание: выспаться, пока утренний горн не поднимет нас к новым трудам. Я по-прежнему не снимал пояса, но в те дни он был для меня лишь предметом одежды. Ни мать, ни Урсилла не давали о себе знать.

Они тоже были заняты. Варили эликсиры, заготавливали впрок плоды, пекли твердые дорожные хлебцы (их можно было подолгу хранить без порчи) – полны руки забот. Даже деревенские дети разыскивали на опушке ореховые деревья и, соревнуясь за добычу с лесными зверушками, мешками тащили домой, чтобы очистить от твердой скорлупы, перемолоть ядрышки в муку, которой сдобривали хлеб.

Прошли дни, а затем и недели, вновь приблизилось время полной луны. Работа наша шла к концу. Всё, чем могла накормить земля, уже убрали в амбары и кладовые. Погода в ту жатву стояла прекрасная – ни одного дождливого дня, даже облака не грозили непогодой. Легко верилось, что Силы одарили нас своей благосклонностью.

И все же временами земледельцы роптали. А если и нет, то, распрямляя спины для краткого отдыха, обводили поля взглядами, в которых не было удовлетворения, а было все больше вопросов. Слишком легка была в тот год их доля, и они не доверяли такой легкости, опасаясь, что она предвещает будущие неприятности.

В канун полнолуния я с последней телегой вернулся с последнего поля. Ныли все кости, словно тело в жизни не знало отдыха. Мои спутники не смеялись, не перекидывались грубыми шутками, как заведено у людей, скинувших с плеч тяжелый, но успешный труд жатвы. Я заметил, что, хотя главный жнец и связал из последних колосьев чучело Жатвы и работники выпили в ее честь присланный в поле сидр, в обряде не было радости, словно они совершали его только по обязанности.

И замок без радости встретил нашу телегу с наколотой на вилы Жатвой, венчавшей грудой снопов, хотя люди, памятуя обычай, высыпали во двор нас встречать. И дядя мой предложил второй раз выпить за Жатву.

Я узнал девушку, подносившую мне кружку. Она иногда прислуживала в покоях матери. Только в этот раз она мне не улыбнулась, не сказала ни слова, а отошла с застывшим лицом.

Прислонившись к стене башни Отроков, уставший так, что не поднять руки, я с натугой поднес кружку к губам и жадно выпил. В этом году даже сидр горчил, оставлял на языке неприятный привкус, и я отставил недопитую кружку.

Спотыкаясь от усталости, я поднялся к себе и, не сняв одежды, не омыв тела приготовленной водой, упал на кровать, закрыл глаза. И провалился в глубокий сон без сновидений, так что в памяти не осталось ни следа этой ночи.

Просыпался я медленно. Солнце раскрасило пол яркими пятнами, от их блеска болели глаза. Боль, от которой вчера ныла спина, перебралась теперь мне в голову, билась под черепом. Когда я приподнялся, каменные стены пошли волнами, а к горлу подступила горькая тошнота.

На одной силе воли я добрался до высокого кувшина с водой у дальней стены. Руки дрожали так, что пришлось поднимать кувшин двумя, и, наливая себе умыться, я немало воды расплескал по полу. Все же, зачерпнув то, что попало в таз, я окунул лицо в чашечки ладоней.

Холод воды прогнал из головы туман. И с возмущавшимся животом я сумел кое-как совладать. Не заболел ли я?.. Нет! Мысли текли лениво, однако я вспомнил горький привкус выпитого вечером сидра. А девушка, подавшая мне кружку, подчинялась Урсилле.

Только теперь я спохватился, что запачканная мятая рубаха, в которой я упал на кровать, уже не зашнурована, а свободно распахнулась, открывая... пояс!

Руки метнулись заверить меня в том, что уже сказали глаза, – меня не обокрали. Однако я крепко подозревал, что пытались. Подсыпали что-то в питье. Урсилла была знатоком трав, как полезных, так и вредных. Этой науке обучали всех Мудрых. Что помешало ей исполнить свой замысел, пока я лежал тут совсем беспомощным, я понять не мог. И обвинить ее или мать на основе одних подозрений не мог тоже.

Однако этот случай доказал мне, что ничему и никому нельзя доверять. Подозрения только укрепили меня в упорном нежелании расстаться с поясом, что бы ни скрывалось за даром госпожи Элдрис. Пока это в моих силах, я не дам себя ни принудить, ни обобрать.

Раздевшись и умывшись остатками воды, доставая чистую одежду, я думал о другом. В голову пришло, что Урсилла соразмеряет свои действия с ростом и убывью луны. Жаль, что я почти ничего не знаю об оборотнях. Если обратиться к Эргилу... Но решусь ли я? Мне не хотелось ничем выдавать своих слабостей, за которые мог бы ухватиться Магус.

Что, если госпожа Элдрис с Тэйни только и ждут моей оплошности?

Я натянул свежую рубашку. Надушенные травами полотняные складки отогнали гнездившуюся в замковых стенах затхлую сырость, а туго затянутая шнуровка снова скрыла мой пояс.

В эту ночь луна опять была полной. Буйный восторг, подаренный поясом, в прошлый раз проявился лишь в первую ночь полнолуния. Но если прошлой ночью я был лишен памяти зельями Урсиллы, может быть, пояс отзовется и второй ночи?

Я должен был узнать, а доверять никому не мог – даже Эргилу. И уж точно не доверял ни матери, ни Урсилле. Поэтому я решил днем остерегаться всего, есть и пить с большой опаской, что было вовсе не трудно. Во время жатвы в Большом зале не собирались к трапезе, а тем, кто проголодался, прямо на кухне раздавали дорожные хлебцы с сыром и вяленным мясом. Памятуя настрой прошлого вечера, я не думал, что сегодня будет большой пир. А даже если столы и накроют, я могу набить живот фруктами и прочей едой, к которой нельзя ничего подмешать.

Заспавшись под действием сонного зелья, я вышел из комнаты ближе к полудню. Двор после суеты последних недель словно затянуло дремотой. Из конюшни доносились голоса, но я никого не заметил. Как только отступила тошнота, меня одолел сильный голод, и я отправился к окошку, из которого раздавали хлеб и сыр.

На мой стук выглянул кухонный мальчишка. У него блестел от жира подбородок. Он слизывал крошки с губ и покраснел при виде меня, словно попавшись на мелком воровстве.

– Чего угодно, господин? – пискнул он, чуть не подавившись недожеванным куском.

– Хлеба, сыра, – коротко бросил я.

– С сидром?

Я покачал головой:

– То, что сказал, и все.

Пожалуй, я был слишком настойчив – в его взгляде мелькнуло удивление. Я выбрал себя за этот промах. Осторожность и еще раз осторожность – вот что мне сейчас требуется.

Он принес еду на грубой салфетке. В надрез толстого куска хлеба вложили шмат сыра. Хлеб был еще таким теплым, что сыр немного подтаял, и я рассудил, что могу принять его без опасений.

Поблагодарив мальчика, я с салфеткой в руках вышел на свет, к воротам. Солнце так и пылало, на небе не было ни облачка. Роса к этому часу уже высохла, сжатые поля были пыльно-бурыми, словно иссохшими. Я повернулся к ним спиной и прошел по замшелым плитам дорожки в сад, где ради ароматов и целебных свойств выращивали травы и цветы.

Но и здесь я не остался один. В саду слышались высокие женские голоса. Три женщины обходили поздние розы, собирая раскрывшиеся цветы, чтобы сделать из них настойку или засахарить на сладкое. Не дав девушкам заметить меня, я свернул на другую дорожку, окаймленную высокими ягодными кустами, уже почти обобранными от сладкой ноши.

Расслышав свое имя, я задержался. Не собирался подслушивать болтовню сборщиц, но кто бы устоял перед искушением подслушать разговор о самом себе?

– Правда, старуху Малкин ночью посылали в башню Отроков – к господину Кетану? Воротилась она, волоча ноги и хлюпая носом, словно ждала, что ей уши оторвут. Не хотела бы я прислуживать этой Мудрой. Она...

– Придержи язык, Гульда! У нее повсюду глаза и уши.

В упреке слышалось и суровое предостережение.

– Вот за нашей молодой госпожой и впрямь нужен глаз да глаз. Она дуется уже несколько дней, ее гнев поднимается вместе с солнцем, но не заходит вместе с ним. Вчера швырнула в Бертольдзу зеркальцем, расколола пополам...

Кто-то испуганно вздохнул:

– Это не к добру!

– И госпожа Элдрис так же сказала, – огрызнулась рассказчица. – И еще госпожа заметила, что зеркала – немалая редкость, а торговцев с новыми Тэйни не дождется до следующего лета. Тут вошел господин Магус, и обе замяли разговор, а нас отослали, чтобы поговорить с ним наедине.

– Да-да. Потому-то Малкин так задержалась на лестнице. Скажу тебе, она и есть те самые уши, про которые ты сказала.

– Хороши у нее уши, если слышат сквозь стены и двери. Да ведь она так стара, что еле ползает.

– А ты не думаешь... – Этот голос упал до шепота, но ко мне доносился явственно. – Тебе не приходило в голову, что Малкин... Иная?

– Это ты о чем?

– Она служит Мудрой, и никому другому. Я однажды слышала от старой госпожи Ксении, что Малкин прибыла сюда вместе с Мудрой и что уже тогда, когда все мы еще на свет не родились, выглядела такой же старухой – блеклой тенью, едва стоявшей на ногах. Ты знаешь, она никогда не выходит к нам в горницу, да и не говорит ни с кем, разве что на вопрос ответит. И глаза у нее не как у всех.

Ходит она, вечно потупив взгляд, так что в глаза не заглянешь, но я тебе скажу – никогда не светит себе свечой или светильником, а в темноте держится, как будто ей светло.

Мудрая ей, как видно, доверяет. Хотела бы я знать, что им понадобилось от молодого господина. Ральф видел ее на лестнице и видел, как она открывала задвижку на дверях господина. А голоса из-за двери не услышал, значит она не с докладом пришла. Он бы подсмотрел еще, но тут его отозвал его господин.

– Вы с Ральфом все подглядываете, суете носы, куда не просят, – смотри, как бы Мудрая и тебя не заметила, Гульда. Если ты ее не боишься, так не от большого ума!

– Да уж! И нам лучше ничего не рассказывай! Не надо мне ее взглядов, ни добрых, ни злых. Довольно, что приходится терпеть капризы молодой хозяйки, а то и вспышки госпожи Элдрис. О тех, наверху, пусть тревожатся те, кто им служит. Дай загляну в корзинки... Ну, на первую сушку уже хватит. А теперь обе прикусите язычки и забудьте, чем там занималась или не занималась ночью Малкин.

Я услышал, как зашуршали юбки уходивших женщин. Впрочем, услышанное только подтвердило подозрения, что за моей обморочной ночью скрывается рука Урсиллы. Что ж, ее служанка не добыла того, за чем ее посылали, хотя на свой счет я этой победы записать не мог. Отыскав в конце сада скамейку, укрытую двумя живыми изгородями, я сжевал хлеб и сыр, не замечая вкуса за раздумьями.

Одно я решил твердо: не стать пленником Урсиллы на эту ночь. Может быть, выбраться из замка на свободу? Воспоминания о первой ночи с поясом были слишком хороши, чтобы не желать повторения. Однако если меня хватятся, мать, пожалуй, отправит за мной охотников. Все надо проделать втайне. Правда, она могла приставить ко мне соглядатаев.

Туда, где я сидел, солнце не доставало, и сонный покой сада понемногу убаюкивал меня. Толстые пчелы, занятые *своей* жатвой с тем же усердием, с каким мы занимались своей, тяжело переваливались с цветка на цветок, птицы пели. Здесь так трудно было поверить в коварство и угрозы!

Мало-помалу я стал замечать еще одно: как обострились мои чувства. Краски стали ярче, очертания цветов и растений резче, отчетливей. Ноздри ловили небывалое богатство запахов, слух стал тоньше. Не знаю, откуда взялась во мне такая уверенность, но я принял ее за истину.

Мне все сильнее хотелось слиться воедино с окружающим меня миром растений. Я упал на колени в траву, перебрал пальцами стебельки, словно любовно расчесывал шерсть гигантского дремлющего кота. Склонив голову, я втянул легкий аромат крошечных цветов, колокольчиками свисавших на ниточках стеблей и подрагивавших в потревоженном моими движениями воздухе. Завороженный этим чудом, я забыл обо всех опасностях, мне было довольно быть здесь в этот час.

Такие минуты не длятся долго. Когда мои чувства поблекли, сильнее прежнего вспомнились все сомнения, все, чего мне не доставало в жизни. В саду я почувствовал себя возмутителем спокойствия, грубым пришельцем и покинул это место.

Пира в тот вечер не затевали, но к вечерней трапезе собрались. Я со своего места вглядывался в лица, чутко ловил каждый взгляд, каждое изменение лица. За столом много смеялись, поднимали кубки в благодарность за изобильный урожай.

Только вот под наружным весельем каждый таил свои мысли и, казалось, отчаянно старался шуметь погромче, чтобы утопить их в гомоне.

Ел я с опаской, понемногу. Поднимая кубок, радовался его непрозрачному металлу, скрывающему, что я не пью, а только пригубливаю вино. Кроме того, я понемногу отливал напиток в вазу с цветущими ветвями, удачно поставленную близ моего места.

Урсилла в зале не показывалась. Но моя мать сидела напротив госпожи Элдрис, а Тэйни среди незамужних девушек – по обычаю, за отдельным столом. Временами я ловил на себе взгляды Магуса. Но сейчас меня тревожила не его открытая неприязнь, а тайный умысел. Магус же, как я полагал, если и предпримет что против меня, то при всех и без ухищрений.

Разошлись мы рано. Ни у кого не лежала душа к песням и забавам. Владелец Эрах, хоть и сидел со всеми за столом, мыслями казался далеко и только изредка тихо переговаривался с Эргилом. И после каждой фразы брови его хмурились все сильнее.

Меня снедало нетерпение. Стать самим собой, снова покинуть замок со всем, что в нем есть, открыть охоту за желанной свободой, упиться ею – мне все труднее было сдерживать это желание. И тогда я выскользнул из зала, направившись в свою комнату, потому что понимал, как неразумно выбираться за стены теперь, когда за мной могут следить.

Только вот... Подумав спустя какое-то время, что теперь можно решиться на побег, и уже коснувшись дверного запора, я обнаружил, что двустороннюю задвижку закрепили снаружи. Вот когда я проклял себя за глупость! Забыть о таком простом способе удержать меня в башне! Не Урсилла ли околдовала меня на расстоянии, что я не додумался ничего предпринять на этот случай?

Я метался от стены к стене. Из окна не веяло прохладой. Нет, стены словно излучали жар, и он становился тем сильнее, чем выше поднималась луна, заливая комнату своими лучами. Я весь горел, задыхался...

Пальцы мои вцепились в одежду, сорвали тесную ткань, оставив наконец только пояс. Я опустил на него взгляд. Яргоновая пряжка пылала – словно жадно впитала в себя жар стен.

Блеск камня мутил мой взор и...

Я поднял голову и удивился своему положению – все виделось мне под необычным углом. Да ведь... я же стою на четвереньках... Нет! На четырех мягких лапах, а тело мое одето золотистым мехом. Хвост подергивался, отзываясь невольному сокращению мышцы, о существовании которой я прежде не догадывался. Я открыл рот для крика, но из горла вырвалось тяжелое ворчание, звериный рык.

К дальней стене был прислонен блестящий щит, служивший не для боя, а вместо зеркала. Подойдя к нему, я увидел посреди блестящей поверхности отражение... пардуса!

Нет, я не испугался, не всполошился. Я высоко поднял голову, телом ощущая славное торжество. Что дурного находят люди в оборотничестве? Просто они в своем невежестве не понимают, какая малая часть мира доступна восприятию нашего вида – как оно скудно...

Расхаживая взад-вперед, я наслаждался движением мышц, быстротой и плавностью поступи. И так увлекся свершившимся чудом, что не услышал, как отодвинулась задвижка. Только когда огонь светильника изгнал лунный свет, я развернулся и зарычал.

Я успел увидеть блеск стали, понял, что Магус дождался своего часа и что меня ждет бой. Однако и в новом облике власть оставалась за разумом. Я не дал кузену так легко втянуть меня в свою игру.

Он пришел не один. В темном плаще со скрывающим половину лица капюшоном за его плечом стояла Тэйни. На ее лице было написано отвращение.

– Убей его!

Ее хриплый шепот оцарапал мне уши.

Магус покачал головой:

– Нет, мы должны всем показать, что он такое, – слишком хорошо известно, как я его не люблю. Пусть никто не скажет, что я окровавил меч из-за наследства. Но ты видишь правду, сестра. Он оборотень. Узнав об этом, люди, запуганные по нынешним временам любыми проявлениями Тьмы, сами нас от него избавят.

Он, держа меч наготове, отступил назад. Захлопнулась дверь. Я услышал, как снова, запирая меня внутри, щелкнула задвижка.

О дикой охоте и моем от нее бегстве

На минуту зверь во мне взял верх. Я прыгнул на дверь, ударился о нее всем телом. Не знаю, чем Магус закрепил защелку, но держался запор крепко. Звук собственного рева помог мне смирить звериную половину. Я не знал и не догадывался, что задумал мой кузен, но был уверен, что моя жизнь под угрозой.

Куда девался восторг от нового тела? Теперь мне хотелось выбраться из него, вернуть привычный собственный облик. Но каким заклятием, какой уловкой его отвоевать? Я с горечью осознавал, как права была Урсилла, как права была мать в своем недоверии поясу. Мать назвала меня глупцом. Сейчас, в отчаянии, я находил для себя гораздо более жесткие имена.

Теперь уже ясно было, что произошло. Госпожа Элдрис – от торговца Ибикуса или другим путем – узнала тайну пояса и позаботилась, чтобы он попал мне в руки. Удобный способ убрать меня с пути своего любимца. Ведь Магус сейчас сказал правду – оборотни у людей кланов пользовались недоброй славой. Оборотень для них – чужак, подобный лесному народу, полукровка, которому не станет доверять ни один чистокровный человек.

Люди в наших владениях и без того взбудоражены ядом подозрительности, мало-помалу отравившей их покой, и обойдутся со мной так же, как обошлись много лет назад с сыном госпожи Элдрис от оборотня – изгонят со своей земли. Только мне придется хуже, чем ему, ведь у меня нет родичей-оборотней, и никто не даст мне убежища.

Пояс... Я опустил голову, взглянул на свое мохнатое тело. Да, пояс остался на мне и в зверином обличье. меховая полоска терялась в моей шерсти, зато ярговая пряжка блестела ярко и чисто. А если от него избавиться? Не стану ли я снова человеком?

Но тщетно я царапал пряжку когтями, подцеплял и рвал меховую полосу – пояс держался. Окно? Выпрыгнуть, найти укрытие до захода луны? Из хроник мне была известна хотя бы эта малость: обычно превращения подвластны свету полнолуния.

Я поднялся на задние лапы, положил передние на подоконник, протиснул в окно голову и плечи. Моя комната располагалась на втором этаже, стена под ней была отвесной и гладкой. Я еще не так привык к новому телу, чтобы рискнуть на прыжок, однако, стоя в оконном проеме, услышал тихий звук от двери.

В тот же миг я упал на все четыре лапы и прокрался на шум. Не слышалось ли мне, как кто-то украдкой сдвинул засов, державший меня в плену? Я колебался.

Если преграды больше нет – кто ее убрал? Магус ли выманивает меня наружу в своих темных целях? Или у меня нашелся друг, готовый сорвать планы кузена?

Я приподнял переднюю лапу, выпустил когти, запустил их в дверную щель. Медленно, беззвучно потянул. Дверь послушалась, качнулась ко мне. Не заперта. Убедившись в этом, я замер, прислушиваясь. Я уже знал, что слух мой намного острее человеческого. Да и воздух, который я втягивал широкими ноздрями, нес множество неведомых прежде запахов.

Снаружи ни звука. Ни намек на дыхание затаившихся в засаде. Я встал перед выбором: остаться и дожидаться плодов коварства Магуса или бежать, пока есть время, и встретиться с кузеном позже на своих условиях.

Весы склонялись к последнему. Я снова тронул лапой дверь, толкнул теперь сильнее, и она открылась. Свет за ней показался мне не таким уж тусклым. Тут тоже сказалась врожденная зоркость пардуса. Я уже обдумал, что делать. Во всей этой каменной громаде лишь один человек мог прийти мне на помощь (не ради меня, а ради собственной выгоды) – Урсилла! Она посвящена в древние учения и, конечно, знает, как избавить меня от звериной шкуры, а если и нет, все же спрячет меня до часа, когда я сброшу нынешний облик естественным путем. Тогда... придется уступить и отдать ей проклятый пояс. Без него Магус ничего не докажет, ничего не сумеет...

Я бесшумно выскользнул за дверь. К сильному запаху человека здесь примешался другой, от которого я невольно зарычал, наморщив кошачий нос, – пахло собакой. Однако я никого не видел и не слышал. Тот, кто освободил меня из ловушки, не стал задерживаться. Пергвин? Откуда бы ему знать? Если только Магус не проболтался о своих подозрениях и планах.

Передо мной находилась лестница. Я тихо ступал по ступеням. Следующая дверь тоже была заперта, но здесь засов открывался с моей стороны. Я уперся лапами в дверь, мордой неловко подтолкнул стержень.

Кусок металла поддался не сразу, но все же шевельнулся наконец со скрежетом, громом прозвучавшим в моих ушах. Я остановился, насторожил слух – подозрения мои усиливались. Что, если Магус подстроил все так, чтобы выманить меня на открытое место, всем на глаза прежде, чем я проберусь к Урсилле? Что мне было делать? Робко забиться в свой угол в ожидании разоблачения не позволяла натура.

Наконец засов сдвинулся, освободив дверь. Я отворил ее сильным толчком. И тут же канул в ближайшую тень, чтобы прислушаться и приняться.

Лошади... охотничьи собаки... человек... Запахи были сильные, но их я узнал бы, и будучи в своем теле. С ними нахлынули мириады новых, которых я не умел назвать. При всей решимости навсегда покончить с поясом и всеми его дарами, во мне всколыхнулось волнующее чувство свободы. Пришлось сдерживать этот порыв усилием воли, пониманием, что единственная доступная мне свобода теперь – освободиться от пояса и наложенных им чар.

Я стал рассматривать Женскую башню. Наружную дверь на ночь запирали изнутри... Но мне вспомнилась Тэйни. Если она тайком выбралась наружу, ей ведь пришлось оставить дверь незапертой до своего возвращения? Однако полагаться на это я не мог. За башней поднималась внешняя стена замка. Если взобраться на нее и пройти по гребню, я сумею запрыгнуть в окно материнских покоев, оно выходит на ту сторону. Другого пути я не видел.

Но до гребня пришлось бы добираться через кордегардию, по лестнице, по которой во времена осады поднимались защитники стен. Сейчас во дворе крепости стояла неестественная тишина, сама по себе внушавшая подозрения.

Намеченный мной путь вел в обход конюшен и псарни. Зная, как сильны и остры запахи животных, я допускал, что и лошади с гончими учуют крадущегося мимо пардуса. Внезапный шум среди ночи непременно меня бы выдал.

Но и на месте оставаться было нельзя. И вот, подметая брюхом мостовую, я пополз к избранной цели. Мне не суждено было добраться даже до угла конюшни.

Собачий лай разорвал ночную тишину, словно лопнуло само небо. На освещенный лунной двор вырвался вожак своры, о котором мой дядя говорил, что пес готов схватиться даже со снежным котом. Собаки не умолкали, но и бросаться на меня не спешили. И все же их атака наполнила меня страхом и яростью, вытеснив все человеческое и дав полную волю звериному.

Я прыгнул, выпуская когти. Собаки с воем шарахнулись назад. Теперь, как видно, мой запах дошел и до лошадей, потому что они бесились в конюшне и дико ржали. Закричали, выбегая во двор, люди. Над ухом свистнула арбалетная стрела.

Собаки отрезали меня от ворот. Если не пробиться сквозь этот заслон, меня пристрелят, а из любого тайника выгонят псы. Вожак, Страшный Клык, стоял между мной и башней Отроков.

Из всех ошестинившихся, рычащих псов он один, казалось, был готов к схватке. Его глаза в полумраке горели красным огнем, губы оттянулись в оскале, хотя из горла не вырывалось ни звука. Зверь во мне распознал в нем готовность к бою, между тем как остальных еще удерживал страх.

Я подобрал под себя лапы. Дернул хвостом. И прыгнул, перелетев над грозным врагом. На этом я не остановился, а громадными прыжками бросился за ворота, на волю, обещавшую зверю во мне спасение.

Воодушевленные моим бегством собаки залаяли громче прежнего. Возглавлял их, конечно, Страшный Клык. Крики людей тоже усилились. Над головой у меня сверкнула огненная стрела, ударила в сухое жнивье и, воткнувшись в землю, превратилась в факел, освещающий дорогу погоне.

Эта стрела стала ответом на вопрос, ждала ли меня западня. Кто-то ведь спустил собак, кто-то приготовил эту стрелу и другие, мелькавшие сейчас вокруг. Кто-то не только готовился разоблачить меня как оборотня, но и задумал травлю. Если охота убьет меня, тот, кто ее затеял, оправдается, будто принял меня за настоящего дикого зверя. В душе я знал, что Магус решился со мной покончить.

Я слепо ломился вперед в попытке оторваться от своры и охотников. Что охотники появятся, я уже не сомневался. Тем временем мой разум опять подчинил перепуганного зверя. Да, мне необходимо было скрыться от погони, найти укрытие до времени, когда дневной свет рассеет чары. Но слепое бегство мне в этом не поможет.

Я никогда не выезжал на охоту. Странная реакция на меня лошадей и собак не позволила мне обучиться этому искусству, считавшемуся обязательным для мужчины. Итак, я не обладал знаниями, которые могли бы подсказать путь, разве только...

Разве только сознательно вызвать в себе зверя, дать ему полную волю. Посмею ли я? Такой выбор представлялся мне горьким, но смерть страшила больше. И вот я вручил зверю власть над человеком, со страхом ощутив, как легко это далось.

Дальнейшее я наблюдал, словно глядя на себя со стороны. Тому, кто не испытал сам, трудно описать это странное внутреннее раздвоение. Но оно произошло и, думаю, спасло от участи, которую предназначил мне Магус.

Бег мой обгонял всадников, хотя вдали я слышал их крики и охотничий рог. Огненные стрелы втыкались в землю позади, на оставшихся за спиной полях.

Цепляя мягкую кору когтями, я взобрался на первое встретившееся по пути толстое дерево. Оно не обещало спасения. Собаки соберутся под ним и задержат, как в ловушке, пока не подспеют хозяева. Здесь было много деревьев-великанов, по их нижним ветвям я мог, хотя и с опаской, пройти как по земле. С первой такой ветви я отчаянным прыжком перескочил на соседнюю, уцепился и продолжил путь поверху.

Пряча след, я оставил позади четыре дерева. Но с пятого пути по ветвям не было. Мне оставалось только махнуть прыжком как можно дальше, в заросли кустов, которые сломались под моим весом и основательно меня искололи.

Узкая полоса леса тянулась далеко на север, уходя в холмы, куда люди клана почти не заходили. Но я точно знал, что там обитают другие, и кое-кто из них мог навести охоту на мой след. С другими жителями холмов я сам предпочел бы не сталкиваться ни в зверином, ни в человеческом облике. Найти бы место, где залечь до рассвета, и я спасен – так мне представлялось. Дальше этого я старался не заглядывать.

Лай своры отдалился и заглух. Может быть, мои прыжки по деревьям сбили собак со следа. Или они собрались стеречь первый ствол, на который я забрался. Теперь я уже не мчался вслепую, а перешел на ровный бег.

Справа слышался шум бегущей воды – может быть, тот же ручей, что приманил меня в первую ночь с поясом. Вода тоже могла бы скрыть след. Я свернул к берегу. Здесь в полную силу светила луна. Для моих кошачьих глаз свет ее был близок и ярок, как полуденное солнце для человека.

Я вошел в воду, невольно зашипев, когда влага поднялась к плечам, – мне не нравилось ощущение промокшей шерсти. Но я упрямо двигался вверх по течению. Не знаю, далеко ли я ушел, когда заметил на берегу скалы со множеством расщелин, сулившие зверю во мне неплохое укрытие. Луна уже опускалась. Я был близок к победе. Если только продержаться здесь до утра...

Но все мои предосторожности, все расчеты были впустую. Надо мной захлопали крылья. Те же крылья стали бить меня по голове, по плечам. Боль пронзила тело – огромный ястреб вонзил клюв и когти мне в бока над бедрами. Я покатился по земле, пытаясь сбросить птицу, – внезапность нападения не позволила придумать ничего лучшего.

Напрасно я отбивался лапами, как делают разъяренные коты, – ястреб уже достиг своей цели. Последним отчаянным прыжком я едва не достал взмывавшую вверх птицу. Она уносила в когтях пояс – пряжка его удержалась, но кожаная лента свисала двумя разорванными кусками.

Я жался к камням. Разодранная когтями спина горела от боли. Страшнее боли был страх, что, лишившись пояса, я навсегда загнан в звериный облик. Как мало я знаю об оборотнях! И откуда этот ястреб?..

Птица не могла служить Магусу. Обычного хищника таким трюкам не выучишь. Нет, ястреб принадлежал либо неведомым и страшным лесным жителям, либо... От этой мысли у меня вырвалось рычание. Урсилла?

Я плохо представлял, как широки познания Мудрой. Зато к ее возможностям питал глубокое почтение. Не приходилось отрицать: Урсилла на такое способна. Я усомнился даже, была ли эта птица настоящим ястребом. Все знали, что владеющие Силами умеют призывать себе на службу очень странных созданий. Правда, живя с Урсиллой, я ничего такого за ней не замечал, но и не решился бы отрицать, что ей это по силам.

Если пояс у Урсиллы!.. Я, до боли измученный и основательно напуганный, огляделся, нашел взглядом трещину пошире и забрался в нее.

Я по-кошачьи вылизывал мокрую шерсть, тянулся зализать языком оставленные врагом царапины. Но до многих достать не удалось. Тогда я растянулся во весь рост, опустив голову на передние лапы. После долгой ночной погони тело просило сна. Отдохнуть... Я больше не мог противиться этому желанию.

Думаю, я почти готов был, проснувшись, увидеть себя в кольце охотников. Но проснуться надеялся человеком! Когда в мое укрытие проникло солнце и я разлепил глаза, им открылась вся правда. Я остался пардусом. Вот тогда я испытал настоящий страх – страх, впервые коснувшийся меня при виде пояса в птичьих когтях. Я заперт в этом облике, и ключа к спасению нет.

А еще меня мучил нутряной звериный голод, непререкаемая потребность набить ноющий живот. И снова ради жизни пришлось подчинить человеческий разум звериной природе. Она и вывела меня к ручью.

В нем плавали рыбы. При виде их слюна наполнила рот и просочилась между зубами. Я подобрался. Быстрое движение – и рыба забилась рядом; это наполнило меня нелепым самодовольством от столь успешного испытания незнакомого искусства. Щелкнув зубами, я заглотнул добычу целиком, почти не почувствовав вкуса.

Водные жители скрылись, здесь мне больше нечего было делать. Пробравшись мимо скал на другое место, я повторил попытку – и промахнулся. Зато с третьего раза добыл рыбину вдвое больше первой. Покончив и с ней, я присел на задние лапы и огляделся.

Я понятия не имел, где нахожусь, знал только, что в лесном краю. И в какой стороне лежит замок, тоже не мог сказать. Можно было бы вернуться по ручью до места, где я вошел в воду. Только я не сомневался, что на этом пути повстречаюсь с Магусом и его сворой. Пока замок не прекратил охоту, возвращаться было нельзя. Однако необходимо было выяснить, была ли птица, унесшая пояс и тем заперевшая меня крепче любых стен и замков, посланцем Урсиллы...

Те жители лесов, что водили дружбу с кланом, заметив меня, наверняка известили бы замок. Пардусы редко встречались у нас на севере – их родиной считались пустыни на юго-западе. Может быть, уже сейчас за мной следят зоркие глаза...

Эта мысль снова загнала меня в трещины скалы. Мне ненавистно было так трусливо таиться, словно мной правил страх. Однако бывает, что осторожность служит там, где отказывает другое оружие. Коль скоро я теперь сыт, можно отлежаться день и тронуться в путь ночью. Крупные кошки, скорее, ночные создания, и, может быть, под покровом мрака меня не так легко отличат от обычных в здешних лесах хищников.

Одoleваемый тревожными мыслями, я в тот день мало спал. Я видел, как переходили ручей две лесные лани. Пардус во мне востепенулся с надеждой на мясо, а человек залюбовался их грациозной поступью и пожелал им удачи.

Человек во мне был еще жив...

Эта мысль наполняла меня темным ужасом. Долго ли проживет человек, запертый в звере? Что, если вкусы и желания пардуса со временем будут набирать силу и Кетан утратит память и власть над телом, оставив лишь большого кота, которого рано или поздно выследят и убьют охотники?

Урсилла знала ответ... Она бы спасла меня – *если бы* до нее добраться. Может быть, за спасение придется дорого заплатить. И...

Эта мысль повлекла за собой другую. Не слишком ли дорога цена? Не лучше ли остаться пардусом, чем полностью отдаться Урсилле и матери, вручить им поводья своей судьбы, уподобиться тем неуклюжим грузным клячам, для которых в жизни нет другого дела, кроме как тащить телегу под ярмом, наложенным равнодушными людьми?

Теперь, когда погоня осталась позади, ко мне возвращались восторг и чувство свободы, и подавить их до конца я не сумел. Стать пленником... Нет! Пардус во мне не признавал плена. Лучше смерть, чем сети Урсиллы. Только вот... Если бы вернуть себе пояс, не вступая с ней в сделку?

Право, глупо было мечтать об этом. Я знал, что не ровня Урсилле – Мудрой, обученной всем искусствам. Как это я дерзнул хотя бы подумать о победе над ней?

Мудрая...

Я поднял лежавшую на лапах голову – исцарапанные бока отозвались резкой болью.

В Арвоне не одна Мудрая. Есть и другие – Голоса, владеющие той или иной частью Силы. Да и здесь, в лесах, могут найтись такие, кто не слишком расположен к людскому роду, но, уступив хитрости или уговорам, поделятся своим знанием.

Мало было у меня надежды воплотить эту дикую мысль в действие. Но она упорно занимала ум, а возбуждение, рожденное поясом, подпитывало ее рост.

О лесной деде и Звездной башне

До сумерек я немного отоспался, и меня опять разбудил голод. Я побродил по берегу в надежде снова применить свое рыболовное искусство, но удачи не добился. То ли первым успехом я был обязан мимолетной милости судьбы, то ли утренняя ловля распугала рыб, хотя второе казалось менее вероятным.

Нужно было поесть, а пища, которой я мог бы продержаться в своем настоящем облике, – ягоды, коренья и тому подобное – мне теперь не годилась. Мне требовалось мясо, и голод быстро увлек пардуса на охоту.

Я еще брел по воде вдоль берега, когда мой звериный нюх насторожил новый запах. Мясо – на копытах и не так уж далеко. Звериная натура, как и при бегстве из замка, взяла верх. Сейчас я был только пардусом – и нисколько не человеком.

Я в два прыжка взлетел на каменный пригорок. Легкий ветерок донес до меня густой запах добычи. Глаза, лучше человеческих приспособленные к сумеркам, легко рассмотрели, кто там фырчит, хрюкает и роет землю вниз. Семейство кабанов, с устрашающе клыкастым вепрем во главе, направлялось к ручью.

Даже пардус не спешил бросить вызов такому грозному противнику. Кабаны – одна из величайших опасностей леса, их не без причины побаиваются даже те, кто не уstraшитса загнать на дерево снежного кота. Клыки у них острые, а коварство не раз давало себя знать охотникам. Они умеют сдвоить след и из засады подстеречь неосторожного, вторгшегося в их владения.

Моим лучшим оружием была неожиданность. Я крался, беззвучно перетекал по камням, как это умеют только кошки, когда их заставит нужда.

Поросята и даже взрослая свинья обещали более вкусный ужин, но я понимал, что должен схватиться с вепрем, потому что, пока он жив и в силе, мне грозит большая опасность. Мышцы мои напряглись для прыжка.

Свинья с поросятами и двумя подлетками фыркала чуть поодаль. Вепрь рыл клыками землю, докапываясь до какого-то скрытого в ней лакомства.

Я прыгнул молча. И приземлился точно, своей тяжестью сбив на землю зловонную добычу. Один короткий шелчок зубов, один удар лапой, в который я вложил все силы, и кабан замер со сломанной шеей.

Услышав хрюканье, я поднял голову и предостерегающе заворчал. Свинья обернулась ко мне, заслоняя свой выводок, и во всех линиях ее тела ясно читалась ярость.

Я снова заворчал, глядя в ее красные глазки. Бросится или нет? Уступая супругу силой, она, загнанная в угол, оставалась бойцом, который заставил бы призадуматься любого врага. Я припал к земле за тушей вепря, приготовившись броситься ей навстречу.

Младшие поросята тонко визжали, раздражая мой слух, а старшие копытили землю. Но с места они не двигались, словно ожидали неслышного приказа матери.

Видя, что matka не рвется в бой, я решил, что она думает только о защите выводка. Схватив убитого вепря, я стал медленно отступать, пристально наблюдая за свиньей. Она все урчала и, склоняя голову, рыла нижними клыками истоптанную землю. Являла собой картину жгучей злобы, но ко мне не приближалась.

В конце концов она подняла тяжелую башку, хрюкнула напоследок и развернулась с проворством, которого я не ожидал от ее породы. Подгоняя перед собой выводок, с двумя старшими поросятами по сторонам, она увела семейство в лес. Я же смог спокойно затащить добычу на пригорок и там утолить голод, решительно закрыв человеческие глаза на то, что делаю, и дав полную волю пардусу.

Я еще не закончил, когда услышал шорохи по сторонам и понял, что на безопасном расстоянии от меня собираются привлеченные запахом пира падальщики. Стоит мне отойти, они передерутся за объедки и вскоре между камней останутся только дочиста обглоданные кости.

Поев, я захотел пить – но не здесь. Не было желания снова столкнуться с кабаньим выводком. Один раз я отогнал свинью, но, если она снова наткнется на меня и сочтет угрозой своим поросётам, меня ждет схватка опаснее прежней. В недавней легкой и чистой победе снова сказалась благосклонность судьбы. Не стоило слишком часто испытывать удачу.

Медленно вставала луна. Ее свет еще не отразился в воде, когда я напился и дочиста вылизал шкуру. Утолив голод и жажду, звериная половина задремала. Я снова мог думать.

Поиски какой-нибудь лесной Мудрой сулили мало надежды и много трудностей. Но и вернуться в окрестности замка, где наверняка поджидали охотники Магуса, я не смел. Если только мать с Урсиллой сумели надавить на него, заставили отказаться от замысла по устранению препятствия в моем лице? Угадать, что происходит в покинутом замке, я не мог. Лучше было обратить мысли к тому, что лежало впереди.

Я отдыхал у ручья, а глаза и уши доносили мне о происходящем вокруг. Я слышал шорохи, ловил запахи. Крупные ночные мотыльки метались над водой, поедая взлетавших из тростника мелких крылатых созданий. Временами на этих мотыльков кидался иной воздушный разбойник. Земля, вода и воздух надо мной кишели жизнью, которой я никогда не замечал в бытность человеком.

Не видя перед собой другой дороги, я решил держаться ручья. К берегу его тут и там выходили звериные водопойные тропки. Может быть, попадется и такая, что служит людям или сходным с ними существам, с которыми я сумею договориться. Вот за какую тонкую ниточку надежды мне приходилось цепляться!

На пути я ловил множество запахов, но мой пардус все их признавал звериными. Если мне и случилось пересечь владения лесного народа, мои новые, обостренные чувства об этом не предупредили. Я уже почти отчаялся найти разум, способный понять мои беды.

Когда надежда моя совсем сникла и готова была растаять, я услышал тихое пение, рожденное не журчанием текшего слева ручья. Поднимающаяся и ниспадающая мелодия влекла меня к себе как заклинание.

Я, сколько позволяли саднящие раны на спине, вскинул голову и втянул ноздрями ночной воздух. Человек! Впереди было существо того рода, к которому принадлежал и я, пока меня не поработило проклятие пояса. А если человек выбирает жизнь в лесу, он наверняка связан с Силой!

Я крался меж деревьев, и с каждым шагом пение доносилось громче. Я мог бы уже различить слова, но они ничего не говорили моему уму. Зато Сила их откликалась мурашками под моим мехом, ответным волнением на каждый звук. Когда рядом творится колдовство, оно непременно задевает каждого.

Наконец я затаился за поваленным деревом на краю поляны, где луна ярко освещала колонну блистающего, полыхающего горного хрусталя, горевшего под лунным светом внутренним огнем драгоценного камня. Живое пламя, скрытое в колонне, свивало кольца и переливалось непрерывным игривым движением.

У подножия колонны, окружив ее, плотно росли цветы: на каждом стебле один серебристо-белый цветок, миниатюрное отражение небесной луны, навстречу которой они раскрывали лепестки, словно жаждали ее света. Цветы источали тонкий аромат, свежее дыхание весеннего бриза, хотя кругом была осень.

Из-за колонны холодного пламени показалась певица. Она держала на бедре широкую плоскую корзину и роняла в нее сорванные цветочные головки. Выбирая цветок, она напевала.

Ее тело в лунном свете белизной и красотой равнялось снимаемой ею жатве. Единственной одеждой ей служил пояс на тонкой талии, поддерживающий короткую бахрому юбки, тихо

звеневшую при каждом движении. На каждую нить или тонкую цепочку этой бахромы были во множестве нанизаны серебристые диски.

Между маленькими девичьими грудями певички висело рогатое изображение месяца, кажется, из того же огненного хрусталя, что и колонна, которую она обходила кругом. Длинные темные волосы на затылке схватывала серебряная нить, но пряди были так длинны, что касались юбки с дисками.

Я никогда не видывал таких даже среди лесного народа. Нюх пардуса уверял, что она человеческого рода, но ни одна девушка кланов не ушла бы одна в лес для обряда Силы под лунной. Конечно, она из Мудрых. Но и от Урсиллы она отличалась, как первый луч рассвета от осадка долгого мутного дня.

Трижды она обошла колонну, и груды цветочных головок переполнила корзину. Тогда стоявшая вполборота ко мне девушка, двумя руками подняв корзину, обратилась лицом к луне и запела громче. Быть может, она благодарила за собранный урожай.

Была ли она красива? Не знаю, ее нельзя было судить мерками замка. Но что-то во мне рвалось на свободу из мохнатой тюрьмы. Тогда, глядя на нее, я внутренне был только человеком, мужчиной, увлеченным прекраснейшим, что скрывается в женщине.

Так велика была ее власть надо мной (собственная сила, а не Сила Мудрых), что я, ни о чем не думая, поднялся и шагнул к ней в лунном свете, забыв и о своем обличье, и обо всем на свете. Девушка опустила корзину и в упор взглянула на меня. Ее лицо выразило изумление.

Это изумление заставило меня опомниться, и я уже готов был снова метнуться в заросли, когда девушка опустила корзину на бедро. Ее правая рука теперь чертила в воздухе знаки, какими посвященные защищают себя и распознают угрозу.

Начерченные ею линии можно было видеть, как виден на миг след факела в темноте. Она заговорила, о чем-то спросила меня. Но язык был мне не знаком, я не понял ни слова.

Не дождавшись ответа, она, казалось, обеспокоилась. Заново начертила знаки, словно проверяла себя. Когда же линии погасли, она заговорила снова, на сей раз на языке кланов и равнин.

– Кто ты, ночной гуляка?

Я хотел назвать свое имя, но из звериной пасти вырвался лишь странный гортанный крик.

Тогда она указала на меня двумя пальцами и произнесла другие слова Мудрых, не сводя с меня внимательного взгляда.

Я снова попробовал заговорить. Но теперь с испугом понял, что, связанный ее заклятием, не могу даже раскрыть рта. Девушка же больше не смотрела на меня, уверенная, как видно, что я больше не помешаю ее занятиям. Отставив на время корзину, она подняла с земли плащ с капюшоном, укрылась под ним, мгновенно превратив лунное серебро в серую тень.

Снова взяв корзину, она скользнула за деревья. Я бы заплакал, как лишенный последней надежды человек, или взвыл бы, как зверь, у которого отняли законную добычу. Но наложенные ею узы держали так крепко, как если бы она заключила меня в хрусталь колонны.

Я всеми силами рвался на свободу, и узы стали слабеть. Наконец я сумел шевельнуться, хотя и медленно. Мало-помалу возвращались силы. Едва держась на ногах, я проковылял к тому месту, где она исчезла из виду, и приказал звериному нюху искать ее след.

Поначалу я шатался и натыкался на стволы, потом шаг мой стал тверже. Идти, чтобы не сбиться со следа, пришлось медленно. При всей остроте моего обоняния запах то и дело ускользал, как если бы девушка позаботилась его скрыть.

И вот направлявший меня запах пропал, затерялся в облаке незнакомых ароматов, то сладких, то едких, то пряных. Я стоял на краю новой поляны, во много раз больше той, где юная Мудрая творила свое колдовство. Эта была не обычной лесной прогалиной, а ухоженным садом.

Грядки с растениями (совсем не похожими на те, урожай которых я помогал снимать с наших полей) расходились от подножия башни. Лунный свет обрисовал строение, тоже непохожее на постройки клана, в котором я воспитывался.

Лесной дом был и не круглым, и не квадратным – две самые обычные формы башен, – а пятиконечным, словно увеличенная звезда, выведенная Урсиллой на полу тайной комнаты.

Между лучами стояли тонкие шесты, доходившие до второго и третьего ряда окон. Эти шесты или посохи мерцали слабым светом и окружали светящейся дымкой саму башню. Я угадал, что они дают какую-то защиту, должно быть более надежную, чем все, известное кланам. Камни постройки в этом сиянии блестели сине-зеленым отливом, как не блестят обычные каменные глыбы.

Крадучись по опушке, чтобы осмотреть башню со всех сторон, я заметил свет в нескольких окнах. И не усомнился, что это – дом моей Лунной колдуньи. Едва ли она жила здесь одна. На дальней стороне от того места, откуда впервые увидел башню, я нашел загон с навесом для лошадей. Кони под ним были непохожи на известных мне животных и удивили меня не меньше башни. Несколько лошадей паслись в загоне, две вместе с жеребятами.

Должно быть, мой запах долетел до них, потому что лошади вскинули головы, а жеребец затрубил. Но я не стал подходить ближе, и он, умолкнув, рысцой забегал вдоль изгороди между мной и своим табуном. Я удивился, что другие лошади не горячились, как обычно бывало в моем присутствии. Вскоре они снова мирно паслись, и даже жеребец, видя, что я не нападаю, остановился, повернув голову, чтобы следить за каждым моим движением. В нем была настойчивость, но не было страха.

Я обошел по опушке полный круг. Единственный вход в башню открывался с севера, между двумя лучами звезды. Во всем облике здания сквозил дух таинственности и... мне пришло на ум одно слово: отшельничество, словно те, кто в нем укрывался, своей волей избрали путь в стороне от людей.

Я не сомневался, что у них есть средства отстоять свою любовь к одиночеству. Однако мы, потомки Древней расы, всегда узнаём скрытую тень. Звездная башня не отпугивала смрадом зла. Я отыскал под одним из кустов сада место, где можно было растянуться во всю длину, не теряя из виду дверь. Во мне снова затеплилась надежда.

Время от времени я моргал, глядя на слабо светившееся окно, видимое из моего логова, и гадал, не за этим ли окном моя Лунная дева. Зачем она собирала лунные цветы? Какие чары сейчас творила с их помощью? А я даже не сумел ответить на ее вопрос!

Поднявшись, я покружил немного и снова улегся. Ночь была уже поздняя. Луна спускалась со склона небес. И вот тусклый огонек в окне задули. Теперь Звездную башню осеняла только дымка от шестов.

Голова моя сама легла на лапы. Легкий ветерок, пролетая над садом, доносил запахи трав. Такого множества целебных растений я еще не видал, и среди знакомых мне замешались такие, которых я не мог бы назвать по имени. Выложенные речными глыбами грядки разделялись тропинками, позволявшими легко добраться до посадок.

Одни растения уже увядали, спешили уснуть на сезон холодов, до которого оставалось еще около месяца. Другие торопились расти, словно хотели до конца года принести побольше плодов.

Мне были знакомы только заклинания Урсиллы. Она творила их с помощью трав и пряностей, по шепоткам закупавшихся у торговцев. Но ее травный огород был малой горсткой перед здешним изобилием. А собиравшая цветы Лунная дева... Должно быть, ее магия связана со всем, что растет на земле. Зеленая магия?

Иные по невежеству толкуют о Белой и Черной магии, подразумевая чары, творимые на благо человеческому роду, и другие, от вечно грозящей ему Великой Тени. Но посвященные

в таинства так не скажут – для них существуют разные виды магии, и у каждой есть темная и светлая сторона.

Есть Красная магия, занимающаяся здоровьем тела, телесной силой, а также искусством войны. За ней идет Оранжевая магия, ее дело – вера в себя и сила желаний. Желтая – магия разума, логики и философии, ее еще называют тауматургией. Зеленая не только управляет природным ростом и плодородием, но и занята красотой и человеческим трудом, создающим прекрасное. Голубая взывает к чувствам, к почитанию богов, в которых веруют люди, к пророчествам. Синяя имеет дело с погодой, с бурями и предсказаниями звезд. Из Пурпурной магии следует черпать с осторожностью, потому что в ней таятся семена вождения, ненависти, страха, жажды власти – и ее слишком легко обратить во зло. Лиловая – чистейший дух среди других духов, и мало кто, даже из Голосов, смеет сказать, будто обуздал ее. Ну а Коричневая магия – волшебство лесов и полей, животного мира.

Известные мне обитатели лесов применяли Зеленую и Коричневую магию. Эти две ближе всего к земле, и их труднее использовать не по назначению.

Однако не бывает такого Дара, который позволял бы черпать лишь из одного источника, и каждый смешивает те и эти заклания, взывая к тем Силам, что наиболее склонны исполнить задуманное колдуном. Все можно обратить во зло, подпав под власть Тени. Но на избравших этот путь Сила грозит обрушиться одиннадцатикратно, если желание в них возобладает над их Даром.

Зеленая магия здешних мест несла утешение. Вместе с запахами трав я вдыхал добродетель этого сада. Если бы объяснить живущим здесь, какое проклятие меня поразило, они, надо думать, сумели бы мне помочь.

В ту ночь я унес с собой в дремоту надежду, и мне уже не было дела, что проблески рассвета погасили сияние посохов и дневной мир зашевелился, просыпаясь. Одну мысль удержал я в сознании, беспомощно проваливаясь в зачарованный сон: что здесь я найду – не друга, на это я не смел надеяться, – но того, кто меня поймет и... может быть... окажет помощь.

О том, как я видел сон и после попал в беду

Я был далеко, в местах, совершенно чуждых людям моего вида. Какого вида? Кого я мог теперь назвать родичами? Ведь и здесь я остро ощущал две слившиеся во мне натуры. И они не хотели мирно уживаться во мне бок о бок, а непрестанно состязались за власть, и то одна, то другая ненадолго выбивалась наверх.

Однако там, куда я попал, две мои воинствующие природы временно заключили перемирие, потому что обе оказались под угрозой. Я не сумел бы объяснить, откуда во мне такая уверенность. Но две стороны моего внутреннего «я», сплетаясь в краткосрочном, нестойком единстве, двигались...

Там, в не представимом наяву месте, я обходился без тела. Непреодолимая сила уносила меня, как сорванный ветром листок.

Я видел не человеческими и не кошачьими глазами. Все, что было вокруг, доходило до меня посредством другого чувства, которому я не знал названия. Оно говорило мне, что вокруг серый мир, в котором нет ничего плотного и твердого, одни тени. Эти тени, среди которых меня кружило, казались поистине удивительными. В некоторых я узнавал черты животных, в других – чудовищ. Третьи принимали образы мужчин и женщин. От таких всегда исходил раздражающий душу страх или ужас, и я сжимался, сторонясь их.

Никто, казалось, не замечал не только меня, но и друг друга. Каждый был заперт в собственном мирке страха и отчаяния. Их не влекло вперед, как влекло меня. Они трепетали, перепархивая туда-сюда, словно в поиске, которому не предвиделось конца.

Чем дальше, тем плотнее становились тени. Серые клочья тумана темнели, набирали плотность. Они уже не парили над землей, а метались задыхающимися рывками, а то вдруг замирали. Были и такие, что медленно ползли, словно придавленные тяжким грузом собственных темных тел.

Этих я видел яснее, потому что впереди повисла искорка света. Меня она привлекала, хотя другие темные фигуры ее как будто не замечали. Для меня не было ни выбора, ни выхода. Теперь во мне поднимался страх, чтобы сразиться с ужасом, как будто два моих «я» снова пробудились для битвы. Но это было не так, потому что и человек, и зверь, трепетали перед угрозой, скрытой в этой яркой искре.

Блеск ее делался все ярче. К счастью, я не тонул в провалах, поглощавших тени других людей у меня на глазах. Поток воздуха нес меня дальше и дальше. Из камней вырастали длинные извивающиеся щупальца. Тени старались огибать их, как уклоняются от ядовитого растения.

Свет своей яркостью уже слепил то, что сейчас заменяло мне зрение. Потом он стал разгораться и меркнуть. Я знал – понял, – что он порожден словами, что меня призывает наложенное заклятие.

Спасения не было. Сила чар увлекала меня к их источнику. Достигнув его, я беспомощно завис, не в силах отвернуться от сияния. Теперь я видел, что передо мной окно, проем в ткани мира. Чары вынудили меня заглянуть в него...

Свет был пятиконечным, расходился лучами огромной оранжевой звезды. Кто стоял в ее центре, я не мог различить – слишком ярким, режущим был свет, окружавший смутную фигуру.

Но сотворенное ею колдовство тянулось ко мне.

Урсилла!

Она снова пыталась меня подчинить. Она...

Я отчаянно отбивался. Человек и зверь в этой борьбе сплелись воедино. Мне нечего было противопоставить ее колдовству, кроме усилия воли. Но воля придала силы тому, что

скрыто в каждом живом существе, – отказу принять гибель без борьбы. Быть может, эта защита была во мне тем сильнее из-за моей двойственной природы. Я знал: если отвечу на призыв Урсиллы, Кетана не станет. Останется лишь та часть меня, которая полностью покорна ее власти.

Звезда обернулась огненной печью, опалила меня. Ее огонь питался гневом Урсиллы на мое упрямство. Она готова была обратиться к другому оружию, которое было у нее под рукой, наготове. Ее намерения были ясны мне без слов. Если я сейчас покорюсь – какая-то часть Кетана останется в живых. Если же заставлю ее приложить для моего подчинения всю Силу, то мое внутреннее ядро станет одной из теней, безнадежно скитающихся в этих чуждых человеку местах. То, что вернется в наше время и место, будет пустой оболочкой, которую Урсилла наполнит иной сущностью, целиком послушной ее воле.

Рыжие пламя власти и управления изменилось, угрожающе потемнело. Переливы цветов вытекли из лучей звезды. Остался один – пурпурный багрянец угрозы. Вернись – или погибни!

Но мои объединившиеся души, как бы ни были запуганы, как бы ни ужасались, не желали сдаваться. Я знал, какое наказание мне грозит, но в Кетане сохранилось нечто, не способное покориться, не позволявшее Урсилле добиться своего. Я не знал, откуда пришло это всепоглощающее отвращение к предложенной сделке, но оно придавало мне твердости.

А потом...

Звезда, уже почти сплошь багровая, лопнула. Брызнула лучами и в тот же миг рассыпалась, словно порванная уверенной рукой ткань, страна теней. В прорывы хлынула непроницаемая Тьма. Я покачнулся и стал неудержимо падать.

Жар еще палил меня, но не столь жестоко, как недавно – языки огненной звезды. Я открыл глаза в полуденном свете: над головой огненным шаром висело солнце.

Слишком резким был переход. Я затерялся между миром яви и миром Тени. Но, придя в себя, я увидел женщину на одной из дорожек, расходящихся от Звездной башни и деливших на ломтики ее заросли трав.

Ко мне медленно возвращалась память. Подняв голову, я понял, что остался пардусом, все еще в ловушке звериного тела. Что-то спасло меня от Урсиллы, это я понимал. И с изумлением разглядывал женщину, в которой угадывал спасительницу.

Это была не моя Лунная дева, хотя и так же тонка телом. И лицо ее было юным, кроме лишь глаз, в которых отражалась мудрость многих лет. Я не усомнился, что это женщина, хотя одета она была в узкие штаны и дублет, зеленый, как скрывавшие ее до колен растения.

Волосы, заплетенные в тугие косы, лежали на голове темным венцом с рыжими отблесками. И кожа ее была темной, как у людей, много времени проводящих под открытым небом.

У ее ног стояла корзина с пучками сорванных трав. Но взгляд мой приковало то, что она держала в руках, нацелив на меня, как мужчина держит копье, предупреждая или отгоняя врага.

Я узнал жезл Силы, хотя этот был не похож на изрезанный рунами жезл, который Урсилла хранила в самом потайном сундуке, – тот был костяной, с таинственными надписями, выложенными черным и красным. Жезл женщины больше походил на свежесломленную ветвь – прямую и гладкую. На обращенном ко мне кончике ярко зеленел единственный лист, острый, как наконечник копья.

Я встретил взгляд женщины, смотревшей на меня так же испытующе, как, бывало, смотрела Урсилла. Она тоже была Мудрой, хотя я чувствовал, что ей служат не те Силы, что отзывались на призывы Урсиллы.

– Кто ты?

Женщина не опускала жезла-копья. Думаю, сделай я хоть одно враждебное движение, быстро бы убедился, что это не просто прутик с листом на кончике.

Слова не складывались. Попытка заговорить обернулась лишь сдавленным рычанием.

Она чуть склонила голову, как бы вслушиваясь.

– Колдовство, – снова заговорила женщина. – Сила велика, да мало умения. Я ночью почувствовала твой приход. А теперь... ты привлек то, что не от нашего мира. Этого мы допустить не можем. Позволить хотя бы намеку на Тьму приблизиться... о!

Она возмущенно качнула головой.

Мое звериное горло испустило крик о помощи. Если эта Мудрая уничтожила дотянувшиеся до меня чары Урсиллы (а я был уверен, что это она порвала мир Тени), то, верно, сумеет и спасти меня, указать выход из этого тела.

Я медленно потянулся к ней. Выполз из-под куста на брюхе. Пусть мое тело расскажет, как мне плохо, пусть безмолвно взывает о помощи. Я всеми силами выражал смирение.

– Нет, – отвергла она меня. – Когда Тьма наносит удар и зло гуляет по земле, мы не откроем Ворота смердящему Тенью. Не знаю, кто ты и зачем принес к нам свою беду. Но я ничего не могу для тебя сделать. Позволить тебе остаться, даже... – Она помолчала. – Даже если бы ты мог. Не думаю, что такой, как ты, может войти в наше убежище. Хотя, если сумеешь... Тогда, пожалуй, другое дело...

Казалось, ее неприступность дала слабину. Я полз вперед. Но стоило мне поставить лапу на дорожку, на которой стояла женщина, навстречу мне польхнула зеленая вспышка. Свет исходил не из ее жезла, а из земли, и моя протянутая вперед лапа зазвенела болью. Я накололся на какую-то защитную стену. Значит, женщина сказала правду, круг Зеленой магии меня отвергал.

Этот удар ослабил власть моей человеческой природы. На миг я перестал быть Кетаном, запертым в тюрьму звериного тела. Нет, я был сейчас пардусом, разозленным препятствием своему яростному желанию. Я хлестнул хвостом и возвысил голос в зверином реве. Я прыгнул – и тотчас был отброшен невидимой преградой.

Лицо женщины изменилось. Подняв одной рукой жезл, она рассекла воздух хлестким ударом. Ударила по воздуху, но болезненные царапины от птичьих когтей отозвались обжигающей болью, хотя жезл даже не коснулся моего тела.

Я взвыл по-кошачьи. Боль только распалила ярость, загнав человека еще глубже. Убей... убей! Этот приказ словно выкрикнули мне в прижатое к голове ухо. Я опять зарычал и ударился об стену, отделившую меня от той, в ком я сейчас видел только добычу.

И снова жезл рассек воздух. Удар пришелся мне по израненной спине и бокам. Теперь даже зверь смутно осознал, что бессилён, что продолжение этой неравной борьбы только причинит новую боль. Рыкнув напоследок, я отступил в лес. И не оглянулся.

Едва я ушел, человек во мне снова пробился на свободу. Пардус покорился ему. Мысль о поражении мучила разум не меньше, чем боль от ударов по телу. Неудачный штурм, конечно, отрезал мне все пути к объяснению с жителями Звездной башни. Я знал так же верно, как если бы та женщина поклялась в этом Именем Силы, что больше мне нигде не найти помощи.

Я уже не думал, куда иду. Не надеялся отыскать в лесу существо, которое пожелает стать мне другом. И другие могли бы предложить мне убежище – но только в своих целях. Их следовало избегать так же, как я избегал Урсиллы.

Женщина из башни спасла меня от удара Урсиллы. Но только потому, что близкое колдовство угрожало ее собственной безопасности. Я сильно сомневался, что судьба второй раз одарит меня такой удачей. Урсилла же найдет другие, не менее мощные заклятия, и, наверно, не одно.

Я заметил, что, блуждая без цели, возвратился к маленькой поляне с колонной и лунными цветами. Цветы на солнце закрыли чашечки, оставив на виду лишь серо-зеленые бутоны да несколько увядших, сухих головок, а колонна лишилась внутреннего огня, пылавшего в ней ночью. Я задержался под сенью одного из деревьев, ограждавших это заколдованное место.

Должно быть, оно для меня тоже закрыто? Во мне еще жила надежда, что некая благосклонная Сила защитит меня от преследований Урсиллы. Но где найти такую?..

Я присел на задние лапы, как приседают кошки перед прыжком на добычу. А потом, припадая на брюхо, униженно, как перед хозяйкой башни, шаг за шагом пополз вперед.

В этот раз я не уловил бодрящего запаха от плотно закрытых цветов, не ощутил чарующей красоты поляны. Можно было подумать, что обитавшие здесь чары покинули ее, потому что я вступил в лунный сад и даже добрался до колонны, не ощутив тока Силы, как в ночь накануне.

Я тронул колонну носом. Камень, не хрусталь – мертвый камень. Здесь больше не на что было надеяться.

Я медленно удалился. Снова к реке – я был голоден. Но голод мучил не только тело. всю жизнь, даже живя среди себе подобных, я был изгоем. Раньше я не вполне осознавал свое одиночество, теперь же, в час полной отверженности, оно легло на меня железным ярмом, приковало цепями к тому Кетану, который никогда не разделял с другими людьми ни мыслей, ни жизни.

Есть еще Всадники-оборотни...

Мелькнула мысль разыскать их в надежде, что существа, всю жизнь проводящие в двух обликах, смогут принять и меня. Но те были оборотнями по крови и собственному выбору. Это странное свойство было для них прирожденным. Для меня же, как и предупреждала мать, оно стало проклятием, отрезавшим от привычного мира.

Видно, госпожа Элдрис так и задумала: убрать меня с дороги Магуса, изгнав из общества людей? С этим я мог бы смириться. Как смирился с криком Тэйни: «Убей его!», когда девушка смотрела на меня из-за плеча брата, стоявшего с обнаженным мечом. Ничто не связывало меня с моей нареченной, не о чем было жалеть.

Облик Тэйни, какой я видел ее в последний раз, бледнел в моей памяти. Его вытеснил другой, врезавшийся так глубоко, что я как сейчас видел ее в лунном свете – живой хрусталь с корзиной цветов в руках. Юная колдунья, заклинательница луны... Но она принадлежала к Звездной башне, а та для меня закрыта.

Подо мной зажурчала река. Я спустился на песчаную отмель, разрезавшую поток почти надвое, опустил морду в прохладную воду, напился вдоволь. Наверное, утоляя забытую до того жажду, я сумел загнать в глубину сознания все надежды и домыслы, приняв необходимость жить настоящим, а не прошлым и не предвкушением мрачного будущего.

Я снова взялся за рыбную ловлю, и удача одарила меня парой чешуйчатых тушек, которые я жадно сожрал, не оставив падальщикам даже колючего плавника. Вокруг меня шла обычная лесная жизнь. Я не чуял в ней ни врага, ни охотника, ни Силы.

Из земли косо выступала скала, под ней я нашел укрытие от солнца. И лег, страшась заснуть, страшась вернуться во сне в сети Урсиллы. Но боялся Кетан, а пардус был чужд таким опасениям. Любому коту, большому и маленькому, свойственно спать больше человека. И я не сумел справиться с потребностями нынешнего тела.

Проснулся я ближе к сумеркам. Быть может, из забытья, к счастью не потревоженного на этот раз видениями, меня вывел звериный нюх. Подняв голову, оглядевшись, я почувствовал опасность.

Что за опасность, откуда она исходила, я не знал. Только сердце у меня билось чаще и губы пардуса сморщились в беззвучном рычании. В первые мгновения я высматривал естественные опасности и не сразу понял, что угроза исходит не из этого мира. Урсилла! Эта мысль сразу привела за собой другую: она меня выследила, и борьба между нами начинается сызнова!

Я, не раздумывая, обратился в бегство. Выскочив из ниши под камнем, помчался прочь большими кошачьими прыжками прежде, чем осознал, что происходит. И только на открытом месте заметил, что бегу не один.

Не обращая внимания на меня, своего природного врага, рядом, закатывая глаза в страхе, неслись два мелких лесных оленя. Следом бежали трое волков – редких зверей, ставших для людей клана почти легендой. В кустах и зарослях травы шуршали создания поменьше, в пролетах иногда мелькали их мохнатые зады.

Поняв, что охота, если и идет, то не за мной, я поколебался в уверенности, что это игра Урсиллы. Но ужас не давал мне замедлить бега. Страх, завладев душой и рассудком, гнал меня вслед за остальными.

Бывает такая охота, когда загонщики вспугивают дичь и гонят добычу на поджидающих стрелков. В сознании Кетана нынешний удар страха уподобился колотушкам загонщиков. Но я не слышал ни охотничьего рога, ни медного звона позади. Меня гнало и подстегивало что-то иное.

Да, шла охота. Только гончими, не дававшими нам свернуть и остановиться, были создания Тьмы, одно дыхание которых обращало всех в бегство. Едва я пришел к этой мысли, паника немного отступила, подгонявший меня страх ослабел.

Нет, я не замедлил бега, это было не в моих силах, но стал забирать вправо. Потому что успел заметить одну странность: все испуганное зверье мчалось в одну сторону, словно держалось предначертанного пути.

Я же сворачивал все правее, пока не решил, что достиг самого края этой дороги. Тогда я вложил все силы в могучий прыжок – не вперед, а в сторону.

Пардус по крутой дуге взвился в воздух. А потом...

Я больше не владел своим телом. В падении паника возродилась в полной силе, изгнав из меня разум, оставив лишь звериный ужас. Сейчас я ударюсь оземь...

Но...

Что-то сомкнулось вокруг моего живота. Я дернулся, извернулся и увидел, что связан, обвит толстыми веревками. Попался в сеть!

О снежном коте и обитателе призрачных руин

Сколько я ни бился, все тщетно. Извиваясь, я лишь ту же затягивал на себе веревки силков. А те, впиваясь, жгли тело живым огнем, пока я не замяукал от боли и ужаса.

Державшие меня веревки составляли часть паутины. С трудом прояснив мысли, заменив бессмысленный страх человеческим разумением, я распознал сходство обвивших меня тенет с нитями маленьких, усеянных росинками кружевных сетей, какие видишь ранним утром в саду или в поле.

Какая тварь могла свить паутину, способную удержать бьющегося, вырывающегося пардуса? Озноб от этой мысли остудил пыл борьбы и позволил сознанию Кетана взять верх.

Никто из наших людей не рисковал забираться далеко в лес, тем более в холмы за лесом. Мы знали о тех запретных землях понаслышке, по горстке историй и впечатлений. Почти все сходились в одном: там можно увидеть и повстречать множество странных существ. И мало кто из них рад был моим сородичам – разве что как обеду.

Паутина, которую я, сражаясь, намотал на себя, притянула меня к высокому осколку скалы. Сейчас, при свете дня, я различил на ней резьбу – глубокую, но так стертую временем, что трудно было понять, что изображают изгибы линий.

Второй такой же каменный столб стоял в нескольких шагах от меня, и между ними двумя натянута была паутина. Лопнувшие нити, завиваясь, примотали меня к колонне. На вид они были тонки и хрупки, но я на себе испытал их прочность.

Овладев собой, я уже не дергался, а разглядывал ловушку и теперь ощутил кое-что еще.

То же чувство, которое подсказало мне, что в Звездной башне нет зла, что ее волшебное ограждение служит преградой для Тени, здесь говорило обратное. От колонны несло холодным, смертным ознобом, превращавшим сердце и мозг в куски льда. Эти миазмы зла окутывали и засасывали меня, как ядовитая тряпина.

Поначалу зло казалось бесплотным и безликим. Но мало-помалу оно сгущалось, становилось почти осязаемым.

И я предчувствовал, что скоро столкнусь с ним – с этим существом.

Тело мое сотрясала неудержимая дрожь. Даже под меховой шкурой я казался себе нагим перед изловившей меня ледяной темной тварью. И сделать я ничего не мог, оставалось только бессильно ждать...

Движение!

Я вывернул голову, силясь разглядеть то, что уловил уголком глаза. Не без труда, но сумел окинуть взглядом более широкую картину.

Колонны моей тюрьмы сзади были подперты грудями валунов. Нет, не валунов! Камни, хотя и истертые временем, носили следы тщательной обработки. Здесь когда-то стояло здание, а колонны охраняли вход в него.

Теперь древние плиты лежали грудой. Трещины заполнила земля, но ни травинки не пробивалось в ней. Да и вблизи руин ничего не росло. А посреди груды камней зияла темная дыра.

И в ней снова что-то шевельнулось. Я наконец увидел источник зла. Там затаился тот, кто свил эту сеть, и я чувствовал исходящую от него алчную радость. Добыча!

Из дыры натужными рывками выдвинулась суставчатая лапа. Коготь на конце ее вполне мог порвать мое мохнатое горло. И на пластинах ее панциря, чем-то напоминающих панцири насекомых, пучками росли грубые сероватые волосы.

Коготь зацепил одну из нитей, устоявшую перед моими отчаянными судорогами и все еще тянущуюся к колонне, и с силой встряхнул ее. Должно быть, дрожь паутины убедила охотника, что в ловушку попало что-то живое.

Когтистая лапа тут же втянулась обратно в дыру. Впрочем, я понимал, что это лишь краткая передышка. От неловкого поворота головы у меня ныла шея. Но я должен был увидеть, кто покажется из логова.

Присмотревшись, я понял, что в дыре не совсем темно. В ней горели, хотя и тускло, желтые точки – я насчитал восемь огоньков в два ряда. Глаза! Глаза вглядывались в меня, проверяя, надежно ли схвачена жертва.

Шаги убегающих зверей затихли вдали. Минуту я висел в полной тишине – в ожидании. Затем из норы вновь показалась лапа – и за ней вторая! Кроме них, я видел только глаза, сама же тварь скрывалась в глубине логова.

Вопль! Но кричал не я. Полный яростного вызова крик вырвался не из моей глотки. В моем узком поле зрения возникло, плавно перетекая, мохнатое тело. Одним прыжком оно перелетело – не в дыру, в которую при первом звуке втянулись лапы, а на груды камней, под которыми затаился враг.

Снежный кот! Таких больших я еще не видывал. Зверь рычал от ярости, желтые глаза горели, хвост хлестал из стороны в сторону. Глаза уставились на меня, и кот заворчал.

Я был наслышан об этих огромных горных кошках. Они свирепо отстаивали свои охотничьи владения, насмерть дрались против вторжения на те участки холмов и леса, что считали своими. И, кроме как в брачный сезон, не водили компании с себе подобными, одинокие и надменные в ревнивой гордыне.

Конечно, такой гордец не потерпел бы вторгшегося в его владения пардуса. Но ведь я уже стал беспомощной жертвой таившегося в дыре чудовища и ничем ему не грозил. Почему же он готов схватиться со мной?

Судя по росту и угадывавшейся в нем силе, передо мной был самец. При других обстоятельствах я бы залюбовался могучим зверем. Теперь же... Может быть, мгновенная смерть от его стремительной атаки окажется легче той, что ждала меня в паутине. Хотя никакой смерти не ждешь с радостью.

И тут...

Я снова взвыл. Но не от боли в ранах – от испуга, хлестнувшего сильнее когтистой лапы. В моем сознании прозвучал *голос!*

Все знали, что Мудрые умеют мысленно говорить с себе подобными. Но для этого требовалось долгое учение и определенная защита, сдерживавшая и умерявшая вторжение в чужой разум. Обычные люди таким даром не обладали и думать о нем не желали.

«Не шевелись!»

Кто говорит – тварь в норе? Или же снежный кот? Может быть, крупные кошки, неведомо для людей, умеют говорить между собой?

«Не шевелись!» – вновь властно прозвучало в мозгу.

Кот! Наверняка это кот!

Он теперь прижался брюхом к камню, чуть заметно перетекая на другую плиту, зависшую над черным логовом. Когда протянутая лапа коснулась этого камня, я заметил, что глыба шевельнулась. Снежный кот мгновенно отступил. Склонил голову, обнюхал край плиты. Или прикинул, как она держится?

Не знаю, что он обнаружил, но открытие заставило его попятиться. Я видел, как переливаются мускулы под кожей, как выразительно подергивается темный кончик серебристого хвоста. Кот оставил попытки подкрасться незаметно – он прыгнул, одним скачком перелетев на подозрительную плиту.

Камень подался под ним, с грохотом рухнул вниз. Но кот был быстрее – он успел вновь взвиться в воздух, выбросив тело в мою сторону, между тем как сбита им плита, рухнув, запечатала дыру – может быть, навсегда.

Приземляясь, кот передней лапой задел липкую нить паутины. Но он не повторил моей гибельной ошибки, не стал биться. Нет, он с бесконечной осторожностью повел лапу на себя, оттянув обрывок нити. Затем, опустив лапу, он принялся тереть подушечку о каменистую землю.

Мои яростные корчи только ту же запутали меня в силках, он же несколькими осторожными движениями избавился от липкой ловушки. Я был бы рад последовать его примеру, да был слишком крепко связан.

«Замри!»

Он повторил прежний приказ другими словами и переступил лапами так, чтобы изучить мои пути вблизи. А потом развернулся и скрылся – словно погасла серебристая вспышка.

Я остался в сетях. Появление снежного кота сколько-то облегчило мою судьбу – он запечатал дыру, так что ко мне теперь не тянулись никакие когти. Ожидавшая меня скорая смерть сменилась медленным умиранием от жажды и голода – или от ужаса, если меня, беспомощного, обнаружат падальщики. Такое будущее тоже не слишком радовало.

Передние лапы у меня были крепко связаны. Боль от веревок на исцарапанной когтями спине прошла, зато задние лапы онемели. Я...

Я снова увидел снежного кота. В пасти он зажал измочаленный – отгрызенный от дерева – конец ветки. Листья, волочась по земле, смялись и издавали сильный едкий запах, от которого меня разобрал кашель, нос сам собой сморщился, глаза заслезились.

Кот осторожно, стараясь не задеть меховым боком помятой листвы, опустил ветку. Приблизившись, он пристально уставился на меня и путаницу обвинивших меня веревок.

– Опасно! – Явственно донеслась до меня его мысль. – Другого способа нет – не шевелись!

Он снова взял в зубы ветку. С заметным усилием оторвав ее от земли, напрягая шею, замахнулся и ударил сочащимися влагой листьями по паутине, стараясь не коснуться меня. От нитей паутины с шипением поднялся пар.

Паутина под ударом листьев скорчилась, почернела, мерзко завоняла. От места соприкосновения с веткой чернота распространилась на державшие меня нити. Я ощутил, как сгорают мои узы. Они и в самом деле перегорели и вот уже спали с меня черными клочьями.

Я был свободен. Рывком рванулся прочь от колонны – и тут же понял, что едва могу двигаться. Онемение задних конечностей не уменьшилось. Я пошатнулся и упал бы, если бы снежный кот не подставил мне сильное плечо, помогая удержаться на ногах. Я уже твердо знал, что это не простой кот. Но в звере, медленно уводившем меня от источника зла, не было порчи, какая окружала таившуюся в логове тварь и паутину. Он тоже оборотень? Смею ли я надеяться?

Продвигаясь со своим спутником по истоптанной бегущими животными земле, я больше не ощущал побуждения к бегству. Мне не верилось, что панику на лесных обитателей навел затаившийся в руинах паук. Нет, у них за спиной щелкали зубами гончие Тени!

Снежный кот увел меня к реке. К задним лапам понемногу возвращалась чувствительность, но радоваться такому подарку судьбы не приходилось, потому что с каждым шагом усиливалась мучительная боль, затягивавшая мысли красной пеленой, так что вскоре я двигался как в предсмертном тумане.

Не знаю, как эта мука не свалила меня с ног. Может быть, меня, как раньше воля Тени, теперь поддерживала решимость снежного кота. Он больше не обращался к моему разуму, но от него исходила сила, которая действовала как мощный стимул.

Завидев воду, он остановился, принюхался, вскинув голову. Нас окружали скалы с расщелинами. К одной из расщелин он подтолкнул меня. Я заполз в укрытие такой измученный, что каждый раз, поднимая лапу, сомневался, не последний ли это мой шаг.

Я лег, свернувшись. В пасти пересохло, но я мог только мечтать о воде, плеск которой слышал из своего укрытия. Снежный кот, заслонявший мне внешний мир, застыл в позе ожидания. Я ощутил содрогание земли, услышал и оцепевшим от боли слухом перестук копыт. Люди? Охотники из замка?

Если они увидят снежного кота, охотникам достанется двойная добыча. Надо было его предупредить... Только я не владел мысленной речью и сумел издать лишь тихое ворчание.

«Этого не бойся. – Он не повернул ко мне головы, но мысль я уловил отчетливо. – Молчи...»

Теперь мне был виден всадник. Только один. В кольчуге и богато украшенном боевом шлеме. Навершием шлема служило нечто, похожее на орла в натуральную величину, его крылья были наполовину расправлены, как будто он готовился к полету. Конь, на котором ехал всадник, не был похож на тех, что принадлежали нашему клану, он явно был одной крови с теми, что паслись у Звездной башни, – с такой же пестрой шкурой и длинными ногами.

Всадник увидел снежного кота, но не потянулся к ножнам висевшего на поясе меча. Вместо этого он поднял руку, как бы приветствуя знакомого. Кот шагнул вперед, взлетел на скалу, так что его голова пришлась почти вровень с головой наездника.

Тот, придержав коня, спокойно сидел в седле, обратив к коту скрытое в тени шлема лицо. Я ничего не слышал ни ушами, ни в мыслях, но не сомневался, что они ведут беседу.

На теле кота я не заметил никакого пояса. Если он и был оборотнем, то для превращения не нуждался в подмоге. Может быть, он из Всадников-оборотней? Их земли лежали к юго-востоку от владений клана, но разъезжали они повсюду свободно.

Наконец всадник снова вскинул руку, махнул коту и тронул коня, развернув его в обратную сторону, откуда приехал. Может быть, он доставил коту какое-то известие?

Кот не стал провожать его взглядом, а сразу вернулся ко мне. И властно внушил:

«Надо спешить! Тень зашевелилась!»

Полупогребенный во мне человек отозвался на призыв. Я заставил себя подняться на подгибающиеся ноги. Но тело пардуса израсходовало все силы. Не знаю, как я сумел добрести до воды, ощутил, как она поднимается к брюху, впитывается в шерсть. И снова только помощь снежного кота помогла мне преодолеть слабое течение и выбраться на дальний берег.

Там я и лег, совсем обессилев, хотя кот толкал меня носом, пытаясь поднять на ноги. Я снова услышал стук копыт. Кот, оставив меня, устремился к опушке леса. Возвращался ли всадник с орлом, или на этот раз приближались охотники и мой товарищ, сделав для меня все, что мог, благо разумно отступил?

Сейчас мне было все равно. Я равнодушно ждал, не в силах поднять головы, чтобы лучше видеть. Кот остановился под ближайшим деревом.

Из тени ветвей показался всадник, ведущий в поводу еще одну лошадь. Всадница – я узнал ее! Лунная колдунья, но на сей раз надевшая штаны с сапогами, рубаху и дублет. Зеленый цвет ее одежды смешивался с коричневым, так что лес скрывал очертания фигуры, пока девушка не выехала на открытое место.

Кот поднялся на задние лапы, оперся передними на попону под ее коленом. Конь стоял смирно, ничуть не напуганный его движением. Всадница, наклонившись, взглянула в глаза коту и, чуть погодя, кивнула ему.

Она выпростала из-за пазухи подвешенную на цепочке вещицу. И, держа ее в ладони как оружие, прямо двинулась ко мне. Кот держался сзади.

Немного не доехав до моей расщелины, девушка соскочила с седла, бросив повод послушного коня на землю. И подошла ко мне, раскачивая на цепочке хрустальный шарик. В нем мерцал зеленым светом побег какого-то растения.

Я приподнял голову ей навстречу, и Лунная колдунья, качнув цепочкой, надела ее мне на шею. Шар с зеленым стебельком лег мне на грудь под горлом. Я...

Я стал человеком.

Шерсть пропала, обнажив кожу, хотя пояс ко мне не вернулся. Вернулся – я!

Мгновенный переход так потряс меня, что мир закачался, словно пьяный. Я ощутил на себе ее руки, почувствовал, что меня поднимают, несут. Меня уложили поперек седла, и от боли при тряской рыси у меня перехватило дыхание.

Кто-то, сев в седло, приподнял меня, и из моей пересохшей глотки едва не вырвался крик. Моей спины касались теперь не руки моей Лунной девы, а возникший неведь откуда мужчина.

Мне смутно запомнилась склоненная ко мне темноволосая голова, узкое лицо, обожженное солнцем и непогодой, острый угол линии волос. Это лицо было тайной, из тех, что не выпускают наружу ни мыслей, ни слов. Незнакомец, как и женщина из башни, на первый взгляд казался в расцвете юности, но желтые кошачьи глаза были старыми – старыми и усталыми.

Он поймал мой взгляд. Я не услышал мыслей-слов, но ощутил поток Силы. Он уверенно уводил меня из сознания в темноту, где не было боли, а время ничего не значило.

Однако я не вполне подчинился воле незнакомца. Как будто издавек я сознавал, что мы вновь едем через лес. И еще я был убежден, что незнакомец не желает мне зла, а скорее желает добра. И что мне сейчас надо отпустить все тревожные мысли, чтобы восстановить силы и волю. Чудо моего превращения не померкло, как и изумление перед сотворившим его волшебством Лунной девы. Я чувствовал в груди тепло от надетой на шею подвески. От талисмана, который сохранит во мне человека.

О жителях башни и о том, как я выбрал опасный путь

Я лежал ничком, повернув голову набок, лицом в каменную стену. Что-то холодило мне спину, успокаивало, вытягивало из ран огненную боль, зажженную веревками паутины. Я слышал за спиной голоса – не мыслями, а ушами.

– Моли скоро утратит силу. Что тогда, господин мой?

Это говорила женщина. В ее голосе прозвучал вызов.

– Нам надо узнать, кто он и откуда. Не думаю, что из Серых Башен. Но откуда еще мог попасть в эти земли оборотень? И он не от Тени. Если он проснется до превращения, может быть, расскажет.

Мужчина – тот, что вез меня перед собой в седле, уезжая от реки. Но где я теперь? И кто они, заботившиеся обо мне?

Я совсем очнулся и чувствовал, что должен получить ответы на эти вопросы.

Приподнявшись на постели, я повернул голову к стоявшим надо мной людям.

Да, это спасший меня мужчина. Лунной колдуньи, вопреки моим надеждам, с ними не было. Зато рядом стояла женщина, изгнавшая меня из сада трав. Почему же теперь она принимает меня и лечит? Должно быть, я в Звездной башне, недаром две стены, которые мне видны, сходятся под таким странным углом. Как видно, келья вписана в один из лучей.

– Кто вы, приютившие меня? – спросил я, видя, что эти люди молчат.

Женщина подошла ближе. Прохладные пальцы тронули мой лоб. От ее ладони исходил слабый пряный аромат, как будто она только что занималась травами.

– Жар у него спал, – сказала она и отвернула с моей спины одеяло, так что холодок тронул плечи и бедра. Она снова коснулась кожи, должно быть, там, где пролегли раны от когтей ястреба. – Заживает, яд не пошел вглубь, – продолжала целительница.

– Ты спросил, кто мы. – Она встала так, чтобы я ее видел. – Мы живем одиноко и ничего не просим у людей, кроме как дать нам идти своим путем.

Ее лицо не выражало приветия, но не было в нем и открытой враждебности. Она словно ждала от меня поступков или слов, чтобы на их основании решить, друг я или враг. Я же, несмотря на ее замкнутость, уже знал, что никогда не назову ее врагом. Что-то в ней говорило, что она презирает пути Тени.

– А ты кто? – Это мужчина шагнул к кровати и встал рядом с женщиной.

– Я... Кетан, наследник... бывший наследник Кар До Прона во владениях Красных мантй. Был. Кто я теперь, не знаю.

Что-то мелькнуло в его лице, когда я назвал себя. Неужели охотники Магуса донесли весть о моем побеге даже в это тихое убежище? Все же я не верил, что он или она способны уступить нажиму такого, как Магус. Их обоих, как плащи в холодную пору, окутывал покров Силы. Я ощущал ее в них, как ощущал в Урсилле, зная, что они видели и делали неподвластное обычному человеку.

– Кар До Прон, – повторил мужчина. – Там правит Эрах, но если ты наследник?.. – Он вопросительно взглянул на меня.

– Я сын госпожи Ироизы, его сестры.

– Чисто человеческая линия, – продолжал мужчина. – Как же ты подпал под заклятие оборотня? Тебя околдовали?

– Я сам сглупил, хотя мать и Урсилла предупреждали, что этот пояс...

– Он доскажет позже, – перебила женщина. – Сейчас, думаю, ему время принять эликсир. Если не поддержать его, моли скоро утратит силу.

Я не понял, о чем она говорила. Но мужчина помог мне сесть прямо, а женщина поднесла чашу с горячей жидкостью, которую я покорно осушил, хотя горечь обжигала губы. Пока я пил, в комнате появился новый человек.

Моя Лунная колдунья! В той же одежде всадницы, в какой я видел ее у реки. У ее ног увивались два золотистых зверька – подросшие котята лесной кошки. Не представляю, как она умудрилась их приручить, ведь эти создания славятся свирепым нравом. Но эти любовно терлись о ее ноги, мешая пройти, так что девушке пришлось подхватить самого смелого на руки и, уложив на сгибе локтя, почесывать ему за ухом.

– В небе пестрый ястреб, – сказала она. – Он четырежды прокружил над садом. Не думаю, чтобы он охотился, скорее следит.

– Так. – Но, отвечая ей, женщина смотрела на меня.

– Раны на твоём теле, человек кланов... Тебя подрали когти ястреба. Кто твой враг?

– Она владеет Силой, – пробормотал я. – Это Урсилла, Мудрая.

Девушка, занятая вестью, которую принесла, до сих пор на меня не смотрела. Теперь же повернулась ко мне. И я ощутил в себе действие другой магии, не связанной ни с какой Силой.

Впервые я увидел ее в величии, в одеянии Силы, говорящей с тем, что выше нас. Второй раз я смотрел на нее сквозь туман лихорадки у реки. И сейчас в третий – а мне казалось, будто я знаю ее всю жизнь. Или – что всегда знал, что она есть где-то в мире, и, не ведая о том, искал ее. Она же взглянула на меня равнодушно. Котенок на руках был для нее важнее.

– Мудрая Урсилла... Она живет в Кар До Проне? – спросил мужчина.

– С тех пор, как моя мать возвратилась из Гарт-Хауэла. Я не... – Я запнулся. Нелегко было при Лунной деве признавать, что я не полновластный хозяин своей судьбы. Но этим троим можно было говорить только правду.

– Урсилла мне не то чтобы враг. Она добивается от меня послушания. Потому-то ее посланец (я уверен, что это был ее ястреб) унес пояс. И сейчас, может быть, это она меня ищет.

– Расскажи, что за пояс, – приказал мужчина с той же властью, с какой Пергвин учил меня владению оружием.

И я рассказал свою историю – о подаренном поясе, о своем преображении и как Магус воспользовался им, чтобы выжить меня из замка, и о нападении ястреба.

– Так ты думаешь, что без пояса не вернешься в человеческий облик? – спросил, дослушав до конца, мужчина.

– Думал – до сих пор. Но... ты, госпожа! – Я осмелился обратиться прямо к девушке: – Как ты снова сделала меня человеком?

Повинуясь ее жесту, я опустил глаза к лежавшему на моей голой груди хрустальному шару, к зеленому побегу, который теперь показался мне не столь совершенным, словно начал увядать.

– Моли, – объяснила Лунная колдунья. – Эта травка, пока жива, противостоит любым чарам. Но когда она засохнет, – девушка пожала плечами, – ты вернешься в обличье пардуса, если не найдешь другого средства.

Мне почудилось пренебрежение в ее взгляде, словно я недавними поступками обнаружил такую глупость, что едва ли стоило со мной возиться. Это презрение несколько оттолкнуло меня от нее, к моим чувствам примешалась обида. Кто она такая, чтобы меня судить?

Мужчина, не обращая на нее внимания, распорядился:

– Протяни руку.

Когда я повиновался, он взял мою ладонь и поднес к глазам, рассматривая скрещения линий. И снова его лицо чуть заметно изменилось.

– Тебя преобразил не пояс, – твердо сказал мужчина. – Он послужил лишь ключом, открывающим дверь. Но на твою беду, ты прав в догадке, что, владея этим ключом, Мудрая может тобой управлять. И еще... Если уничтожить пояс...

– Я навсегда останусь пардусом? – не утерпел я, видя, что он не спешит продолжать.

– При теперешнем положении вещей – да.

– А Магус, если доберется до пояса, так и сделает – уничтожит его!

Я собрался с силами: захотелось вскочить с кровати, сейчас же броситься в замок. Если предстану перед Магусом человеком, я смогу бросить ему вызов, и тогда... Но что сказала эта девушка о моли? Я присмотрелся к хрустальному шарiku. Несомненно, стебелек в нем увядал.

– А нельзя ли достать другой? – приподняв шарик, обратился я к этим трoим.

Женщина покачала головой:

– Для одного человека чары моли действуют только один раз.

– А между тем... – Девушка все гладила котенка. Второй царапал лапками ее сапог. –

Над нами кружит ястреб. Скоро кто-то узнает, кого мы здесь укрываем.

– Пока не узнают, – возразила ей женщина. – Я наложила заклятие.

– Оно не действует, – резко отозвалась девушка, поразив обоих старших.

Женщина поспешно вышла, и девушка за ней. Я в поисках объяснений обернулся к мужчине и увидел, что он изучает меня.

– Стало быть, колдовские узы, – медленно проговорил он.

– Что это значит?

– Всего лишь, что ты связан с тем поясом. А пояс за стенами, в руках владеющей Силой.

– Значит, пока я здесь, – сообразил я, – я брешь в ваших укреплениях.

– Пока это не важно. – Он подтвердил свои слова пожатием плеч. – Расскажи-ка еще о том странствующем торговце. Ибикус? Что он за человек?

– Моя мать сказала: он не тот, кем кажется. Она думала, что он доверил секрет пояса госпоже Элдрис, чтобы та использовала его против меня. А я... по-моему, торговля для него только маска.

– Если так, зачем ты взял пояс?

– Потому что меня с первого взгляда так потянуло к нему, что я не смог устоять.

Я сказал ему правду, хотя эта правдаставляла меня безвольным рабом собственных желаний. Не знаю, отчего мне так хотелось хорошо выглядеть в глазах этого чужого человека. Как будто он мог спасти меня от последствий моей же глупости!

Я угадывал, что все трое в этой Звездной башне видели во мне мелкую доуку. И тем сильнее хотел доказать, как они во мне ошибаются.

– Пояс... – Я вложил в слова все, что чувствовал. – Он дал мне... свободу...

– Однако теперь он тебя связал, – напомнил мужчина. – А против таких уз есть лишь одно средство.

– Какое? Добыть у Урсиллы пояс? Вернуться в собственный облик, а потом уничтожить пояс?

Я забросал его вопросами.

– Этот пояс – ключ, и ты должен научиться с ним обращаться.

– Как? – требовательно спросил я.

– Ищи ответ в себе. Только ты сам можешь его отыскать, – загадочно ответил он. – В одном я уверен: Кар До Прон для тебя очень опасен.

– Мне не получить пояса, не вернувшись туда, – медленно проговорил я. – И если дар моли недолговечен... – Я глубоко вздохнул, разглядывая увядшую травинку в шаре, – значит вернусь пардусом.

Он твердо встретил мой взгляд. Его желтые глаза...

– Ты был тем снежным котом!

Он не подтвердил моей догадки ни кивком, ни словом. Но я знал, что не ошибся.

– Но... – Я нашел глазами пояс на его дублете. Обычный мужской пояс из дубленой кожи. – У тебя пояса нет, – уверенно добавил я. – Как же тогда?..

Вот теперь он покачал головой. Закон Силы разделял нас, догадался я, и начал понимать, почему эти трое при мне не называли имен. Старейший из законов: не выдавать имен чужому, чтобы он с их помощью не наложил чар. В том, что мне Звездная башня ничем не грозит, я был уверен. Но, как видно, ее обитатели не станут укрывать меня с риском для себя.

– Тень набирает силу, – нарушил молчание мужчина, и смысл его слов не сразу стал мне ясен. – Идущие темными путями пробуждаются и снова готовы выступить. Тот Ибикус, торговец... Ты не ощутил в нем ничего от Тени?

Я покачал головой:

– Хотя он казался Иным. Я даже подумал, может, он посланец или разведчик Голосов?

– Голоса... Вот над этим стоит поразмыслить. – Его ладонь легла на рукоять длинного охотничьего ножа, шевельнула клинок в ножнах и снова отпустила. – Пожалуй, приходят времена, когда всякому в Арвоне придется выбирать, на чьей он стороне. Недолго же мы прожили в мире!

У его губ пролегла складка, усталые глаза наполовину скрылись под веками. Юношеская личина соскользнула с его лица, и мне подумалось, что этот человек видел много долгих лет.

– А в такие времена, – он в упор взглянул на меня, – ребяческие забавы с Силой грозят бесчисленными опасностями. Мне не нравится этот крылатый соглядатай над башней, особенно если он посланец твоей Мудрой.

В его твердости можно было при желании увидеть угрозу. Мужчина вышел не прощаясь, оставив меня сидеть на кровати. Я сжимал в кулаке моли – недолгое спасение от проклятия – и гадал, надолго ли еще хватит этой передышки.

Когда мужчина вышел, я оглядел комнату, которой не замечал, пока эти трое были рядом. Она выглядела странной из-за острых углов стен, вписанных в лучи звезды. Стены – не то что в замке – не были украшены ни картинами, ни занавесями. Кровать, на которой я сидел, была узкой, как полка. У стены стоял резной сундук, напротив – столик с кувшином и тазом для умывания. Право, бедный вид.

И все же здесь была цельность, какой я не замечал нигде в замке. Покров старины на стенах говорил о прошедших годах яснее, чем плесневелые гобелены Кар До Прона. Но среди этой древности я не чувствовал себя наглым пришельцем, а ощущал себя заодно со всем вокруг.

Странное чувство, учитывая, что здесь мне были откровенно не рады. Меня не учили обращению с Силой, да и Дара у меня не было. А в этом убежище – в этой крепости! – обитали такие Силы, какие мало кто из наших мог постичь. Почему же мне так не хотелось покидать эту башню?

Я встал. Тело мое обрело прежнюю силу. Для проверки я стал нагибаться и поворачиваться в поясе – боли не было. До отказа вывернув шею, я заглянул себе за спину и увидел, что раны затянулись розовой молодой кожей – почитай, зажили. Исцеленный, я уже не вправе был просить об убежище. Ястреб над башней был явным предупреждением, а я не хотел навлечь зло на тех, кто оказал мне помощь, хотя бы и нехотя.

Последняя мысль отдалась горечью. В душе саднило воспоминание о полном равнодушии ко мне Лунной девы. С чего бы мне пришло в голову, будто важнее всего на свете хорошо показать себя перед ней? Это такая же глупость, как ждать нежности от Тэйни. Надо забыть эти мечты.

Я...

Человек пропал так же мгновенно, как возвращался. Зажатый в ладони шарик закачался на цепочке, моя лапа больше не могла его удержать. Снова четвероногий мохнатый пардус. В шарике темнела засохшая травинка.

Я, как ужаленный, обернулся на ворчание от двери. Один лесной котенок рычал на меня, другой шипел и плевался. Вернулась Лунная колдунья с любимцами.

Она как будто не удивилась моему превращению. Очевидно, предвидела, что моли недолго будет сдерживать проклятие. Теперь чем скорее я выберусь из башни в лес...

Впервые я увидел, как лицо ее смягчилось, губы сложились в улыбку, от которой мне захотелось скулить. В эту минуту рухнула с таким трудом выстроенная мной стена против ее равнодушия. Девушка спустила с рук пушистого котенка, который тут же удрал, шипя и огрызаясь.

Потом она нагнулась ко мне и сняла цепочку с шариком.

– Слушай! – Ее пальцы легонько коснулись моего лба. Девушка сразу отняла руку, но я еще чувствовал погладившие мех пальцы. – Ты решил идти – это хорошо. Но, кроме пояса, есть другой ключ. Мы не можем о нем рассказать, нам не позволяет гис – нерушимый запрет. Если узнаешь эту тайну, станешь больше, чем думал когда-нибудь стать. Сейчас... я не могу сказать большего, моя малая доля Силы не позволяет. Я только верю, что ты найдешь этот ключ!

Она отступила, позволив мне проскользнуть мимо. До двери было недалеко. Я выскочил, мелькнул мимо пахучих грядок с травами к опушке леса. И оглянулся уже из тени первых деревьев.

Я почти готов был увидеть кружащего над башней ястреба. Но в небе было пусто. Зато шесты вокруг башни даже в тихий день походили на дымные факелы в ночи: их теперь окутывал не свет, а струйки дыма, как от обрядовых курильниц Урсиллы. Не сводя взгляда с собиравшихся облаков, я мягко шагнул обратно. Проверка подтвердила мои ожидания: передо мной снова встала преграда. Стихия, потревоженная моим присутствием, теперь вернулась к прежнему. Те, кто бесспорно спас мне жизнь и подарил, хоть ненадолго, передышку, вновь укрылись за защитной стеной.

Если бы я и хотел остаться в виду башни, прятаться здесь не было смысла. Их защита больше не падет передо мной. Быть может, если невероятное чудо вернет мне человеческий облик, Кетан, освободившийся от наложенных Урсиллой уз, сможет вернуться сюда и найти проход открытым. Но как слаба была эта надежда!

Однако слова моей Лунной колдуньи (если бы знать ее имя!) еще стояли в памяти. Она, как и спасший меня оборотень, намекала, что, помимо пояса и недолговечной моли, есть Иной путь. Они наверняка знали, что я не колдун, ведь от владеющего Силой не скроешь Силы. И не сказали бы так, если бы не считали, что я смогу сам найти ответ.

Стало быть, надо искать, хотя пока я не видел ни единой подсказки себе в помощь. Но если птица Урсиллы ведет разведку, мне прежде всего нужно хорошее укрытие, где меня не высмотрит острый взгляд, а уж там можно будет ломать голову над загадками Звездной башни.

О том, как я сделал открытие и как задумал его применить

Не зная, куда деваться, я снова прибегнул к ручью, подкрепился неосторожной рыбкой и высмотрел среди камней укрытие, невидимое с воздуха. В пути я тоже держался укромных троп, чтобы меня не высмотрел летучий соглядатай.

Загаданные в башне загадки не шли из головы. Ее обитатели не со зла морочили мне голову. Раз они уверены, что для меня есть способ вернуться в прежний образ, значит он есть. Мужчина превращался в снежного кота без пояса. Впрочем, он, возможно, принадлежал к Всадникам-оборотням.

Не поискать ли мне других растений, подобных моли? Но я не знал даже, как взяться за такие поиски, и быстро выбросил эту мысль из головы. Какой-нибудь обряд?.. Но каким образом? Только посвященные дерзали вызывать Силы к действию.

Я вновь и вновь повторял в уме слова Лунной колдуньи. Ключ есть – и если его не существует вне меня, значит... он внутри! Внутри? Не намекала ли она, что во мне есть крупица Дара? Но если так, почему его давным-давно не открыла Урсилла? Или?..

В памяти вспыхнул тот странный вечер, когда Мудрая с моей матерью, прежде чем передать меня под опеку мужчин, наложили на меня какое-то заклятие. Что, если Урсилла и впрямь учуяла во мне искорку Дара и предусмотрительно загасила ее – или связала произнесенными в ту ночь заклинаниями?

Колдовству надо учиться, хотя без врожденного таланта в ученье далеко не продвнешься. Человек может обогатить ум и память всей мудростью древних рун и все же не сумеет ее применить. Однако... Урсилла, обучая меня, давала читать не всякий свиток. Многие она держала под замком, крепко запирала в сундуках. Быть может, боялась, что я узнаю их содержание? Размышляя над этим, я все крепче убеждался, что меня намеренно лишили знаний, открывающих путь к свободе.

Был ли у меня Дар или не было, трое из башни явно верили, что я в силах освободиться от проклятия пардуса, если только найду верный путь и осмелюсь его пройти. А я уже готов был положиться на их мнение.

Вне меня искать нечего. Я все более склонялся к этой истине. Отгадка кроется в моем разуме, может быть запертая там вмешательством Урсиллы или просто тем, что я не додумался к ней обратиться.

Кто я такой? Для всего замка – Кетан, наследник Эраха. Для Урсиллы и матери я – путь к власти. Для Магуса, Тэйни, госпожи Элдрис – преграда на пути к той же самой власти. Для всех них я не человек, а вещь, которая помогает или мешает в исполнении желаний. Кого из них заботит, есть ли у меня собственные мысли и желания?

Пояс... Зачем Ибикус его привез? Я не сомневался, что торговец (и, как видно, не простой торговец) не случайно попал в Кар До Прон. Кто этот Ибикус и какое ему дело до моей судьбы?

Быть может, я слишком много вкладывал в несколько слов, сказанных им в то утро? Но, вызывая в памяти картину нашей встречи, я остался тверд в одном убеждении: торговец не был замаран Тенью. Мать намекала, что он продал пояс госпоже Элдрис с тайным умыслом, мне во зло. Я так не думал. В его обращенных ко мне словах было обещание, а не угроза.

Значит... пояс не просто средство сделать из меня орудие Урсиллы. Обещанная им свобода – настоящая, неподдельная. Однако пояса у меня нет.

Я вновь вернулся к жестокой истине, что, если ключ и существует, без подсказки мне его не отыскать.

Из логова мне открывался вид на скалы и реку под ними. Раз или два я вскидывался на свист крыльев. Но пролетавшие надо мной не походили на свирепых посланцев Урсиллы. Ключ... внутри...

Я уже отмечал двойственность своей нынешней природы. Человеческая половина умела обдумывать будущее, надеяться и отчаиваться. Против нее выступал пардус, движимый инстинктами, вспышками ярости или голода, и сознание его было иным. Что, если... что, если ключ кроется в этой, неведомой мне половине?

Посмею ли я подавить в себе человека, без борьбы уступив власть пардусу? Эта мысль меня отталкивала. Слишком страшно было потерять человека в звере. И все же искать ключ надо не в окрестных землях, а на этих тайных извилистых путях в самом себе.

И вот я обдуманно двинул человека навстречу пардусу, заставил его утонуть в животном. Глубже и глубже, под охотничьи инстинкты, под порывы к бою и обороне и дальше вглубь. То, что составляло Кетана, очутилось в совершенно чуждом человеку лабиринте – заблудилось в непостижимом. И все же Кетан погрязался дальше.

Человек достиг воронки водоворота. Задержаться здесь?.. Нет! Я рванулся наверх, к поверхности. Никогда еще мне не приходилось сражаться так упорно. Вверх! Вверх и наружу! Как утопающий рвется к поверхности воды, к воздуху, без которого нет жизни, так и Кетан устремился к наружной части сознания, к своему миру. Вверх и наружу!

Я лежал, жадно хватая воздух, словно выдержал схватку с врагом. Но Кетан снова обрел власть. Рискаю потерять себя, я убедился: в глубинах сознания пардуса нет того, что мне нужно. Итак, ключ надо искать в Кетане.

Как мне искать его в себе? Может быть, пойти обратным путем, открыть пардусу дорогу в себя, чтобы его звериный нос вынюхал добычу? Но этого я не умел. Все, что я нашел в себе-звере: жизненная сила, терпение охотящегося кота, воля к защите своих владений, инстинкт жизни, – все это в общей сложности равнялось могуществу человеческой воли, если бы только я мог черпать силу из зверя, не выпуская его на свободу.

Я уже понял, что не найду опоры в своей памяти – во всяком случае, в осознанных воспоминаниях. Но что, если в неосознанных таится большее, намного большее, чем мне известно?

Мысленно я нарисовал комнату с высокими шкафами для плотно уложенных свитков. В каждом – частица памяти. Какой мне взять в руки и открыть, чтобы прояснить разум?

Мысленное изображение становилось резче: я вкладывал в него всю свою волю и желание. Медленно, осторожно я вливал силу яростной природы пардуса в запасы собственной воли. Пятьдесят... пятьдесят свитков с рунами легли передо мной. Осталось выбрать нужный, открыть и прочесть.

Картина захватила меня целиком. Тот, кто звался Кетаном, проходил между рядами полок, как проходит человек по настоящей комнате. Я задерживался здесь и там, напрасно ожидая искры, которая подскажет: вот он, вот что нужно выбрать! Не ошибся ли я в выборе средства? Я отчаянно оттолкнул ослаблявшую меня мысль. Нет, знание где-то здесь – надо только найти!

Я черпал из пардуса больше и больше, и все ярче, все реальнее делалась эта комната, все яснее проступали руны с названиями свитков. Я ушел далеко вглубь воспоминаний. А потом поперек моего пути пролегла зловещая тень. Я узнал в ней преграду, установленную против меня Урсиллой.

Один Кетан не нашел бы в себе силы ее преодолеть. Но Кетан с пардусом – о, да! Я словно ушел по колено в топкую трясиину, позволяющую продвигаться лишь на палец с каждым шагом. Но я все же шел вперед – пардус давал мне волю к победе. И вот – преграда позади. В этой части моей запечатанной памяти кроется что-то, угрожающее Урсилле. Быть может, тот самый ключ. В котором свитке, где?..

Дальше, дальше... Поиски затягивались, и надежда моя угасала. На полках оставалось все меньше воображаемых свитков. Только воспоминания самого раннего детства – что такого важного могло в них заключаться?

Я подошел к последней стойке – всего три тома. Но... моя рука (я воображал себя находящимся в комнате) – потянулась к последнему. Я вытащил его, открыл...

На пергаменте была всего лишь картинка – но какая четкая, каких ярких цветов! Тело лежащего на земле пардуса. встающий из его головы человек, и в его глазах... теперь я знал!

Я отпустил воображаемую комнату, отпустил пардуса, ушел из воспоминаний. И лег пластом, не в силах поднять мохнатой головы, вымотанный, словно тело мое без отдыха одолело дальний путь. И все же я был победителем!

Осталось придумать, как использовать обретенное знание. Только не сразу. Поиски истощили меня. Спускались сумерки. И в моем маленьком мирке появились другие обитатели. Я, увлекшись поиском, не замечал ничего вокруг. А теперь ясно видел, как по берегу ручья уверенной рысью приближается к моему укрытию всадник.

К тому же знакомый всадник. Тот, с орлом на шлеме, что близ этого места вел безмолвную беседу со снежным котом. Его конь уверенно ставил ноги среди прибрежной гальки, и всадник не натягивал поводья, предоставив выбор пути животному. При его приближении я вжался в глубину расщелины. Пусть он был другом снежному коту, это не значит, что во мне он увидит нечто иное, нежели опасного зверя. Незачем было привлекать его внимание.

Я пытался разглядеть черты в тени шлема – нелегкая задача даже для кошачьих глаз. В его лице мне мерещилось что-то знакомое, и, только когда всадник проехал мимо, я вспомнил, кого он напоминает.

Лицо под орлиным шлемом походило на лицо мужчины из башни. Тоже оборотень?

Затих перестук подков и тонкое позвякивание кольчуги о седло. Я осмелился выползти из норы и взглянул вниз по течению. Конь вброд переходил неглубокий ручей, свернув в направлении башни. Я распластался так, чтобы видеть шлем, не выдавая себя.

До прихода ночи я убил какое-то медлительное животное. Оно походило на домашнюю ящерицу, только было во много раз больше. И его яркий хвост насторожил мою звериную половину, так что пардус сожрал лишь переднюю часть.

Силы возвращались ко мне. Теперь настала пора испытать себя. А дальше – я точно знал, что делать. Если моя находка действительно ключ, мне не избежать попытки проникнуть в замок. Потому что только пояс вернет мне уверенность в свободе. Однако вылазку в самое сердце вражеской крепости – а таким представлялся мне теперь замок – следовало тщательно обдумать.

Луна в ту ночь убывала. Должно было ослабеть и ее влияние, пробуждавшее во мне оборотня. Лучшего времени для проверки не подберешь.

Выбравшись на скалы под свет убывающей луны, я начал борьбу. Так же как недавно боролся за возвращение памяти, я теперь обратил все помыслы на представление Кетана человеком! Я добавлял этому образу все больше подробностей. И наконец он вышел законченным, твердым. Вот таков Кетан!

Так поворачивают ключ в тугом замке. И вот...

Ночной ветер охлаждал мое нагое тело, не прикрытое теперь шерстью. Я встал, вскинул руки к луне, едва не закричал, торжествуя победу. Но недолгим оказалось мое человеческое бытие. С первой попытки превращение продержалось всего несколько вздохов. И вот я снова пардус.

Однако... я это сделал! Теперь мне известен секрет оборотней. Правда, я не мог объяснить, как это превращение далось человеку, не родному им по крови. Но ясно, что на время я могу победить в себе пардуса. Для этого нужно собрать внутренние силы, подчинить животное человеческому желанию и научиться удерживать превращение на время, достаточное, чтобы проникнуть в замок. Урсила, как и Магус, станут ждать зверя. А я предстану перед ними

человеком, которого они не посмеют ни схватить, ни убить – ведь восставшему против родича издавна грозит жестокая кара.

Впрочем, пока мне было далеко до возможности пробраться в Кар До Прон. Слишком недолговечно мое превращение, а действовать безрассудно я не посмею, как бы ни поджимало время.

Итак, я стал учиться. Днем прятался, а ночами, под убывающей луной, поворачивал ключ – и с каждым разом все легче становился Кетаном. Я рассчитывал, что к новолунию готов буду к попытке проникнуть в Кар До Прон, и потому ночами продвигался к замку, находя себе укрытие на день.

Я был уверен: то, что под этими огромными деревьями не все спокойно, мог почувствовать любой, кто ступил бы ногой в эти неизведанные места. Я не встретил никого из лесного народа, а Звездную башню обошел далеко стороной, сознавая, что она для меня по-прежнему закрыта. Однако происходило какое-то движение, приходы и уходы, которые можно было скорее почувствовать, чем увидеть или услышать. Не знаю, чуткие ли уши пардуса улавливали смятение, или сам я стал чувствительней к любым проявлениям Силы.

Попадались места, которые я обходил, сжимаясь от отвращения. С каждой ночью таких становилось больше, словно зерно зла, укоренившись, давало побеги, разрасталось, захватывая все больше пространства. В прошлый раз проникнув в глубину леса, я ничего подобного не ощущал.

Возможно, это надвигался прилив Тени, о котором говорил Пергвин. Если так, безлунное небо усиливало его. Ведь Тень всегда растет в темноте, а свет сдерживает или разит ее.

К ночи, которую назначил себе для входа в замок, я добрался до полей. Странности леса сильно обострили мою тревогу. В ту ночь легшие на поля сумерки, казалось, принесли с собой угрозу.

Много раньше обычного загорелись огоньки в домах селения и в окнах башен. Это тоже добавило мне беспокойства. У ворот наверняка выставили часовых. Я не смог бы спокойно войти в них, даже будучи человеком. К тому же я нуждался в одежде.

Неподалеку от лесной опушки стояла пастушеская хижина. Я прокрался к ней. Еще раньше я отметил одну странность: над крышей главной башни не развевалось знамя владельца, а значит, Эраха в эту ночь не было в замке.

Смутно, словно с тех пор минул целый год, мне вспомнился разговор о сборе войск в замке главы клана Красных мантий. Я не считал прожитых в лесу дней, а назначенный день сбора, должно быть, уже настал. Поможет ли мне уход большей части гарнизона? Или те, кто остался, будут бдительнее обычного?

Я уткнулся носом в дверную щель. Пахло овцами – и человеком, – но все следы успели остыть. Просунув в щель лапу и с силой потянув на себя, я отворил дверь.

Внутри было голо и пусто. Удача простерла надо мной свое крыло: на крюке висел плащ из косматой овчины, какие носят по зимнему времени пастухи, собирая овец в укрытые от ветра загоны.

Верно ли тьма в ту ночь была гуще обычного, или я принимал желаемое за действительное? Я боялся поддаться обманчивой надежде. Наконец я напряг волю, и в хижине встал на ноги Кетан.

Укутавшись в длинный овчинный плащ, держась в тени башен, я двинулся к замку. Конечно же, у ворот стоял часовой. И он был начеку, вглядывался в темноту, как бы ежеминутно ожидая врага.

Я понурился. Справиться с этим человеком было мне, наверное, по силам. Я мог бы прыгнуть на него и в облике пардуса. Но нельзя ударить невинного, исполняющего свой долг. Я не сомневался: пролив его кровь, я погибну навсегда. Путь зверя не для меня.

Сдаться, добравшись так далеко, было невыносимо, но и выхода я не видел. В нарастающей досаде, отираясь около ворот, я что-то уловил тем самым чувством, что предупреждало меня о творящемся в лесах зле. Только на этот раз я уловил не угрозу, а действие Силы.

Потрясенный, я наблюдал, как окаменел часовой, устремив неподвижный взгляд в одну точку. Не знаю, из какого источника пришла Сила, сделавшая его безопасным для меня. Но я не упустил случая – быстро скользнул мимо него за ворота.

Позади послышался шум движения. Припав к земле, я развернулся, готовый наткнуться на острие меча. Но часовой, хоть и зашевелился, стоял ко мне спиной и не повернул головы. Быть может, он даже и не заметил минутного оцепенения.

Почему? Облегчение мое сменилось подозрительностью. Правда, в этой Силе я не уловил зла, но слишком уж удачно она пришла мне на помощь. А друзей, от которых можно было ждать такой услуги, у меня не было.

Урсилла!

Я каким-то образом знал, что мне предстоит с ней встретиться. Однако я теперь уже не был тем зеленым юнцом, которого она подчиняла с такой легкостью. Пройдя путем пардуса, возвратив ранние воспоминания, я стал другим. И она не застанет меня врасплох... хотя недооценивать Мудрую опасно.

– С возвращением, Кетан.

На сей раз я не вздрогнул. Только Урсиллу я и мог заподозрить в тени, шевельнувшейся под аркой башни. И я, как поединщик, выходящий на поле боя, шагнул к ней.

Она, не дожидаясь меня, скрылась за дверью. Я уловил в проеме отблеск светильника. Теперь мне ничего не оставалось, как идти следом.

Где Урсилла, там и яргоновый пардус. Однако я так и не придумал, как с ней справиться. На сделку не пойду...

Войдя в башню, я увидел ее на лестнице. Светильник в ее руке бросал ко мне слабые лучи. Я заметил, как округлились ее глаза – словно Мудрая не ожидала увидеть меня Кетаном. Что ж она, не видела меня во дворе, учуяв лишь силой своего Дара?

Ее свободная рука шевельнулась. Пальцы сжимали жезл – костяную палочку, изрезанную и инкрустированную красными и черными рунами. Должно быть, она нарочно показала мне жезл, как Магус на ее месте позаботился бы, чтобы я увидел обнаженный клинок.

– Привет тебе, Мудрая, – впервые заговорил я.

Ее рука протянулась ко мне, словно помогая ей видеть и слышать. Резкий взмах жезла...

Я почувствовал, как во мне оживает пардус. Да я и не пытался ему противостоять. Урсилла не должна узнать, что мне известно. Решила испытать, насколько я владею сменой облика? Пусть же думает, что владею едва-едва. Всю силу воли я должен был приберечь для одного решающего выпада, который, быть может, меня спасет.

И потому я стал подниматься за ней бесшумной поступью зверя.

О том, как я стал пленником Урсиллы, а мать предсказала мне будущее

Урсилла не оборачивалась ко мне, пока не провела в первый из своих покоев. Здесь, кроме маленького светильника в ее руке, горели еще три. В их свете мы ясно увидели друг друга. Урсилла улыбалась.

– Итак, Кетан, ты наконец усвоил, что со мной не спорят? – неспешно проговорила она. Она будто упивалась каждым словом, как упиваются любимым блюдом, нечасто появляющимся на столе.

«Я никогда и не отрицал твою Силу», – подумалось мне. Однако человеческая речь была мне сейчас недоступна.

Мудрая заняла единственное в комнате кресло – столь же величественное, как те, что по праву занимали моя мать и госпожа Элдрис. Она медленно обвела меня взглядом от головы до кончика хвоста и обратно. Вид у нее был довольный. Я ощущал ее веру – не только в свой Дар, но и в возможности, открывающиеся перед ней теперь, когда я снова в ее руках.

– Тебя звали дважды, – сказала Урсилла, – а ты, глупец, не приходил. За это ты в свое время будешь должным образом наказан. А пока...

Она снова указала на меня концом жезла. Я вскрикнул, потому что костяной стержень, казалось, вошел в меня, проткнул и разорвал горло. Я давился, из пасти капала слюна.

Урсилла, глядя мне в глаза, склонилась вперед:

– Ты понял, Кетан? Я могу сделать с тобой все, что захочу... отвечай!

– Я... понял.

Слова вышли смятыми, ведь они родились в горле пардуса, вовсе не приспособленном к человеческой речи. Но разобрать их было можно.

Урсилла отрывисто кивнула:

– Неплохо! Теперь говори, что за Сила встала между нами при последней встрече?

Она подразумевала мое странствие по стране Тени. Однако ей – в этом я уже не сомневался – недоступна была мысленная речь снежного кота. Иначе зачем бы она вложила в меня способность отвечать ей вслух? А раз так, и уследить за моими мыслями она не сумеет. Если я стану осторожно подбирать слова, сумею удовлетворить ее ответом, не выдав всей правды...

– Когда... ты... позвала... – Очень тяжело давалась мне речь, и горло уже саднило от напряжения. – Я был на краю... Места... Силы... Его защита... разорвала... связь... с тобой.

– Место Силы, – повторила Мудрая. – В лесу есть такие, некоторые из них давно забыты. Что это было за Место?

Я не осмелился рассказать ей о Звездной башне и даже о поляне с лунными цветами. Пусть я не нашел там убежища, обитатели этих мест заживили мои раны. А снежный кот спас жизнь – и, может быть, не только жизнь тела, – порвав паутину в руинах. Руины? Не будет вреда, если рассказать о них!

– Две колонны... древняя резьба... почти... стерлась... Охраняют руины... груды камней... я не... могу сказать... что это... за место...

Жезл снова качнулся в ее руке, и я ощутил странную боль между глаз. Урсилла по-своему оценивала мою правдивость. Боязнь, что она вытянет из меня все, что я решил скрыть, гнула меня к земле.

– Эта правда – между нами. Потом расскажешь мне еще об этом месте. Если оно, даже разрушенное, взломало двери заклęcia, то, верно, пропитано огромной древней Силой. И в человеческий вид ты вернулся там же, Кетан?

– Да.

Я приготовился к новому испытанию правдивости. Как она поступит, если распознает в этом ответе ложь? Однако, к великому моему облегчению, Урсилла приняла мои слова на веру.

– В самом деле, это Сила! Непременно надо будет найти это место!

Пальцы не занятой жезлом руки скрючились, словно уже хватили сокровище.

Затем Урсилла вздохнула:

– Это придется отложить. Что же до тебя, оборотень... – Она снова устремила на меня острый взгляд. – Ты будешь мне покорен. Мой гонец – тот, что перепоясал тебе чресла царяпинами, хорошо метил. Пояс останется у меня. А с ним я могу добиться многого, в чем ты скоро убедишься, если вздумаешь мне перечить.

В ее ледяном голосе было не праздное хвастовство, а смертельная угроза. Больше всего меня угнетала невозможность проверить, сколько в ней правды. Смогу ли я, будучи в пределах действия ее Силы, повернуть свой ключ – хотя бы на время вернуть себе истинный облик? Не попробовав, не узнаю. А пробовать нельзя было, пока не испытаны другие способы защиты.

– Замком, с тех пор как владетель Эрах увел войска на сбор, распоряжается Магус, – продолжала Урсилла. – После первой неудачной охоты он велел наделать серебряных стрел и поклялся тебя прикончить. И никто здесь не вступится за тебя ни словом, ни делом. Все запуганы приближением Тени, так что он легко докажет, что оборотень среди нас – открытая дверь худшим бедам. Он выступил и... – Урсилла прикусила губу, как будто едва не сказала лишнего.

Я полагал, что мог бы закончить фразу, которую предусмотрительно оборвала Урсилла. Магус выступил и против нее. «Неразумно», – подумал я. Испытав на себе средства, которыми Мудрая добивалась своего, я полагал, что у кузена против нее мало шансов. Я бы на его месте действовал осторожно, поскольку Урсилла была из тех угроз, с какими воинам приходится считаться.

– Только здесь тебе ничто не грозит. – В ее внешне безразличном голосе сквозило самодовольство. – Друзей у тебя нет, Кетан. Твоя прекрасная нареченная разорвала помолвку. – Теперь в ее улыбке появилась издевка. – И ее отец, выслушав свидетельства участников охоты на пардуса, не стал возражать.

– Если владетель Эрах... – выдавил я из истерзанного горла, – сказал так, какая тебе с меня польза? Меня никогда не поднимут на щит как наследника...

Ее поджатые губы улыбались по-прежнему.

– Ошибаешься. Что сделано колдовством, колдовством можно исправить. Я обещала вернуть тебя прежним – и верну, если будешь послушен. И тогда я буду править...

Этой фразы ей тоже не было нужды договаривать. Я вполне мог закончить ее сам. Избавив меня от проклятия, якобы наложенного госпожой Элдрис и Магусом, она укрепит свое влияние. Мало того что в замке утвердился страх перед подвластной ей Силой, еще и я стану ее рабом из страха вновь оказаться запертым в зверином теле. Да, Урсилла будет в замке хозяйкой, *если* только сохранит мне жизнь и спасет из рук Магуса, *если* сумеет победить магию пояса и сделать меня вполне человеком.

В ту минуту я понял, что не хочу платить за возвращение назначенную Урсиллой цену. Я давно знал, что за спиной моей честолобивой матери она лелеет собственные планы. Теперь эти подозрения подтвердились. Если после смерти владетеля Эраха меня поднимут на щите – править здесь будет Урсилла.

– А пока... – Поднявшись с трона, она щелкнула мне пальцами, как подзывают собаку. – Мы сохраним твою тайну. Мне еще нужно прочесть знаки будущего, чтобы предусмотреть любые случайности.

Повинуясь ее призыву, я покорно прошел во внутренние помещения – в комнату, где на полу была вычерчена звезда. Она, указав жезлом, загнала меня в центр звезды. Затем, подняв свой символ власти, указала им на каждую из свечей в лучах. Свечи вспыхнули сами собой.

– Надежно, – заключила она. – Никто сюда не придет, и ты не уйдешь, оборотень. Оставайся ждать моего соизволения.

Она оставила меня среди горящих ровными огоньками свечей. Сила чар теснила меня от краев, словно звезда была заполнена невидимыми телами.

Пока что моя попытка избавиться от Урсиллы закончилась печально. Пояс остался у нее, а в замке нашлось бы полсотни тайников, где его можно скрыть. Я же был скован и не мог начать поисков. Что мне оставалось? Только завоеванная способность становиться человеком – и то ненадолго.

Я побродил вокруг каменного алтаря в центре звезды – того самого, на который уложила меня мать в ночь, когда Урсилла накладывала узы на мой разум. Мать? Известно ли ей о моем возвращении в Кар До Прон? Или она уже настолько подчинилась Урсилле, что Мудрая не видит причин делиться с госпожой Ироизой плодами победы?

Впрочем, отношения между женщинами меня сейчас мало занимали. Важнее было подчинившее меня колдовство Урсиллы. Я осторожно приблизился к линии на полу. Протянув к ней лапу, я получил удар – такой же, как при попытке войти в сад лесной башни.

Звездная башня! Я сел на задние лапы. По совету Лунной девы я отыскал ключ, хотя еще не слишком уверенно им пользуюсь. А если... если этот ключ подойдет не только к моей власти над телом? Не откроет ли он выход из огады, в которой заключила меня Урсилла?

Я мог бы...

Мне не хватило времени – дверь отворилась, и, подметая пол подолом богатого платья, отыскивая меня взглядом, вошла моя мать. Она, как и Урсилла, улыбалась. Только в улыбке не было веселья, а лишь удовольствие видеть меня пленником.

– Все же сделал по-своему, глупец, – заговорила она, проходя между двумя свечами, так что остроконечные неподвижные огоньки разбудили отблески в ее ожерелье, самоцветном поясе, драгоценной сетке на волосах и в перстнях на пальцах. Она оделась как для большого торжества. – И чего ты добился?

Я не стал выдавливать ответа каркающим голосом, который вселила в меня Мудрая. Не хотел добавлять ей удовольствия.

Госпожа Ироиза рассмеялась:

– Ты! Ты вздумал мериться с нашей Силой! На что ты надеялся?

«С нашей Силой», – сказала она. Думаю, Урсилла бы с ней не согласилась. Если мать видит в Мудрой лишь служанку, покорную ее прихотям, крупица истины, пожалуй, могла бы вбить клин между женщинами. Я обрел голос.

– Меня призвала Урсилла, – с трудом выговорил я. – Она меня и использует. О тебе речи не шло.

Ее улыбка не дрогнула.

– Урсилла очень сильна, Кетан. Только вот, может быть... не настолько, как кажется, не так, как она хотела бы нам внушить. Мы пока не станем с ней ссориться, ведь у нас общая цель.

Она с обычным изяществом развернулась среди свечей и подошла к столику, над которым горела одна лампа. Указав на нее, мать, как недавно Урсилла, зажгла огонь. Я решил, что этим она хочет показать, что тоже владеет кое-какой Силой, хотя этот фокус почти не требовал Дара.

В этой комнате не было трона с высокой спинкой, а стоял трехногий табурет, какой можно найти в деревенской кухне. Сиденье было изрезано и изрядно потерто. Усевшись на него, мать сняла с цепочки на поясе шкатулку, на которой я даже сквозь пламя свечей разглядел вырезанные руны.

Мать привычным движением сняла крышку и высыпала на ладонь колоду карт из жесткого пергамента. Я помнил, как она дорожила этим сокровищем, помогавшим ей предсказывать будущее. Наши люди редко прибегали к картам. Говорили, что они вовсе не принадлежали Силам Арвона, а были инструментом, который те, кто в прошлом открывал Ворота

Иных миров, использовали для службы здесь. К картам обращались редко, потому что немногие умели прочесть их знаки.

Моя мать гордилась тем, что принадлежала к таким умельцам. Этот дар она проявила в Гарт-Хауэле, к немалому замешательству своих наставников, потому что в остальном госпожа Ироиза была не из одаренных. Теперь, глядя на колоду в своих ладонях, она заулыбалась шире.

– Жаль, Кетан, что без рук ты не сможешь стасовать или снять колоду, как полагалось бы. Но день и час благоприятны для гадания, а я, раскидывая карты, буду думать о тебе.

Она проворно перекидала карты и, отобрав одну, показала мне картинку:

– Это будешь ты. Паж мечей, юноша в окружении неких сил.

Она выложила карту на стол. Пальцы ее задвигались с грациозным умением: она быстро перетасовала колоду, сняла левой рукой трижды в мою сторону, снова перетасовала, сняла и перетасовала еще раз. На меня мать при этом не смотрела, лицо ее сосредоточенно замкнулось. Я заметил, что происходящее захватило и меня, словно я в самом деле очутился перед ней на столе и поверил в ее способность узнать, что готовит мне грядущее.

Теперь мать раскладывала карты по кругу, слева вниз и снова вверх, чтобы замкнуть круг. Казалось, она не смотрела на них, пока не закончила. Затем, отбросив в сторону ненужные, она все так же сосредоточенно склонилась над двенадцатью оставшимися в кругу.

– Дьявол в первом доме – это твой дом. А... – Она глубоко вздохнула. – Узы... магия для тебя... двойка жезлов в доме имущества... владыка замка... судьба... власть... В третьем доме... здесь луна... опасность... мечты... Четверка жезлов в твоём четвертом доме – наступление мира и совершенный труд... гавань для беглеца... – Речь ее убыстрялась, по лицу пробегала тень непонятных мне чувств. – В пятом доме туз жезлов... рождение... да, исток судьбы... наследие... Правда, все правда!

Она кончиками пальцев постукивала по каждой карте, открывавшей ей свое значение.

– В шестом доме... успех... осмотрительность... безопасность! – С каждым знаком ее голос возвышался, возбуждение прорывалось наружу. – Седьмой дом – шестерка мечей, это выход из трудного положения... успех после тревог... Теперь восьмой дом – в нем твое природное дарование... Маг! – Она замерла, уставившись в карты в недоумении, вытеснившем недавнее самодовольство. – Владение искусствами, мудростью, способность направлять и проявлять Силу посредством желаний... Возможно ли это? А, наверняка это не о тебе. Нет, конечно же, ты орудие, посредством которого действуют другие.

Но она, казалось, сама не верила столь поспешному объяснению загаданной картами загадки. Между тем мне впервые стало по-настоящему любопытно. Способность черпать Силу свыше, направлять и проявлять ее по своему желанию. Разве не этому я учился, овладевая сменой облика? Но если это толкование верно, тогда и остальные ее предсказания... успеха, мира? Как хотелось бы в них поверить!

– Девятый дом. – Мать заспешила, словно хотела поскорее забыть о растревожившей ее восьмой карте. – Пять жезлов – да, это так... борьба для достижения успеха... потери... при недостатке бдительности. Но мы будем настороже! В этом не сомневайся. Теперь одиннадцатый дом... что в нем? Семь мечей – план может сорваться... неуверенность. Снова предостережение. Как будто я в нем нуждаюсь! Последний, двенадцатый дом... Жрец... Сила веры, потребность единения с другими...

Она сняла руки со стола и смотрела теперь не на карты, а на меня поверх свечей в лучах звезды.

– Ты видишь, как это верно, Кетан? Перед тобой величие, только протяни руку. Путь будет труден, но путь к власти и не бывает легким. Ты должен остерегаться, но перед тобой успех и единение с другими. Это хороший расклад. И все же... – Она снова обратилась к карте Мага, лежащей в восьмом доме. – Все же я не понимаю. А, случается, что смысл знаков остается

тайной. Остальное же, насколько я понимаю, верно. Мы еще будем править Кар До Пронем, сын мой, а может быть, и не только им.

Ее взгляд устремился вверх карт на стену, словно она заблудилась в блистательных грезах. Дважды она кивнула в ответ своим мыслям. Потом торопливо сгрэбла карты, вернула их в шкатулку и поднялась из-за стола.

– Радуйся, что Урсилла тебя бережет, – бросила она, поворачиваясь к двери. – Магус наковал серебряных болтов для арбалетов и поклялся до тебя добраться, а серебро смертельно для оборотня. Пусть себе правит здесь, пока может. Недолго ему осталось.

Шорох юбок по полу – и она скрылась. Но ее гадание зародило во мне кое-какие мысли. Теперь я перебирал в уме карты и смысл, который извлекала из них мать. Я был бы не так впечатлен, если бы не озадачившая ее карта Мага. Мастер искусств и мудрости – как это было от меня далеко! Такие люди были – каждый слышал рассказы о Голосах и об Иных, одни из которых были от Света, другие – от Тьмы. Но они жили отшельниками и могли подолгу не показываться на глаза – не всякий даже встречал людей, которым довелось их видеть!

Я беспокожно вышагивал вокруг плиты-алтаря. Голод и жажда меня не мучили, не чувствовал я и усталости. Быть может, возведенные Урсиллой стены хранили меня от телесных забот. Не хватало мне только терпения. Я жаждал заняться делом, которое привело меня в Кар До Прон.

И вот я принялся рассматривать комнату острым взглядом пардуса. Мне представлялось, что Урсилла должна была скрыть пояс здесь, где хранила все орудия своей Силы. У стены стоял шкафчик с плотно закрытыми дверцами. В нем хранились травы, сосуды с жидкостями и порошками для чародейства... Нет, это слишком просто. В другом шкафу, у двери, она держала те свитки, к которым меня не допускала. Не скрыт ли пояс в одном из них? Если так, мне до него не ближе, чем до серебряной поверхности луны!

Я метался взад-вперед, нетерпение подхлестывало меня, как хлыст или голод, грызущий изнутри. Свечи горели, но не оплавливались. Должно быть, их воск не скоро растает. От стойкого запаха трав у меня побаливала голова и медленно, но верно наползало уныние. Из всех успехов мне виделся только успех Урсиллы. А ради своего успеха она готова была принести в жертву меня.

О том, как трое из Звездной башни приняли участие в моей судьбе

Не знаю, когда я распознал в депрессии врага. Возможно, когда я напрягался, испытывая Силу, которой обладал, чтобы контролировать смену своего облика, долго дремавшая часть моего разума частично пробудилась к жизни. Укрепило ли его предсказание, которое так обрадовало мою мать, хотя она и была озадачена той единственной картой?

Все эти догадки были пустым делом. Разум Кетана снова брал власть над моей двойственной природой. Я сознательно сдержал метания беспокойного пардуса и растянулся у алтаря. Если кто за мной подсматривал, он должен был счесть, что я покорился и смиренно жду, что предпримет Урсилла.

А это было далеко не так. Я упорно искал выхода – и не только обычным зрением. В первую очередь я присмотрелся к горевшим в лучах звезды свечам. И понемногу уверился, что именно они каким-то образом создавали стены моей тюрьмы. Свечи горели оранжево-красным пламенем. Смешиваясь, эти цвета напоминали о телесной силе и уверенности в себе. Да, Урсилла вполне могла черпать магию из этого источника.

Что ей противопоставить? До того как стал оборотнем, я никогда не задумывался о магии и Силах. Хроники, как ни старательно отбирала их Урсилла, часто рассказывали о деяниях арвонцев, о схватках Владык и Голосов с Силами, неподвластными оружием.

Я снова представил свои воспоминания в виде хранилища свитков. В первый раз этот образ дался мне с великим трудом, теперь же пришел быстрее и стал ярче. На сей раз я знал, чего ищу. И был почти уверен, где надо искать.

Против красного цвета тела встал... желтый цвет разума? Нет, я искал сейчас не его, окрашенная в желтый логика лежала за пределом моих знаний и умений. Что же тогда противопоставить тауматургии – твердыне знания? Теургию – чувства, веру, убеждения – голубой цвет!

А против оранжевого оттенка самоуверенности, всепоглощающей веры в свои силы? Я снова стал искать.

В мире природы человек творит лишь собственный образ. Но так ли это? Творящий красоту смиренно признает, что он орудие, а не создатель. В его силах взрастить, пестовать красоту. Но созданное его усилиями никогда не сравнится с тем чудом, что было замыслено до воплощения. Итак, художник всегда ищет, он лишен самодовольной уверенности, что полностью воплотил задуманное.

Зеленый – это магия поиска, скрытая во всем, произрастающем на земле.

Голубой и зеленый.

Если ответ найден, как мне его применить? Где я видел эти цвета в знаках Силы?

Мысленная картина изменилась. Я снова полз к саду Звездной башни, видел колонны голубовато-зеленого сияния над пышными травами. Башня скрывала в себе тайну, к которой мне не было доступа.

Но в час нужды я невольно сохранил в мыслях образ башни. Я постарался представить, как иду по дорожке, как вхожу в ту остроугольную комнату, где лежал раненым. Я стал мысленно воображать эту комнату. Вот так и так...

Только картина все расплывалась в мыслях. По ней разбегалась рябь, как на потревоженной водомерками глади пруда. Комната... вот она какая!

Я вложил всю волю в одно усилие. Но...

Передо мной встала не памятная мне комната. В этой не было кровати – и все было не так. По стенам петляли унизанные сияющими дисками бечевки, подвески подмигивали внутренним светом. Трое стояли в кругу из таких же цепочек дисков, разорванном в пяти местах

высокими подсвечниками, в которых горели зеленые свечи. И пламя их было голубым и зеленым, как и стены вокруг.

Поначалу фигуры людей туманились, расплывались. Но переводя взгляд с них на огоньки свечей и обратно, я сумел увидеть их ясно, словно сдвинулась мешавшая взгляду вуаль или завеса.

Лунная дева! Она первой приковала мой взгляд. На ней опять было платье из лунных дисков и на груди подвеска с рогатым месяцем. Ее тело было серебристо-белым, как цепочки связавшего их круга. И в руке ее сиял серебряный жезл, перевитый теми лунными цветами, что она собирала при нашей первой встрече.

Рядом, тоже лицом внутрь круга, стоял незнакомец-оборотень, теперь в облике мужчины. Его загорелое тело было обнажено до пояса, в руках – рукоять меча, упирившегося острием в пол. По клинку пробегали мелкие волны голубого света.

Третьей была женщина, отказавшаяся дать мне убежище в Звездной башне, а позже врачевавшая мои раны. На ней вместо одежды всадника, в какой я видел ее раньше, была хламида посвященной – зеленая. Пояс обвивали лозы со свежими листьями. Такие же она вплела себе в волосы, вольно спадавшие на спину.

Ее жезл венчался зеленым листком, и этим наконечником она тоже указывала внутрь круга. Я видел, как шевелятся ее губы, и угадал, что она заклинает или призывает Силу, послушную ее воле.

Подчинившись непреодолимому желанию напомнить им о себе, я вообразил себя стоящим в той же комнате, за очарованным кругом. И я выкрикнул:

– Смотрите на меня! Я здесь!

На мой безмолвный крик обернулась Лунная колдунья. Она что-то сказала – неслышно для меня, потому что только слова снежного кота отзывались у меня в голове.

Двое рядом с ней обернулись, взглянули в мою сторону. Лицо женщины выразило изумление, мужчина поднял меч. Но тут женщина нацелила на меня жезл с листком. Ее губы выговорили слова.

В своем видении или сновидении я увидел то, чего не мог слышать. Слова блестящими мошками повисли в воздухе, полетели ко мне. А потом мигнули и пропали.

Женщина удивилась еще сильнее. Она бросила торопливый взгляд на жезл в своих руках. Лист снова, рисуя узор. По лицу женщины я догадался, что это не ее дело, что жезл движется помимо ее воли.

Женщина снова заговорила, и вперед выдвинулся мужчина. Его меч нацелился прямо на меня. Но мне не было страшно. В видении была какая-то легкость, словно я нашел дорогу туда, где меня ждут, где мне рады. Мне надо было только дать этим людям время это понять.

Рябь на клинке меча вспыхнула ярче. Волны пробегали по нему и крошечными светящимися капельками стекали с острия. Мужчина задержал меч поднятым лишь на время одного вдоха, а потом снова опустил к земле. Затем он кивнул Лунной колдунье, и та подняла свой цветочный жезл.

Из сплетения каменных цветов выросли новые, прозрачной белизны. Они давали свет наравне со свечами. Вспыхнув, цветы угасли.

Мне подумалось, что это – испытание для меня и что их защита против меня не действует. Во мне не было ни страха, ни настороженности. Мне сейчас отчаянно хотелось одного – чтобы эти люди меня приняли.

– Ты здесь. Чего ты от нас хочешь? – заговорила наконец женщина, и я воспринял ее слова мысленным слухом.

– Я взываю к Голубому и Зеленому, которым вы служите и повелеваете. Они и мои тоже...

Мой ответ родился не в сознании, а в самой глубине того, кто был Кетаном.

– Назови свое имя...

Я ее понял. Имя – это почти человек. Имя, выданное недоброжелателю, может послужить узами и оружием.

Меня с рождения звали Кетаном. Это имя подчинило бы меня Урсилле, ступи та на путь Тени. Но был ли я Кетаном? Сейчас я в этом усомнился. В этот час имя казалось мне лживым, словно не касалось меня настоящего. Но другого у меня не было.

– Я Кетан.

– Где ты? – прозвучал второй вопрос.

– В Кар До Проне – связан колдовством Мудрой.

– Чего ты просишь у нас?

– Знания, которое меня освободит.

– Ты, как я вижу, успел многому научиться, – заметила женщина, – раз вышел оттуда.

– Мне сказали, что есть ключ, надо только его отыскать. Я стал искать и нашел его – не в поясе, а в себе.

Женщина кивнула:

– Хорошо сделал, Кетан.

С ее лица спала неподвижная маска, которая прежде скрывала его от меня.

– Поистине, ты прошел добрый путь по странной дороге, но над ней нет Тени. Я не понимаю, что за судьба связала тебя с нами, – это узнается со временем. Но если ты, зачарованный, сумел ответить на наш призыв, значит нам с тобой по пути, хотя бы на время. Итак, ты заперт чарами Мудрой... – Она нахмурилась, словно решая трудную задачу. – Расскажи, каким образом она тебя связала.

Я, хотя под закрытыми веками видел не комнату Урсиллы, а Звездную башню, описал пылающие свечи и высказал догадку, что из их пламени выстроены сковавшие меня стены.

– Видно, ты прошел по этой дороге дальше, чем мы думали, – заговорил мужчина, – если в поисках средства против ее уз сумел добраться сюда. Что ты станешь делать, освободившись от чар?

– Мне нужен пояс.

– Это верно, – согласился он. – С его помощью Урсилла привяжет тебя к себе и подчинит. Ты знаешь, где он спрятан?

– Пока нет. Освободившись, узнаю...

Тогда впервые подала голос Лунная колдунья:

– Если тебе хватит времени.

В ее словах было грозное предупреждение.

– Я постараюсь, – ответил я ей.

– Мы дадим тебе время и поможем, сколько сумеем.

Прежде чем подарить мне это обещание, женщина на минуту встретилась глазами с мужчиной, и они словно слили воедино умы и волю.

– Уйди от нас, смотри на свои свечи. Прибегни к тому ключу, что нашел в себе...

Я открыл глаза. Комната, где стояли те трое, исчезла. Я снова был в колдовской звезде Урсиллы. Оглядевшись, я увидел, что огоньки горят все так же ровно. Оранжевый... красный... но это... должно измениться.

Я снова обратился к себе – к пардусу – за той Силой, что меняла мой облик, но теперь обратил всю силу своего желания на другое: чтобы цвета огня сменились на голубой и зеленый.

Всей волей я призывал Силу Кетана и Силу пардуса. Я исчерпал все силы... но огни не менялись. Этого... мало...

Я напрягся сильнее. Человек, пардус... их мало... мало...

В меня, словно в сухое русло, хлынула Сила извне. Я осознал перемену. Я был Кетаном. Я был пардусом, и еще... я был теми тремя, что стояли у меня перед глазами. Ток Силы, проходя

меня насквозь, менялся, смешиваясь с Силой тех, кто направил ее мне в помощь. Никогда в жизни ни с кем другим я не ощущал такого родства.

Огоньки потемнели – до пурпура. Цвет Тени?.. Нет, оттенок менялся, распространяясь от верхушки вниз. Красно-оранжевый угасал, его вытеснял зеленый с голубым. И вот свечи загорелись иным цветом – тем, от которого я ждал свободы.

Я осторожной кошачьей поступью подкрался к свече. Неужели ограждающее заклятие сорвано? Дальше... дальше...

Я стоял за чертой!

Другие, наполнявшие меня своей Силой, исчезли. Я не сумел удержать их, и с их уходом почувствовал себя покинутым, осиротевшим. Но некогда было об этом думать: до возвращения Урсиллы предстояло отыскать пояс. Завладев поясом, я не избавлюсь от угрозы, но тогда будет хотя бы надежда с ней совладать.

Я подкрался к шкафу и когтем отворил дверцу. Внутри все было, как я ожидал: коробочки, флаконы, вещицы, назначения которых я не знал. От большинства исходила аура, от которой у меня звенела кожа, дыбом становилась шерсть, а уши прижимались к голове. Раньше я не был так чувствителен к предметам Силы. А эта Сила наводила на мысль, что Урсилла если и не примкнула еще к Тени, то, докапываясь до потаенных древних знаний, подошла к самой границы Тьмы.

В сущности, я и не надеялся найти пояс в этом стоявшем на самом виду шкафчике. Следом в глаза мне бросился шкаф со свитками, и я перешел к нему.

Сколько я ни учился (пожалуй, больше других, потому что питал склонность к знаниям этого рода), моих познаний не хватило для перевода пометок на этих свитках. В Арвоне бытуют тайные языки, рожденные Силой за много веков. Я рассудил, что большая часть свитков Урсиллы относится к очень древнему учению.

Маленькие свитки не шли в счет – в них невозможно было бы скрыть пояс. И я стал перебирать лапой те, что выглядели подходящими, разбрасывал их и перетрясал, не заботясь об их древности и ценности. Мысль о подобном тайнике казалась хороша, но по мере продолжения поисков я начал подозревать, что Урсилла хитрее меня. В свитках пояса не было.

Когда последний свиток, разворачиваясь, покатился по полу, я услышал скрежет замка и, скалясь, развернулся к открывающейся двери.

Урсилла сделала один шаг и остановилась как вкопанная.

Глаза ее сощурились. Она перевела взгляд с меня на круг горевших голубовато-зелеными огоньками свечей и сразу поняла, каким способом я вырвался из плена. А потом, опустив глаза на разбросанные свитки, расхохоталась.

Ее смех был беззвучным, но сотрясал тело и растягивал губы. Это веселье ударило меня как оплеухой поперек морды. Я истратил невеликий запас своих знаний и выдал себя – теперь ей еще легче будет меня подчинить.

– Напрасные поиски, Кетан, – наконец заговорила Мудрая. – Неужели ты, дурень несчастный, поверил, что я спрячу здесь твой поводок? Ты столько лет учился у меня – мог бы быть умнее. Хотя... – Она помолчала, снова устремив взгляд мимо меня на зеленовато-голубые огни, – возможно, я тебя немного недооценила. Хотелось бы знать, как ты это устроил? Нет... – Она растянула губы в кривой гримасе, сходящей у нее за улыбку. – Сейчас не время копать в таких делах. У меня новости: господин Магус узнал, что ты в замке. Он обыскивает комнату за комнатой. К счастью...

Ей не судьба была договорить. За ее спиной в дверь вошел новый человек. Урсилла начала оборачиваться, но остановить пришельца не успела.

В свете свечей стояла госпожа Элдрис и смотрела на происходящее, как смотрят на вырвавшийся из ночных видений кошмар. Она подняла правую руку в отвращающем Силу

жесте – его применяли лишенные Дара. Случалось, при поддержке подходящего амулета он помогал против самых слабых явлений Тени.

– Что за колдовство ты творишь? – тонким, срывающимся голосом бросила она Мудрой. Урсилла все улыбалась.

– Моя Сила служит твоему дому, госпожа. Взгляни на это несчастное животное – присмотри! – Она указала на меня. – Сумеешь назвать его по имени? – Она следила за госпожой Элдрис блестящими глазами, как собака разглядывает застигнутого в поле беззащитного зверька. – Думаю, ты знаешь его имя, тем более что его несчастье на твоей совести, хотя ты и лишена Дара. Я знаю, зачем ты это сделала, госпожа. Но сотворенное Силой Сила и исправит. Кетан снова станет Кетаном. И тогда берегись, госпожа! Заклятие нередко обращается против тех, кто его наложил, даже если те действовали не своей Силой, а прибегли к посредству других. Не хочешь ли ты сама бегать по лесу на четырех лапах и в шерсти, а то и убегать от охотников?

Она придвинулась к госпоже Элдрис вплотную, лицом к лицу.

Моя бабушка отшатнулась, не сводя глаз с Урсиллы и заслоняясь руками, хоть и сознавала, как слаба эта защита.

– Нет! – взвизгнула она, рванувшись к двери. Но проем вновь оказался загорожен, и отблески света сверкнули на клинке. – Магус! – Госпожа Элдрис схватила его за плечо, вцепилась, не давая ударить.

Я знал, что он будет бить насмерть. И зарычал, припадая к полу. Урсилла развернулась ко мне. Она застыла на миг, придерживаясь рукой за стену, и двинулась вдоль нее, разбрасывая ногами пергаменты. Ее ладонь легла на угол шкафчика, с которого разлетелись свитки.

– Бей! – хлестнул меня ее голос. – Убей, или будешь убит, дурак!

Госпожа Элдрис визжала, отчаянно цепляясь за Магуса, а тот грубо отрывал от себя ее руки.

– Нет! – снова завопила она. – Она поразит тебя – Силой! Магус, зови лучников с серебряными стрелами. Сталью оборотня не возьмешь...

Магус застыл. Я по лицу видел, как он рассчитывает и взвешивает. Меня же древнее поверье не убеждало. Меч представлялся мне вполне смертоносным и очень настоящим. Хотя по всему, что я знал, серебро для таких, как я, было еще опасней.

– Убей! – снова вскрикнула Урсилла.

Она двумя руками качнула шкаф для свитков, и я удивился, не понимая, почему Мудрая не прибегнет к своему Дару. Хотя очень может быть, что ее связывал гис: не вредить никому из рода, так долго дававшего ей приют. Известно, что подобные запреты существовали.

– Убей!

С третьим ее криком пардус, бушуя, вырвался на свободу. Мной теперь правил зверь, увидевший перед собой смертельного врага.

О том, как я отверг путь зверя, и о тайне Урсиллы

«Убей», – приказала мне Урсилла. И сорвавшаяся с цепи ярость пардуса вырвалась наружу. Но во мне, уже припавшем к полу, чтобы одним прыжком долететь до врага, снова шевельнулся человек. Такое убийство... Да, оно тоже станет ключом – тем, что запрет меня в звере. Магус – враг, Магус – угроза, все это так. Но против человека должен встать человек. Пролит кровь клыками и когтями, я прикую себя к дикому племени.

Госпожа Элдрис кричала. Даже если Магус не привел с собой людей, их наверняка привлекут сюда эти крики. Я уже видел перед собой темноту смерти. И все же упрямая человеческая сердцевина удерживала тело от прыжка.

Из горла вырвался кошачий боевой клич – природа пардуса бунтовала против власти человека. Ни одно живое существо не смиряется со смертью. Вот сейчас песня стального клинка выпустит на волю мою жизнь? Или в последний миг я нанесу встречный удар?

От решающего выбора меня спасла госпожа Элдрис – Магусу пришлось поддерживать бабушку. На его лице застыла маска ненависти, глубиной и свирепостью не уступающая ненависти пардуса, но он шаг за шагом попятился за дверь. Потому что госпожа Элдрис, вцепившись в него, с плачем упрашивала подождать, предоставить меня клинкам подручных.

Она дергала и тянула его назад. Магус не мог отбиться, не ударив ее, а на это не решился даже в ярости. И вот они оба оказались за порогом. С той стороны, где стояла Урсилла, прозвучало Слово. Дверь захлопнулась сама собой.

– Почему ты его не убил?

Я повернул к ней голову. Мудрая все тянула на себя шкаф со свитками. Она напрягалась всем телом, силясь сдвинуть тяжелые полки.

Я заворчал, потому что больше не мог ответить словами. Эта часть ее заклятия утратила силу.

– Убей, или будешь убит, – повторила Урсилла. – Хотя Магус еще не знает, какую беду на себя навлек. А Элдрис... Да, у меня найдется кое-что и для госпожи.

Раздавшийся скрежет перекрыл приглушенный тяжелой створкой гомон за дверью. Кажется, те, что остались снаружи, задумали вышибить дверь. Видно, подтянулись люди Магуса.

Однако меня сейчас занимала только Урсилла. Она наконец справилась с каким-то запором, и шкаф качнулся, отошел от стены подобно дверной створке. Оставив его, Урсилла бросилась ко второму. Подобрав подол платья, она стала сгребать в него, как в мешок, коробочки и флаконы, которые проворными пальцами выхватывала из своих запасов.

Затем она подхватила жезл Силы. И указала им сперва на меня, затем на потайную дверь. – Туда! – приказала она.

В таких старых замках, как Кар До Прон, всегда есть свои тайны. Я давно об этом догадывался, хотя и не видел подтверждений своей догадке. Урсилла, поселившаяся здесь много лет назад, не теряла времени даром, и я не сомневался, что она точно знает, куда ведет меня.

На входную дверь обрушились тяжелые удары. Уже подался засов. Вход удерживало только колдовство Урсиллы, но как знать, надолго ли его хватит.

Я скользнул в проем тайного хода, на уходящую вниз лестницу. Проход шел в самой стене, был низким и тесным. Сзади сочился тусклый свет – кончик жезла в руке Урсиллы мерцал, позволяя нам видеть дорогу, хотя видеть-то было нечего, кроме грубого темного камня и бесконечных ступеней.

Не знаю, сколько мы прошли. По-моему, давно оказались ниже уровня земли под стенами замка. А ступени все вели вниз. Я услышал голос Урсиллы, одновременно приглушенный и гулкий.

– Магус храбрец! Он ворвется в комнату и найдет ее пустой. Тогда его люди вспомнят, что сила Мудрой легко уведет ее от таких громил. Тогда они станут коситься на Магуса и шарахаться от каждой тени. Ведь люди населяют свой мир выдуманными чудесами и сами готовы поверить, что видят их наяву. Да, едва ли Магусу предстоит спокойная ночь.

Она засмеялась – не беззвучно, а скрипучим, заржавленным смешком, прозвучавшим в моих ушах страшнее любого проклятия.

– Да, Магусу нынче не спать спокойно, да и другим в замке. То, что они выпустили на свободу, лишит их покоя во многих смыслах.

И она от понятных мне слов перешла на певучую скороговорку, от которой шерсть пардуса встала дыбом вдоль хребта, а из горла рвалось возмущенное мяуканье, хотя в ту минуту мне вовсе не хотелось напоминать ей о себе. Пока она употребляет свой Дар на месть Магусу, ей не до того, чтобы укреплять свою власть надо мной.

Я ясно ощутил ее недовольство, когда натура пардуса не смогла заставить меня напасть на родича. Несомненно, за это придется расплачиваться. И теперь она будет подозревать меня на каждом шагу, сомневаться в своей власти, а значит, подыщет такое заклятие, против которого я бессилён. Путь сквозь темное нутро Кар До Прона дал мне лишь короткую передышку.

Я ломал голову, куда приведет этот путь. Лестница уходила так глубоко (мы наверняка уже спустились ниже уровня погребов), что я не мог угадать, где она закончится и зачем построена. На случай тайного бегства во время осады хватило бы и простого выхода за пределы замка.

В стенах попадались отдушину, и хотя ступени были влажными, а в воздухе стоял незнакомый мне едкий запах, дышать было можно. Однако чем глубже мы погружались, тем вернее я чувствовал, что впереди нас ждет одно из Мест Силы.

Я не ощущал зла, отмечавшего жилища Тени, не чувствовал и покоя, лучившегося от Звездной башни. Тут было другое, тяготившее душу словно грузом несчетных веков.

Урсилла прервала пение и шла теперь молча – только юбки шелестели, задевая о стены. Свет ее жезла по-прежнему высвечивал нам дорогу.

Я уже готов был поверить, что ступени ведут к легендарному Центру Земли, откуда якобы вышло в незапамятные времена все живое, когда лестница перешла в туннель.

Он был немногим шире и тоже шел под уклон. На его стенах через определенные промежутки попадались резные панели. В сумраке даже глазам пардуса трудно было разглядеть рисунки. А в том немногом, что я высмотрел, не угадывалось ничего знакомого.

В отверстиях и углублениях резьбы собралась пыль, такая же лежала под ногами, причем на ней были следы, словно мы не первые шли этой дорогой. И я все острее чувствовал, что это место – чужое, что оно не радо нашему вторжению. Оно было много древнее Кар До Прона и могло возникнуть в Первую Эпоху Арвона, до войны Потерянных Владык. Если так, мало кто взялся бы исчислить его возраст.

– Постой. – Привыкнув к тишине и молчанию Урсиллы, я вздрогнул при звуке ее голоса. – Дальше поведу я.

Я прижался к стене, чтобы дать ей проход. Мудрая ступала твердо, словно ее вовсе не утомил долгий спуск с неудобной ношей в подоле. Когда она направила жезл почти прямо перед собой, его тусклый свет открыл впереди резную арку – конец туннеля.

Пройдя под аркой, мы оказались в пространстве, которое, судя по всему, было очень велико, хотя свет жезла простирался не дальше вытянутой руки. Подушечки моих лап будили шепот под ногами, шаги Урсиллы отзывались эхом. Здесь не было направляющих стен, но Урсилла уверенно шла в темноту – как видно, хорошо знала дорогу или видела цель.

Здесь тягостное чувство отчуждения стало тяжким бременем, замедлявшим ход мыслей. Груз усталости нарастал с каждым шагом. Я все же прощупывал его, не зная еще, каким образом использовать свой Дар. Нет, это было не зло, но и не то, что мы привыкли считать добром.

Здесь обитала Сила, да, но подобной я никогда не ощущал и не слышал рассказов о ней – нечто совершенно неизвестное в верхнем мире.

И снова я вздрогнул от голоса Урсиллы. Она обращалась не ко мне. Ее губы издавали странные, протяжные, почти шипящие звуки, ничуть не похожие на знакомые мне слова. Теперь она не пела, как на лестнице, а говорила отрывисто, как если бы обращалась к кому-то невидимому, дожидаясь ответа и снова заговаривала. Но я не слышал отклика из темноты на ее слова.

Вместо этого налетел холодный ветер, который обвился вокруг наших тел, обволакивая нас обоих, как будто гигантская невидимая рука могла сомкнуться вокруг нас. Низкий вой ветра был голосом чего-то непостижимого.

Я дошел до точки, в которой страх притупился. Или же само это место, сама его чуждость рождали чары, сквозь которые не мог пробиться страх. Я не боялся, зато мне стало любопытно. Я принял все, что лежало впереди, во всей его странности – не от нашего мира.

Жезл Урсиллы задвигался: взад-вперед, влево-вправо. И яркая вспышка полыхнула на его кончике, встретившись с ответным сиянием. Отблеск сверкнул слева, другой справа – перед нами лежал светлый островок.

И мы вступили в сияющий круг. Да, это был круг. Его ограничили высокие камни, вытесанные наподобие восседающих на троне созданий. Они сидели на каменных плитах, глядя в круг, но лиц у них не было.

Место лиц занимали овальные пузыри. Я говорю – пузыри, потому что они были не из камня – из иного вещества, на котором свет играл и рисовал узоры. От этих пузырей свет и расходился кругом. Разбуженный лучом жезла, он перескакивал от статуи к статуе, наделяя каждую слепым, но светлым ликом.

Над пузырями виднелись причудливые головные уборы, все разные. Тела, укутанные плащами, выглядели человеческими. Каждый истукан простирал руку (я говорю «руку», хотя тонкие пальцы скорее напоминали когти). И каждая рука что-то держала. То узорчатый шар, то жезл, похожий на жезл Мудрой, то цветок с раскрытыми лепестками. А в руке фигуры, перед которой остановилась Урсилла, был человек – маленький, как детская игрушка, и обвисший, как мертвец или нечто, еще не вызванное к жизни. При виде этого каменного человечка я стяхнул с себя навеянную этим местом сонливость, заставлявшую принимать все как должное. Это зрелище наводило на мысль, что люди – всего лишь игрушка представленных здесь безликих Сил, и я возмутился против намека на рабство.

Урсилла опустилась на колени. Но не преклоняясь перед статуей, а чтобы высыпать принесенные ею узелки, флаконы и шкатулки. Светящихся лунных ликов она будто не замечала. А мне они нравились все меньше и меньше.

В самой середине круга стояла курильница – тоже из камня. В ней скопилась зола, – верно, Урсилла уже не раз использовала ее в своих целях. Я все крепче уверялся, что она затеяла игру с чем-то таким, что лучше бы не тревожить.

Это не Тень и не Силы – но что же тогда собрано здесь? Что-то стихийное, за пределами добра и зла, родившееся прежде, чем добро и зло начали вековую войну в землях и сердцах людей. Черпать из такого источника – воистину дерзость. Честолюбие толкнуло Урсиллу на такие деяния, к которым я проникся глубочайшим страхом и отвращением.

Мне хотелось выбраться отсюда. Но меня приковало к месту, как если бы тело пардуса охватили цепи. Я поднимал глаза то на один, то на другой светящийся овал, чтобы тут же отвести взгляд. На них свивались световые узоры, перебегали оттенки цветов – это движение завораживало.

Я пошел по кругу, стараясь держаться подальше от Урсиллы, которая деловито разбиралась с захваченным из шкафа хозяйством. Кажется, я слышал (не ушами, а мыслями, как раньше голос оборотня) отдаленный шепот, слишком тихий, чтобы понять.

Урсилла выбрала что-то из своих запасов, направилась к курильнице и высыпала в нее горсть сухих, смятых трав – с такой осторожностью, словно пересчитывала каждый листик. Уронив последний, Мудрая отряхнула подол ладонью и впервые взглянула на меня.

– Что должно сделать, да будет сделано хорошо, – загадочно вымолвила она. – Сила привела меня сюда много лет назад. В древнейшем из наших свитков я прочла о загадке этого места. До нас – а мы забыли счет своих лет – в Арвоне обитали другие. Они служили своим Силам, покорялись Власти, какую нам не вообразить. Их время минуло, но остатки их Силы, пусть истощенной и ослабленной, все еще больше той, какую могут привлечь ныне Голоса и Тень. – Я ждала, я училась... – Ее голос вздымался, как крик торжества. – Я знаю, чего может добиться здесь обладающий Даром. Такой, как я!

Мне кажется, она не думала убедить меня, а просто выпевала вслух свои мысли. Ее лицо горело как бы внутренним огнем, и свечение кожи напоминало пустые лица вокруг нас.

– Теперь надо ждать, – продолжала Урсилла. – Такие дела легко не делаются. Должно выбрать верный час и призвать тех, кто нужен.

Она отошла от курильницы, вернулась к своим сокровищам. Отыскав среди них мешочек, она распустила шнурки завязки, достала бурую лепешку и разломилась ее надвое. Половину сжевала сама, другую протянула мне:

– Ешь!

Я не хотел делить с ней даже такую малость, но надо было поддержать телесные силы. Я в один присест разгрыз и проглотил лепешку. Пардусу она показалась безвкусной, но я узнал дорожный хлебец, выпекавшийся, чтобы поддерживать жизнь в тех, кому доведется подолгу обходиться без обычной еды.

– Она скоро будет здесь. – Урсилла потирала руки. – Призыв отправлен и приведет ее. Тогда мы положим начало – а за ним явится конец, и какой!

Сев у ног фигуры с человеком-игрушкой, она уперлась лбом в колени. То ли заснула, то ли заморозила сама себя. Я улегся как можно дальше от нее. Бежать в темноту было бесполезно. Я и без слов Мудрой сознавал, что это место удержит меня, пока не будет снято ее заклятие. И отделить в себе человека от зверя я сейчас не решался. Витавшая в воздухе древняя Сила внушала мне величайшее недоверие.

Быть может, я тоже заснул – или поддался чарам, погрузившим меня в подобие сна. Очнулся я словно от обморока и не знал, сколько он длился. Урсилла была на ногах, стояла рядом со мной, глядя за круг.

Ясно было, что она чего-то ждет и вслушивается в тишину. Я услышал тихий стук шагов и снова легкий шелест, какой издает метущая землю женская юбка. Звуки приближались.

Наконец пришедшая вступила в круг света. Госпожа Ироиза. Лицо ее вытянулось, осунулось. Она постарела на годы, казалась сейчас даже старше собственной матери. Но мой взгляд притянуло то, что она держала в руках – держала наотлет, словно брезговала и старалась не коснуться им собственного тела.

Пояс! Пояс, за которым я вернулся в Кар До Прон.

При виде его у меня вырвалось ворчание. Я вскочил, я был готов...

Урсилла махнула рукой в мою сторону. Словно бросила что-то невидимое. Не знаю, что это было, но взмах ее руки вынудил меня бессильно замереть на месте.

Мать смотрела перед собой застывшим взором. И двигалась, как зачарованная, словно ее, спящую, вызвали сюда колдовством. Когда Урсилла, протянув руку, забрала у нее пояс, мать вскинулась и обвела все вокруг диким взглядом.

Ее лицо смял страх.

– Урсилла! – Она комкала слова, невнятно бормотала. – Магус... Эдрис... они сошли с ума! Вломились к тебе. Магус приказал уничтожить все, что там было. Люди не хотели исполнить приказ, так он пошвырял все из окон башни, своими руками собрал в кучу и поджег. Он

не выпускает из рук меч, клянется убить Кетана за сношения с Тенью и послал гонца в Кар До Йелт, где, по слухам, живет человек, любимый Голосами, с просьбой прибыть и очистить замок. Он... он как обезумел. Готов даже на братоубийство.

Урсилла осталась невозмутимой:

– Он обзавелся ночными спутниками, Ироиза. Нельзя так просто угрожать Мудрым.

Ироиза содрогнулась:

– Ты загнала его за грань страха. Он больше ничего не боится, а только ненавидит – и хочет убивать.

– Пусть бесится, ему недолго осталось, – равнодушно бросила Урсилла. – Даже найди он ведущую сюда дверь, без моего дозволения не войдет. На такой случай там есть стражи. Не дрожи, женщина, – настал час, которого мы так долго ждали. Ты думала править Кар До Пронном, а я говорю, что ты будешь править большей частью страны.

Мать заломила руки, потом принялась тереть их о юбку, словно хотела стереть оставшуюся от пояса мерзость. Она дико озиралась, не понимая, куда попала.

– Урсилла... Маг! Я раскладывала карты, у Кетана в восьмом доме выпал Маг. Это знак... знак...

Урсилла пожала плечами:

– Знак грядущего величия. Ты мне об этом уже говорила, и я тебе объяснила, что может означать такой расклад. Ты по глупости слишком полагаешься на свое гадание. Нам ни к чему знаки и предвестия, потому что здесь спит, ожидая пробуждения, Иная Сила.

– Я не хочу... – заикнулась мать. Слезы выступили у нее на глазах, покатались по щекам, затекли в раскрытый рот. – Пожалуйста, Урсилла... это место... мне страшно здесь!

Урсилла только повела плечом:

– Слишком поздно ты спохватилась, госпожа. Обратного пути нет.

Мать закрыла ладонями лицо, стала, как маленькая, утирать слезы. Наверное, это зрелище должно было пробудить во мне жалость, но не пробудило. Какое бы родство нас ни связывало, я сейчас ничего не чувствовал к этой женщине, чей гордый нрав и жадность довели нас до такого.

О том, как Урсилла ворожила на дымных рунах и отправила меня исполнять ее волю

Урсилла держалась уверенно – видно, точно знала, что делать. Она медленно обходила сидящих, задерживалась перед каждым, чтобы взглядеться в тот перетекающий, изменчивый пузырь, что заменял ему лицо. Она так внимательно изучала эти переливы света, словно хотела вычитать в них некое послание. Закончила круг она перед тем, в когтях которого висел игрушечный человек.

Тут она возвысила голос, но не нараспев. Она извлекла из-за кружевного корсажа костяной свисток на серебряной цепочке. И поднесла его к губам, издав тонкий пронзительный свист, до того резавший слух пардусу, что я бы громко взревел, если бы мог.

Потом...

На свист ответили – слабо, издалека. Или, подумалось мне, нас разделяло не расстояние, а время. Урсилла свистнула трижды и трижды получила ответ. С каждым разом он делался слышнее, словно призванный ею приближался.

Она немного повернулась, направив кончик жезла на тщательно наполненную курильницу. Живой огонь, сорвавшийся с жезла, слепил глаза. Содержимое курильницы занялось, вспыхнуло. Однако пламя горело недолго. Когда оно опало, из курильницы повалили клубы дыма.

Обвивавший нас ледяной ветер давно улегся, и я не ощущал никакого движения воздуха, и все же дымный столб, сильно наклонившись, протянулся к фигуре с человеком-игрушкой, окутал всю статую, кроме светящегося лика-пузыря. В нем краски стали сочнее и ярче, переливы цветов ускорились. Я не поднимал головы из страха, что происходящее притянет взгляд. Потому что во мне крепла мысль, что таким образом эти древние Силы подбираются к жертве.

Урсилла выпустила свисток из губ, оставив его висеть на груди, как та подвеска с полумесяцем у Лунной колдуньи.

Лунная колдунья!

Едва воспоминание предстало перед моим взором, я вздрогнул как от удара, поняв, что о ней здесь нельзя думать, как и о других из Звездной башни, – только не здесь! Сумеют ли безрассудно вызванные Урсиллой влияния дотянуться в такую даль, чтобы нарушить покой лесного убежища? Я этого не знал, но опасался невольно протянуть к ним мост.

Худое тело Урсиллы раскачивалось из стороны в сторону, ноги же оставались на месте. Облако дыма качалось вместе с ней, выбрасывая щупальца то вправо, то влево. Эти щупальца на миг словно повисали в воздухе, а затем охватывали фигуры по сторонам той, что высилась перед Мудрой.

Таким образом дым затянул все статуи, окружив нас стеной. Когда закрылся последний проход, курильница перестала дымиться. От того, что в ней горело, осталась щепоть серого пепла.

Теперь запылали пузыри. Я слышал тяжелое, прерывистое дыхание матери. Страх развевался за ее плечами, как плащ на ветру. А потом...

Я больше не ощущал в ней ни страха, ни даже сознания. Повернув голову, увидел ее пустой взгляд. А тело ее тоже раскачивалось, точно повторяя движения Урсиллы. Волей или неволей, госпожа Ироиза вовлеклась в задуманное Мудрой дело.

А я нет. Что-то во мне упрямо противостояло колдовству. Я помнил, кто я и как сюда попал. Я крепко держал это в памяти, отводя глаза от сияющих личин. И на мать с Урсиллой я старался не смотреть, чтобы они не увлекли меня за собой.

Урсилла подняла жезл, указала им. На сей раз из кончика не ударило пламя. Нет, она коснулась им дымной стены так, словно писала на этой бестелесной завесе большим пером. Не знаю, что она при этом видела.

Я позволял себе короткие взгляды в ее сторону и тут же отворачивался, чтобы не увязнуть. И ее движения казались мне лишенными смысла.

Однако Сила и так давала о себе знать. Кожа у меня подернулась мурашками, от позвоночника к ногам расходился холод. Мне хотелось вскинуть звериную голову, выплеснуть страх и трепет в реве. Здесь пришли в движение стихии. Может быть, пробуждались сами древние скалы. Движущая ими Сила не имела ничего общего с моим родом. И я не верил, что Урсилла может ею управлять. Я не удивился бы, если бы сидящие истуканы поднялись и втоптали в землю нас, возмутивших древний покой своими мелочными хотениями.

Урсилла опустила руки, кончик ее жезла стукнул по полу. Дым редел, отступая от статуй, втягиваясь в темноту пещеры. Я обернулся на вскрик матери.

Та упала на колени, двумя руками закрывая лицо. Ее билa крупная дрожь. Урсилла же стояла прямо, лицом к тому, кого желала пробудить, – если такова была ее цель.

Она медленно повернулась. Лицо ее было почти таким же пустым, как лики сидящих фигур. А в распахнутых глазах горел огонь, какого я еще не видел в глазах людей. Недолго было поверить, что в них, как в ликах-пузырях, гуляют разноцветные волны.

Она заговорила – и такого ровного, холодного голоса я никогда не слышал.

– Начало положено, хорошее начало. Теперь твой черед.

Ее жезл поднялся, указав не на Ироизу – на меня. Застигнутый врасплох, я не успел выставить оборону.

И снова жезл не полыхал огнем. Нет, из него излился приказ – приказ и знание, как его исполнить, утвердились в моем мозгу. Я был бессилен против него. Телом – и телом Кетана, и телом зверя – правила воля Мудрой.

– Ступай!

Она снова указала жезлом. Не в ту сторону, откуда мы пришли, а за спину фигуры, перед которой склонялась, – в темноту.

И Кетан, и пардус во мне теперь оказались как бы заперты в третьей сущности, коей приказ Урсиллы дал полную власть над моим умом и телом. Кетан наблюдал за происходящим, как человек мог бы смотреть в окно тюремной камеры.

Она приказала, и я пошел. Устремился в темноту, не освещенную даже мерцанием жезла. Я в нем не нуждался. Ее приказ внедрил в меня чувство направления, тянул меня, как прикрепленный к ошейнику поводок. Пещерный зал тонул в бархатистой черноте, темнее, чем безлунная ночь. И он был очень велик, потому что, хотя я бежал изо всех сил, поднимая лапами пыль, казалось, что этому путешествию нет конца.

Наконец, видимо, добравшись до конца пещерного зала, я немного замедлил шаг, ступив на ведущий вверх пандус. Здесь не было лестниц, а только пандусы, которые раз за разом становились все круче. Увлекающий меня приказ заставлял преодолевать эти подъемы со всей доступной мне быстротой, карабкаться все вверх и вверх.

Однако, удаляясь от того странного места, я ощутил, как слабеет воля Урсиллы. Нет, вырваться из-под наложенного на меня запрета я не мог. Думаю, только опытный колдун мог бы снять эти чары, если можно снять ярмо, выкованное давно забытым знанием. Но, несмотря на запрет, я снова мог обдумывать, как сорвать план Урсиллы.

Я не думал, что она ведет меня в замок или хотя бы в окрестности Кар До Прона. Магуса мне пока можно было не опасаться. Я искал средства увернуться от действия, к которому принудит меня приказ Мудрой. Для этого следовало беречь силы.

Вверх, вверх – сколько еще осталось? Далеко ли мне до живого мира? Передо мной был лишь темный путь, и казалось, ни темноте, ни дороге нет конца.

Затем – далеко наверху, как одинокая звезда в ночи, пробилося слабое серое мерцание. Конец! Воодушевленный этим огоньком, я снова ускорил шаг, хотя усталые ноги еле двигались и ребра болели при каждом вздохе.

Серая точка становилась резче и ярче. Но она не сулила ни солнца, ни дневного света. Я позволял себе надеяться только на выход. Наконец я, преодолевая усталость, поднялся по последнему, самому крутому откосу и вышел – в сумерки.

Кругом, заслоняя небосклон, стояли округлые курганы. Из их склонов выступали обтесанные каменные глыбы. Быть может, я попал в очень древний, забытый храм или замок. Повернув голову, я бросил взгляд на отверстие, из которого вышел. Дыра темнела в склоне одного из курганов, не отмеченного никаким знаком.

Впрочем, внушенная тяга к действию не дала мне времени осмотреться. Снова натянулся невидимый поводок. У меня было неотложное дело – идти дорогой, которая приведет меня к исполнению воли Урсиллы.

Куда-то... к кому-то... Должно быть, Урсилла знала его по имени, а передо мной не было даже воображаемой картины. Но гис приведет меня на место. А потом – я должен буду вернуться с этим человеком.

Как человек внутри пардуса ответил отказом на крик Урсиллы «Убей!», так и теперь все во мне – и человеческое, и звериное – готовилось к борьбе с ее волей. Но время борьбы еще не настало. Инстинкт (или что-то ему сродни, что-то, пришедшее ко мне за время борьбы за владение телом) предупреждал: не трать сил прежде времени.

Я тихо ступал в спускающейся темноте, сворачивая туда или сюда – куда указывал гис и где мой нос чуял свободный путь. Этот путь пролегал среди леса, но я не узнавал мест и решил, что так далеко на восток меня еще не заносило.

Курганы остались позади, вокруг меня сомкнулись деревья. Как тихо было в лесу! Ни одного шороха. Казалось, все живое покинуло эти края.

Наткнувшись на ручей, я стал жадно пить, смывая пещерную пыль с морды и из глотки. Ни голода, ни боли я не ощущал. В небо поднимался тонкий молодой месяц. Он подсказал, что в пещере мы пробыли много дольше, нежели мне думалось.

Месяц не давал света, но взгляд пардуса проникал в колодезь темноты, и мне не требовалось подсказок. Дважды я обогнул места, смердевшие Тенью, как гнилые пруды. Пробегая мимо, я рычал от ненависти и мечтал порвать их в клочья.

Какие опасности таились в этих местах, я не догадывался и не имел ни времени, ни желания узнавать. Однако одно то, что в лесу стало больше таких мест, пугало меня.

Только выйдя к реке, я угадал, куда влечет меня приказ: обратно к замку! Кто же назначен моей добычей? Магус? Элдрис? Или Тэйни? Я ни к кому из них не питал любви, но то, что оставалось мной, готово было в последний час биться за их спасение. Или погибнуть – хотя телу, быть может, предстояло жить дальше.

Прыгая по камням через реку, я начал подозревать, что Урсилла ведет меня не в замок – в иное место. И понял куда.

К Звездной башне!

Угадала ли она (или вычитала в своих гаданиях), что там мне оказали помощь? Решила отомстить?

Я попытался совладать с телом пардуса. Тщетно. Рыча от ярости на свою беспомощность, я все равно продолжал бег, двигался сквозь ночь прямо к тем, кому меньше всего на свете хотел бы причинить вред. Так ужасало меня сотворенное Урсиллой, что, встань в ту минуту передо мной Магус, я бы сам бросился на его меч.

Теперь я силился подать мысленное предупреждение жителям башни. Не владея мысленной речью, я все же надеялся, что они уловят колебания выставленной вокруг башни защитной завесы.

И резко, как желанный удар меча, пришел ответ:

«Мы знаем».

Снежный кот-оборотень! Он обратился ко мне, как в прошлый раз.

– Убей! – помыслил я.

Лучше мне лечь мертвым, чем совершить задуманное Урсиллой злодейство. Я знал только, что должен был привести к Мудрой избранную ею жертву. На какую участь – оставалось только гадать.

«Приходи...»

Это сказал не снежный кот. Теперь говорила хозяйка Звездной башни. Только бы она не сняла защиту!..

Я отчаянно пытался переслать ей свои мысли, показать, какое зло несу в их мирный дом. Откуда мне было знать, велика ли вложенная в меня Мудрой Сила? Но я боялся, что в пещере она обрела могущество, неведомое на земле Арвона. И что Звездная башня окажется перед ним бессильна.

Передо мной предстали сад и Звездная башня. Я вдохнул сочный аромат трав. И всмотрелся, ожидая мерцания защитной стены, окружавшей прежде ее лучи. Быть может, она выстоит против Урсиллы?

Но дымки я не увидел. На дорожке, словно встречая гостя, стояли три темные фигуры. Я вступил в бой с собственным телом, принуждая его остановиться. Потому что мне наконец открылось, за кем я был послан.

За Лунной колдуньей!

«Убейте меня!» – снова помыслил я.

Надежды спастись во мне уже не осталось. Либо умереть здесь и сейчас, либо несказанное, невообразимое зло захватит эту девушку, а может, и других, но ее наверняка.

Ни один из троих не отшатнулся от меня, и оборотень не внял моей отчаянной мольбе. Они были в той же одежде, в какой я видел их из башни Урсиллы, когда эти трое пришли мне на помощь. И каждый высоко держал символ своей власти – ветвь с зеленым листком, перевитый лунными цветами жезл и меч. Меч! Он должен нацелиться мне в сердце, в горло!

Я зарычал, взвыл в бешенстве. Почему они меня не послушали? Я несу им беду, а они бездействуют...

Женщина первой простерла ко мне свою ветвь. Может быть, она направит через нее Силу... уничтожит меня...

Но то, что перетекло в сумятицу моих мыслей и страхов, было нежным, как припарки из трав, которыми она утишала боль в моих ранах. Кнут, которым подстегивала меня Урсилла, терял силу...

«Я опасен...» – подумал я.

Не знал, слышны ли им мои мысли, но надеялся, что хотя бы оборотень уловит предостережение.

«Мы знаем. Мы видели».

Ответ явственно сложился в моем сознании. Хотелось спросить – как? – хотя у них, конечно, были свои способы распознать нацеленные против них заклятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.